

ИНЕССА
КЛЮШИНА

ТАНЦУЯ
В ОГНЕ

Жизнь — вечная борьба за место под солнцем, и артистическая среда — не исключение. Танцовщица с огнем Гуля отчаянно стремится к признанию. Но мир артистов шаток, и конкуренция жестока, особенно если главный конкурент — твой давний враг... Планируется роман о жизни по ту сторону кулис, об артистической среде (ибо фаерщики тоже артисты). Интриги, «заваливание» конкурента, раздел территории, борьба за место под солнцем, подлости и большая дружба, любовь и амбициозные мечты, стремление к славе и искренняя привязанность к тому, что ты делаешь. А еще — это роман об огне. Именно о коллективах фаер-шоу и о самом фаер-шоу я буду рассказывать.

Инесса Ключина

Танцюя в огне

Хочу посвятить роман своему любимому коллективу фаерщиков. Ребята, спасибо, что вы у меня есть! Без ваших терпеливых объяснений, ироничных подколов и всех наших с вами выступлений этой книги бы не было. Вы мне очень дороги.

Глава 1

Звук от горящих поез, мерно раскручивающихся в руке Гули, немного походил на звук пролетающих мимо гоночных машин. Круг. Еще круг.

— Гу-уля!

Едкий запах керосина, уже родной, привычный, черная копоть, поднимающаяся от поез вместе с пламенем, и само пламя...

— Гу-у-ля-я!

Всесильное. Убирающее преграды. Дарующее и жизнь, и смерть. Равнодушное ко всему. Вечное.

— Гу-уля-я! Шалава!!!

Голос пьяного отца долетал до маленького скверика, где тренировалась Гуля. Неудивительно: сквер находился недалеко от ее дома. Задворки города, частный сектор, почти деревня — но с городскими замашками. Гуля могла бы потренироваться и около дома, на огороде, там был свободный уголок, и не угол — углице. Отец и она ничего не сажали на огороде. Но смотреть на бутылки и пьяного отца, сидящего у окна, у Гули уже не было сил.

Пои догорали. Горели сегодня восемь минут. Гуля повертела «фонтан». На нем они и погасли.

Она присела на скамейку, ожидая, когда пои проветрятся. Тогда их можно положить в пакет и со спокойным сердцем идти домой.

Звонок телефона отвлек ее от созерцания остывающих поез.

— Гуль, плохие новости, — голос Иры, девочки из ее коллектива, был не очень радостным, — в пятницу отбой, мы не выступаем. Прикинь, дядя решил пригласить Антона...

Гуля сморщилась и закусила губу. Антон. Опять Антон, везде и всюду...

— А ничего так, что ты с нами выступаешь? Он не хочет, чтобы племянница выступила? Мы же давно договаривались.

— Блин, Гуль, мне самой стремно... Но дяде наболтали, какие Антон делает фееричные выступления, как он в огне танцует... Дядя хочет на юбилей шоу. Согласись, мы ж не как Антон, шоу такого...

— Я знаю, что делает Антон, — процедила сквозь зубы Гуля. Чертов придурок. — Ладно, Ир. Запиши на видюху его выступление. Посмотрим...

— Гуль, не вопрос! Потырим у него, если что интересное будет.

— Потырим... Пока.

— Пока.

Гуля глядела на дисплей телефона, который начинал расплываться перед глазами. А из частного сектора неслись пьяные вопли папашки.

Опять без денег. Гуля и так два месяца назад снизила стоимость выступления. Демпинговала она, одним словом. Сам его величество Антон через неделю после снижения — о, небеса! Не может быть! — позвонил ей лично и сказал пару ласковых на этот счет: ведь Гуля таким образом могла сбить и его цену по городу.

Только все бесполезно. Праздничные агентства лишь стали больше себе класть в карман: своих цен они не изменили в прайсах, выпуская Гулин коллектив по той же стоимости, что и был. Правда, заказов стало чуть больше: на Антоне много не заработаешь, у

него цены и так немаленькие, а вот Гуля... Но серьезная клиентура предпочитала Антона. Еще бы. Три хорошеньких девчонки, конечно, здорово, но что они рядом с двумя не менее хорошенькими девочками Антона, тремя парнями — и самим Антоном!

Антон, как истинный хореограф, привнес в фаер-шоу сложные комбинации, акробатические номера, но главное — идею танцевального номера.

Куда недоучке Гуле до Антона! Тот закончил академию культуры, а у Гули — несколько годков в хореографической школе, несколько любительских коллективов — и огромная любовь к фаеру и беллиденсу. Все. Акробатику и модерн Гуля не танцует. Максимум, что может она и ее девочки — хорошо станцованный номер: латина, диско, беллиденс. С огнем.

Конечно, самого танца в фаере не так уж и много. Главное — работа с горящими предметами, хореография следует за огнем. Издержки шоу. «Мы ж не танцуем сто процентные танцы, главное — показать огонь».

Но Антон перепрыгнул всех и вся. И предметы-то самые лучшие — у него, и костюмы-то обалденные — у него, и танцы — то продуманные — у него...

И Гуля прекрасно понимала, почему именно коллектив Антона отправится на помпезный юбилей дяди Иры.

А два коллектива фаер-шоу на празднике — это, знаете ли, перебор.

Да и не стала бы Гуля выступать на одной площадке с Антоновским «Фристайлом». Не стоит позориться. Но подобном фоне ее коллектив, пусть и с достойными костюмами и приличной техникой, будет выглядеть бедно и несерьезно.

Гуля прислушалась. Папашка притих и больше не орал всяких мерзостей. Заснул. Окей, можно валить домой из скверика.

Она сложила пои в пакет и двинулась к дому.

Два чужих забора (бедные соседи, слушают вопли отца почти ежедневно), и Гуля потихонечку открывает свою калитку.

Несколько месяцев назад снимала квартиру с подружкой на пару. Одной — дорого, и хотя она зарабатывала сама, а не сидела на чужой шее и не клянчила ни у кого деньги, хотелось побольше потратить на себя. Еда, одежда, обувь, салон красоты — хотя бы иногда?

Но у подружки появился бойфренд, с которым они до сих пор живут вместе, и Гуле пришлось спешно переезжать обратно к отцу. А какая классная была квартира — в двух шагах от ее работы! Плюхай теперь на автобусике через полгорода, чтобы доехать до торгового центра «Май».

Гуля, заперев калитку, пригибаясь и почти не дыша, совершала короткие перебежки от бака до парника, от парника до пустующей собачьей будки, а оттуда — до входной двери. Черт разберет папашку. Проснется — вдруг придумает еще бросаться бутылками. Первый раз это случилось четыре года назад. Ей было девятнадцать, и с Антоном они работали в одном коллективе — самом старом коллективе фаерщиков в городе.

Он только закончил академию, мало что смыслил в фаере и пытался подружиться с каждым из коллектива. Посему Гуля сподобилась джентельменского жеста: Антон ее решил проводить до дома.

Вот здесь и случились летящие бутылки папашки. Но, как говорится, нет худа без добра: больше Гулю Антон не провожал, а вот бутылками, к сожалению, изредка отец так и развлекался. Гуля потом выгребала из земли осколки. Нельзя, чтобы Пушок поранил лапки.

— Кис-кис, — позвала кота Гуля.

— Мяу! — донеслось до нее. Пушок прятался от отца под крыльцом. Сейчас он выполз

из родной дырки между досками и потерся мордочкой о ногу Гули.

— Пойдем со мной спать, Пушок, — Гуля подхватила миниатюрного кота на руки (да уж, с отцом не отъешься и не забалуешь) и толкнула входную дверь. Отец не считал нужным запирается.

На цыпочках Гуля пробралась в свою комнату и закрылась на защелку. Спустив кота на пол, глянула на часы.

Половина первого ночи. Гуля чуть не застонала. Вставать в пять, чтобы к семи быть на работе в «Мае» — в первую смену.

Батяня барагозил сегодня дольше, чем обычно.

Гуля открыла окно и, перегнувшись через подоконник, отправила пакет с поями на улицу, забросив в кусты одичавшей малины. Завтра заберет и положит куда следует.

Быстро разделась, подхватила Пушка и легла в постель, прижавшись к маленькому шерстяному тельцу.

Кот, такой же одинокий, как и Гуля, не стал вырываться: свернулся рядом с ней калачиком и радостно заурчал. Пушок не был шибко ласковым, просто на его долю выпадало не так уж много любви. Так что он был благодарным котом.

Глава 2

Утренняя Гуля в зеркале не нравилась Гуле. И не утренняя — тоже не особо. Темные волосы, карие глаза, смугловатая кожа — обычная татарочка. Угу. И нос — аккуратной, но русской картошкой.

Курносенькая она, короче.

Нечего мамке было выходить замуж за русского. Но теперь что, мамка в земле семь лет как...

Сказать по-честному, они с отцом дружно жили. И не бухал отец при ней. Так, рюмашечку-другую пропустит за столом по праздникам.

Это теперь его любит белочка.

Гуля ничего не может сделать. Кодировала его — так раскодировался, гад. А хрен знает как! И ныла по молодости: «Па-ап! Не пе-ей!». Но свои мозги отцу не вставишь, и батяня лихо пропивал свою пенсию по инвалидности. А когда денег не было, тряс с Гули. «Гу-уль... Гульмира-а... дай денег, ты ж получаешь!»

Конечно, получаешь. Работает продавщицей на дядю Расима, плюс выступления — огонь и так, танцы по мелочи. Плюс она преподает в группе по восточным танцам — два раза в неделю.

Гуля батрачила по полной, но никому не жаловалась, и денег ни у кого не канючила.

Ладно, дядя Расим, на которого раньше работала мать, принял Гулю на очень приятных условиях: неполный рабочий день, два выходных в неделю, трудовая. Зарплата приличная, не слишком большая, но по меркам торгового центра — очень хорошая. Спасибо дяде Расиму.

Гуля работала у него второй год. То, что ее бывшая квартирка находилась рядом с работой, помогало ей поспать подольше и не тратить деньги на проезд. Красилась и завтракала Гуля часто тоже на работе: она продавала орехи, сухофрукты, чай и кофе в небольшом закутке на первом этаже торгового центра. Заваривала себе чайку и разоряла запасы дяди Расима, честно все отмеряя, естественно, и оплачивая через кассу каждый подобный завтрак. Только объедасть Расима не хватало.

Но теперь приходилось платить за годы жизни в съемной квартире: денег она скопила ничтожно мало, и сейчас уже не могла себе позволить квартиру, тем более она мечтала купить квартиру и машину (да-да, именно так!), на которые Гуля пыталась откладывать и по сей день — не признавала кредитов.

Количество заказов на фаер у нее резко уменьшилось, и вообще заказов на танцы стало меньше. Все вокруг возомнили себя артистами и резко бросились танцевать за деньги. Конечно, были знакомые — тамады, свои люди в агентствах, но все равно — мало, не так, как раньше, когда они только начинали, когда их коллектив был единственным фаер-шоу на весь город. Это теперь их стало с десятков, и самый известный, конечно, «Фристайл». Гуля на втором месте по известности будет, ее «Леди фаер» все-таки звучит по городу. Пяток наберется еще коллективов: самоучки, со слабой программой и костюмами. Но и у них есть заказы.

Сплошная конкуренция. Это нормально, но находиться в постоянном распахивании конкурентов локтями Гуле порядком надоело. Девочки правы, или заниматься танцами и фаером, или — торговать. Одно из двух.

Легко им так размышлять. У них за спинами родители, а у Гули — другое: не она за

спиной, а у нее на шее. А заказы не распределяются равномерно: сегодня их густо, завтра — пусто.

Поэтому она предпочитала иметь, помимо заказов, еще и стабильную работу. Неизвестно, какие сюрпризы может преподнести жизнь.

Гуля вывалила на блюдечко Пушка «Вискас» из банки и уселась на кухне с кружкой чая. Есть ей в половине шестого не хотелось. Голова болела, настроение от раннего подъема на работу было прескверное. Из соседней комнаты доносился храп отца.

Она даже заходить к нему не стала. Не хотелось расстраиваться. Если бы отец хотя бы не пил, все было по-другому. Может, Гуля была бы замужем год уже как, и чванные родители Руслана не отвернулись от нее и не настроили против сына. Но когда они узнали, что Гуля — нечистокровная татарка, и имеет в приданом русского отца-пьяницу, судьба нечистокровки решилась сразу.

Не бывать ей замужем за обеспеченным и положительным стопроцентным татаринном.

И плевать! Отца Гуля бы ни за что не бросит, хотя он иногда по пьяни честил ее на чем свет стоит. Как вчера, собственно. Но это же — ее папа.

Гуля допила чай и подошла к раковине: сполоснуть чашку. Посмотрела в зеркало над раковиной. Синяки под глазами красоты не прибавляли.

Гуля даже краситься не стала. Зачем малевать опухшее синюшное лицо? Подмажется немного на работе: по утрам в будни в торговом центре народа было мало, хоть фильмы на планшете смотри — без палева. Дядя Расим (он был, конечно, не ее дядя, но Гуле так было привычнее его называть: знала его очень давно) появлялся чаще во второй половине дня.

Заколов волосы и быстро одевшись (джинсы, майка, толстовка сверху — утренние июньские часы прохладны) и зашнуровав кроссовки, Гуля как можно бережнее прикрыла входную дверь. Пушок выскочил за секунду до того, как Гуля наглухо ее закрыла: торчать дома и нюхать стойкий запах перегара у кота тоже не было желания.

Десять минут — легкой трусцой до остановки; минут пять — ожидание маршрутки, около часа — езда до работы. Один плюс — без пробок.

Гуля вытащила наушники, и мир ее души заполнился лирикой Милен Фармер. Под эти песни Гуля так любила крутить пои! Даже сейчас ее руки незаметно выполняли годами закрепленные до автоматизма движения: в полупустом автобусе все или дремали, или пялились в свои дисплеи. На Гулю никто не смотрел.

В торговый центр «Май» она прибыла вовремя.

Закрутился-завертелся привычный рабочий день. Гуля беспощадно зевала и смотрела на часы каждые десять минут. Позвонила Ира, а еще — один потенциальный заказчик, узнавал о ценах и программе. Покупателей орехов с чаем то много, то ни одного.

К двенадцати часам Гуля под шумок выпила пять чашечек кофе, два раза чуть не уснула прямо на рабочем месте и начала отчаянно желать свободы.

Прикрыв глаза, она мечтала, как в четыре вечера закончит работу, доедет до дома. В половине шестого ляжет спать хотя бы на часок.

Нужно обязательно найти квартиру поближе к работе. Пойти к бабке, которую ей давно советует соседка, тетя Камилла, и с отцом что-то сделать. Достал своими орами и ее, и всех соседей...

— Привет, Гуль!

Кровь застыла в жилах. Гуля ушам своим не поверила. Приоткрыла один глаз. Антон. Она не забыла, как звучит его голос.

Спать сразу же расхотелось.

И почему она сегодня не накрутилась? О-ой...

— Какими судьбами? Чайку решил прикупить? — почти прошипела вместо приветствия. Сердце стало биться чаще, и Гуля ощутила раздражение и злость — обычные эмоции, которые испытывала, когда видела Антона, слышала об Антоне, читала об Антоне в журнале... В общем, чувствовала всегда, если упоминался Антон.

На красавца старалась особо не пялиться. Много больно чести придурку.

Она и так прекрасно помнила, как он выглядит. Светлые волосы, голубые глаза, прямой нос — зависть Гули. Он похож немного на викинга. Чуть-чуть, не слишком, но что-то скандинавское в лице было. Или славянское, если не считать, что курносость по насмешке судьбы досталась ей. Антон носил повязку на лбу и напульсники — по старой хореографической привычке.

Высокий, спортивный, тренированный. Посмотришь навскидку — обычный среднестатистический парень, каких тысячи. Но внимательный человек отметил бы развитые бицепсы, волевой подбородок, неторопливые уверенные движения и целеустремленность во взгляде.

Сама Гуля, увы, знала его еще лучше, и знала, каково его тело, что называется, в действии. Какие совершает кувырки, прыжки и перевороты. Он много лет занимался до кучи еще и капоэйрой, и довольно успешно, судя по сплетням о его последней программе: Гуля видела ее лишь в промо-ролике на сайте Антона. Но завтра у Иры будет полное видео выступления, которое «Фристайл» покажет на юбилее ее дяди.

А Гуля завтра будет сидеть дома и наблюдать за бутылками папашки, а заказ изначально был ее...

Злость Гули росла и ширилась.

— Купить кое-что пришел в «Май». Как дела? — Антон — сама доброжелательность — сделал вид, что не заметил последней фразы.

— Да зашибись. Если бы не ты.

Антон вроде как вздохнул печально, но Гулю жест доброй воли не обманул. Она недобро прищурилась.

— Да, я в курсе, что это был сначала твой заказ. Но я здесь ни при чем, Гуля. Это клиент передумал. Все претензии к нему, — Антон спокойно смотрел Гуле прямо в глаза и не пытался оправдаться. Гуля в глаза смотреть ему не решилась, начала перебирать пакетики для чая, сильно заинтересовавшись стопочкой с золотистыми подарочными упаковками.

«Если бы тебя не было, такого классного, мой клиент не передумал» — мелькнуло в Голове Гули, но говорить эту фразу она не стала: банально и наивно — глупо. И так все ясно, что не в Антоне дело. Он шоу настолько клевое делает, что в фаере по городу у него конкурентов нет и вряд ли будет. А вот у Гули...

— Да. Ладно, ничего, перебьюсь. Но, надеюсь, больше ты на мои заказы не залезешь.

— Я не претендую на твое, Гульмибочка. У меня под завязку каждые выходные. Несколько площадок. Уже не знаю, кого посылать по заказам...

— Да зашибись...

— Я так счастлив, что тебе нравится.

— Зашибись, — повторила в который раз Гуля. С каким бы наслаждением она сейчас вцепилась бы Антону в горло! Или лицо ногтями исполосовала, чтобы месяц выступал с расцарапанной рожой и не клеил всех баб подряд гибким и сильным телом! Гуля видела

промо-ролик. В нем Антон выступал по пояс обнаженный. Ничего необычного, но... лучше бы оделся.

«А как ты отбиваешься от толпы разгоряченных твоим выступлением баб, Антон? Не боишься, что тебя кто-нибудь пристрелит из мужиков в порыве ревности?»

Она знала ответ. Огонь заслоняет все. Разграничивает, не дает зайти в отведенный артистам круг. Если ты не пьяный или не под кайфом, конечно. Вот с такими всегда проблемы.

— Думаю уже расширяться.

— О-о... Поздравляю, — Гуля как выплонула это слово. Во всем теле отзывались частые удары сердца, и Гуля ощущала, что краснеет от затаенного раздражения.

— Кастинг, думаю, на девчонок провести в свой коллектив. Как считаешь?

— Ну да, — Гуля до боли сжала кулаки, и ногти впились в ладони. Урод, издевается еще! Расчетливый урод... Знает, что у нее не так уж много заказов. Пришел похвалиться, ублюдок.

— Ладно, Гуль, я вообще-то к тебе зашел. И по делу.

— Вау, — Гуля театрально подняла брови, — ко мне. Антон. Мне начинать кланяться?

— Лучше — начинать раздеваться. Поклонение — бестолковая штука, знаешь ли, — рассмеялся Антон.

— Раздеваться — больно жирно для тебя, — отбрила Гуля неплатоническое предложение. Сволочь, одним словом.

— Хочу предложить тебе одну вещь.

— О-о! — Гуля аж за сердце схватилась. Вещь предложить. Ну-ну.

— Я тут задумал новую программу...

— Ты их печешь, Антон, что ли? Выпекаешь пирожки? — холодно осведомилась Гуля, чувствуя, как зависть разрастается в душе пышным цветом, — у тебя же новой программе лишь год. И три других программы. Тебе зачем пятая?

— А ты очень осведомлена о моем творчестве, — на губах Антона появилась гаденькая улыбка.

— Надо же знать о новинках. А ты у нас, Тоша, впереди планеты всей, — Гуля и не заметила, как со злости назвала Антона именем, на которое возложила непререкаемое табу. Тоша — это было пять лет назад, когда они все были вместе, а не по разную сторону баррикад. Тоша — это друзья, товарищи, которые помогают друг другу словом и делом.

Они с Антоном жесткие конкуренты. И выигрывает, к сожалению, он, задвигая в тень Гулю.

— Ну, не впереди, но стараемся угнаться. Мне твоя латина тоже нравится, кстати. Костюмчики у вас, Гульмира, откровеннее некуда. Аллах что, спит, когда ты выступаешь? Или одним глазком все-таки подглядывает?

Гуля только открыла рот, чтобы выразиться чрезвычайно некультурно, но к ее прилавку подошла покупательница. Антон отошел в сторонку.

Было унижительно. Она, задолго до него занявшаяся фаером, вынуждена продавать гребаную заварку, вместо того, чтобы много выступать, хорошо зарабатывать и не горбатиться у дяди Расима, находясь в бедных сиротках. Долгие годы упорных тренировок — это что, коту под хвост? И все из-за какого-то Антона! Да, его интересы разнообразнее Гулиных, и зрелищность его выступлений никто не поставит под сомнение. Но Гуля из-за этого что — совсем ноль? Подвиньтесь, Гульмира, идите вы на фиг?

Из старого коллектива в городе остались сама Гуля и, собственно, Антон. Женья, «мастер дзен», отбыл в Москву искать нирвану, туда же отправилась семейная чета Пашки и Юльки. И Гуля дольше занимается крутками, чем Антон, пусть он и догнал ее за эти годы и, возможно, где-то перегнал: разъезжать по семинарам фаерщиков в разные города Гуля по многим причинам не могла.

И все же ее мастерство не заслуживает быть задвинутым на периферию.

— Гуля, зачем тебе эта работа? — спросил Антон, лишь покупательница отошла немного от прилавка.

— Не нервируй. А-то заваркой обсыплю, — Гулино настроение давно не было настолько плохим. Даже вопли отца не выводили так сильно из себя.

— Ладно. Ближе к делу, Гуль, — проворковал Антон, чуть опираясь на жестяные банки с чаем.

— Банки не трожь!

— Нервная вы, Гульмира, не выпавшаяся... Любовь, правильно? Хорошо, когда любовь кружит головы. Лето, любовь, свидания... Какое фаер-шоу?

Шипение Гули, похожее на змеиное, только развеселило Антона.

— Так вот, Гуль. Делаю новую программу. Танговскую, — подмигнул лукаво, — А танго танцуют двое, как известно. Мужчина и женщина...

— Ты меня решил поучить, какие в мире бывают танцы? — возмутилась Гуля, ощущая, как непонятная и опасная дрожь проходит по телу. Слишком сексуальным голосом все было сказано.

— Нет. Господи, Гуля, нет... Хочу суперский номер поставить. Танго. С поями. Но есть много нюансов. Главный — мне нужна очень сильная в фаере девочка, самая сильная из девочек в городе. Это ты.

Гуля от удивления глаза вытаращила. Прыснула тут же:

— Ай, Антон, ай, насмешил...

— Я серьезно, — в голосе и взгляде Антона действительно не было ни капли насмешки, — я сейчас о-очень серьезно, Гуля, предлагаю тебе сотрудничество. Этот танец и, возможно, еще пару танцев с моими девочками выучишь. Сольник тебе тоже обещаю, хоть с чем. Можешь солировать в групповиках, разведем на тебя мои номера...

— Подожди. То есть. Ты. Зовешь меня. К себе в коллектив?

— Да. Зову.

Гуля повернула голову и начала разглядывать декоративную пальму и скамейку, на которой сейчас сидели парень и девушка и о чем-то увлеченно беседовали.

— Почему бы тебе не поднатаскать кого-нибудь из своих, а, Тарзан? У тебя баб много в коллективе. Высокие, длинноногие, и с предметами работают неплохо. В чем дело-то, дружок? Или у тебя их сейчас острый дефицит?

— Мне нужен увлеченный человек, Гуля. Как я сам. Мои девочки много лажают, да им особо не нужен фаер, и париться они не хотят. Никто в городе из девочек не плюется огнем — только ты одна, и кометы ты одна крутишь, и... Да много чего. Они не потянут музыку, не потянут мои фишки и хореографию. А ты — сможешь. У тебя и техника, и хореография на нормальном уровне, и харизма. Гуля! Соглашайся, это хорошие деньги. Я своим мало не плачу, никто не обижается.

Гуля слушала этот бред и удивлялась. Антон рехнулся — предложить ей такое! Она руководитель собственного коллектива! А он ей — иди на подтанцовку! Ну, сольничек будет

у тебя, на, подавись! А нормальных денег, которые Гуля зарабатывает в своем коллективе, у Антона ей не увидеть.

— У меня свой коллектив, Антон. У тебя — свой. Я бросать «Леди фаер» не собираюсь. И подтанцовывать тебе в жизни не стану.

— Узнаю гордую Гулю. Знаешь, не ждал ничего другого, но... дай, думаю, подкачу. Мало заказов, снижение цен. Все такое... Может, Гуля стала из-за кризиса менее гордой?

— Отвали, придурок. Не в гордости дело.

— М-да? — с издевкой произнес Антон, — а в чем? В деньгах? В работе? Да, Гуля, мы работаем сейчас больше, чем вы. В несколько раз. Все лето у нас забито под завязку, иногда даже будни. Сентябрь, октябрь — уже сейчас заказы есть. Звонят заранее. Приличные заказы, иногда — другие города. За расстояние — доплата. Выйдет столько же, сколько у тебя. И даже, может, побольше — обговорим это дело отдельно.

— Антон, ты не понял? Я же сказала — нет! — повысила голос Гуля, и тут же осеклась: забылась, девочка. Ты ж на работе, в огромном торговом центре.

Щеки и лоб горели, и все хотелось вдохнуть, и поглубже. Антон стоял рядом, невозмутимый, как скала.

— Гуля, я не глухой. Ну нет так нет, никто никого не заставляет. Я пока раздумываю над композицией танца, и у тебя есть время. Мой телефон знаешь, позвони, если надумаешь. А нет — я действительно возьму свою девочку и потренирую ее как следует... — Антон ненадолго замечтался, уйдя с головой в свои планы, начал разглядывать расставленные на прилавке жестяные банки с разными сортами чая. Не замечая за собой, медленно провел языком по верхней губе, тут же ее прикусив. Гулю будто удар хватил тепловой — настолько вдруг стало жарко, хотя в центре исправно работали кондиционеры, и прохладный воздух даже иногда заставляла надеть кофту. Она знала, что Антон не собирался намекать ни на что подобное, но внезапно слово «потренирую» у Гули получило новое значение, не очень цензурного плана.

— Во-во. Потренируй, — пробормотала Гуля пересохшим ртом.

— Короче, не прощаюсь. Наберешь... Я тебя даже жильем обеспечить смогу. Но это — к слову.

Гуля почувствовала, что еще немножко, и она раздуется от злости до невероятных размеров, а потом лопнет, как воздушный шарик. Пока, с трудом дыша, находила слова для убийственного ответа, Антон уже давно ушел вглубь торгового комплекса, а кричать вслепую для Гули было равносильно позору. Только на Антона она еще не орала. Не заслужил он смерти ее нервных клеток, пошел он!

— Спать на коврик в твоём танцевальном центре? Нет уж, спасибо. Обойдусь, — пробормотала Гуля со всем сарказмом.

Остальные четыре часа Гуля просидела на своем стуле как на иголках. Антон, видимо, вышел из «Мая» через другой выход, и Гуля его так и не увидела, сколько не разглядывала проходящих мимо посетителей.

Через час Гуля поостыла и смогла трезво рассуждать. Любой разговор может дать ценную информацию, а уж сколько ей наболтали сегодня!

Первое и самое важное: Антон делает новую программу. Танго. Только от одной тематики у Гули побежали мурашки по коже. Зная Антона и его хореографический размах, Гуля могла легко себе представить и идею танца, и настроение, и даже костюмы. Обязательно — каблуки. Короткое черное платье, а на Антоне, возможно, строгие

классические брюки и рубашка... Настроение — хождение по лезвию бритвы. Страсть до чертиков, до остановки сердца, балансирование на краю — и вновь возвращение в рамки приличий.

Гулю эта программа заинтриговала. Если бы они не были такими злостными конкурентами, то, возможно, Гуля бы и согласилась... ну так, прийти и посмотреть, не то, чтобы танцевать... А, может, и танцевать...

Она провела рукой по лбу, вытирая испарину, выступившую после того, как представила себе танец. Антон же устроит секс в чистом виде! И не просто — секс, а страстный, жаркий, одурманивающий, на виду у всех.

Гуля не будет танцевать с Антоном! Никогда, пусть даже не надеется! Да, она танцует восток на корпоративах, но это — загадочный, чувственный восток, а в ее исполнении — еще и немного игривый, и танцует Гуля его одна, и этим все сказано! А дуэт с Антоном — это ж ни в какие ворота! Она не выдержит такого накала, обязательно влюбится, будет вешаться на него, как это делают его бабы — Гуля была уверена. Нет, нет. Сто раз нет.

А он следит за ее программами — вот веселье! Вторая по важности информация. С чего такое неугасающее внимание к Гуле? То позвонит и отругает, что она цены снизила, то пялится на ее видео, где она и ее девочки работают бразилию и латину на высоких каблуках, в расшитых лифчиках и — о, Аллах! — трусиках, прикрытых сверху лишь поясами с густой навеской.

Гуля спешно перекрестилась, замотала головой, вспомнив, что она вообще-то мусульманка (солидарность с мамой и ее родней, назло папашке). Но бабушка Гулю, правда, в детстве успела еще и покрестить, и ходила в детстве в храм Гуля часто с бабушкой, но все же Гуля решила для себя, что она будет считать себя мусульманкой: все ее знакомые татары были мусульманами. Она особо ни во что не верила. Просто отвечала на вопрос, когда спрашивали, какую религию исповедует.

Гуле на все различия в вере было плевать. Родители вообще никогда из-за этого не ругались, и иконы бабушки мирно уживались с Кораном.

Но бабушка умерла, умерла мама. Гуля осталась наедине с ошарашенным отцом. Соседки говорили, он приведет в дом другую женщину, и шестнадцатилетняя Гуля готовилась принять мачеху если не на штыки, то на ножи. Но отец никого не привел. Вместо этого он стал пить.

А Гуле пришлось выживать самостоятельно.

И не ее вина, что полуголые девочки на каблуках и с огнем так хорошо смотрятся на выступлениях. Гуля начинала с джинсов и обычной одежды, пока не поняла, что на сцене действуют другие законы. И родные джинсы для нее не подходят.

Она артистка. Создает иллюзорный мир с помощью огня и своего танца. Мир, в котором счастье и гармония, а еще — красота.

Но Антон создавал мир более совершенный, чем Гулин. У него было все: специальное образование, талант, но главное — удивительная работоспособность и желание.

Но Гуля была готова составить ему конкуренцию. Здоровая конкуренция очень важна, правильно?

Покупатели будто специально ее игнорировали. Выручка была за сегодняшний день у нее мизерная.

Она огляделась и вытащила сотовый. Глядеть по сторонам было, конечно, лишним, но дядя Расим мог нагрянуть неожиданно, особенно — во второй половине дня, и за телефоны

на рабочем месте он по головке не гладил.

— Ира, говорить можешь?

— Да, Гуль.

— В субботу собираемся на тренировку у меня. Как всегда, в шесть. Видео с Антоном не забудь записать.

— Эгей, Гуля! Без проблем! Тырим по полной?

— Посмотрим, что сейчас модно в этом сезоне. Промо-ролик видели, но хочется полную версию.

— Гульмира, ты свободна во вторник?

— Да, Оль.

Гуля сидела в скверике на скамейке, ожидая своих девочек, и говорила по телефону со знакомой из праздничного агентства.

— Нужны два танца. Татарский и восток. Первый выход где-то в семь... семь тридцать максимум. Следующий — восемь.

— Где?

— Ресторан «Марта».

— Там классная гримерка для артистов, помню.

— Ага. Все, берешь? Кстати, заказчик долго выбирал, но ты ему понравилась.

— Ну и здорово. Да беру без вопросов.

— Оплата как обычно. Тогда жду тебя в «Марте», к семи.

— А что с фаером? — будто между делом поинтересовалась Гуля. Сольные танцы стоят недорого, много денег на них не заработаешь.

— С твоим — ничего, Гуль... У нас Антон пока. И еще у «Фаер дрим» заказики. Они новую восточную программу сделали. По-моему, у тебя слизали кое-что. Я ж знаю, как ты любишь ноги бросать наверх, к месту и не к месту, — собеседница Гули весело рассмеялась, — у них вот девочка тоже стала бросать. И фишки твои с прогибами...

Гуля закусила внутреннюю часть щеки. Слушать о таком было неприятно.

А Оля продолжала безвозмездно делиться новейшими сплетнями:

— И назвали программу знаешь как? То ли испытательной, то ли еще какой... Экспериментальной, вот! А поэтому, значит, они как бы берут за нее меньше, она типа в разработке, а уж потом будут брать большие деньги. А народу что нужно? Подешевле, скидки всякие... Поэтому заказов у них прибавилось.

— По-моему, Антон стоит недешево, но у него всегда куча.

— У-у, сравнила! Антон — это Антон. Но и к нему подкатывают не очень денежные клиенты. Он, как я знаю, в таких случаях посылает своих запасных людей, но все они работают, в принципе, неплохо. У Антошки нет слабых фаерщиков в коллективе. Спрашивает со своих — мама дорогая! Тренируются стабильно. Мы с ним только вчера об этом говорили.

— Ясно. Оль, у меня девчонки идут, перезвоню, — у Гули защипало в глазах.

— Окей, Гуля!

Девочек еще не было и в помине. Гуля, шмыгнув носом, прилегла на деревянную скамейку, уставившись в летнее голубое небо немигающим взглядом.

Устала. Устала гнаться за Антоном. Бесполезное, бессмысленное занятие, бесперспективное...

Когда он только пришел в их коллектив, было заметно, что парень останется надолго. Одно время Женька даже передал бразды правления Антону. Вот тогда начались чуть ли не ежедневные тренировки, солдатская муштра, индивидуальные занятия... Потом Женьке надоел Тошкин каземат — он был человеком чрезвычайно свободолюбивым — и все обязанности вернулись к Гуле. Она же помягче характером, считал Женька совершенно справедливо.

— Гу-уля, привет! А что у меня есть! — приближающаяся Ира помахивала видеокамерой.

Гуля резко села.

— Покажь!

— Сейчас. Гу-ля-я... Я не могу! Ты сейчас меня поймешь! Юлю ждать не будем?

— Включай. Если захочет, сама посмотрит.

— Гуль, это было нечто-о... — не особо эмоциональная Ира была необычайно оживлена, — просто на грани. Сейчас увидишь!

И включила камеру.

Темная площадка, большая — есть, где развернуться. Чашки на подставках, фитили в которых залиты керосином, еще не подожжены. Эти чашки всегда расставляются по всему периметру площадки, отделяя импровизированную сцену от зрителей.

Первым номером был выход Антона. Тот, в штанах и жилетке по типу восточной, вышел «баловаться с огнем». Да-да, именно баловаться. Он когда-то объяснял Гуле, что есть в хореографии понятие «продажа персонажа». Огонь — тоже персонаж, его надо «продать», и дорого.

Антон, играя лицом, то задумчиво, то хитро вертел горящий с одного края шест. Зажег фитили у всех чашек между делом, и получилась некая граница из огня между выступающими и зрителями.

Зрители не стояли вплотную к чашкам: их предупреждали перед выступлением, чтобы и от горящих чашек они держались подальше.

Когда Антон зажег все чашки и поджег второй конец шеста, музыка изменилась: медленная часть Антона закончилась, началась быстрая. Антон встал в центре, крутя шест; по бокам встали крутить шесты еще два мальчика.

К ним вышли три девочки. Три? Откуда третья, было же двое? Гуля будто наяву ощутила неслабый пинок под пятую точку. Девочки танцевали с горящими чашками. В коротких платьях, украшенных светоотражающими элементами, они очень хорошо просматривались. Все, как одна, высокие, стройные, с обалденно длинными ногами. Не чета мелкой Гуле.

Три красивых пары образовались на площадке. Девушки заходили за парней, и из-за их спин проводили горящие чашки в опасной близости от ребят; несколько танцевальных комбинаций; перестроение пар на площадке. Вперед, в самый центр вышли Антон и хорошенькая блондинка. Следующие танцевальные комбинации...

Гуля любовалась четкими и техничными движениями Антона. Никакой суеты и несобранности, все кажется таким обманчиво легким!

Некоторые перехваты шеста она видела впервые. С шестом работала постоянно — в ее группе горящие шесты не крутила ни одна девочка.

Антон поднял шест высоко над головой и вытянул другую руку вперед — это будущая поддержка для блондинки. Та легко прогнулась, опираясь на сильную руку руководителя коллектива. После глубокого прогиба девушка, повернувшись к Антону, страстно посмотрела на него, в то время как Антон той же рукой, что выполнял поддержку, легонько дотронулся до ее талии, глядя на блондинку не менее страстно. Огонь, рвущийся из горящих чашек девушки, направленных подальше от Антона, к зрителям, эффектно подсветил этот взгляд. Потом блондинка, резко мотнув головой с уложенными в шишку волосами, шагом от бедра неторопливо прошествовала в центр площадки. Туда же направлялись и две другие девушки: до этого их партнеры также подставили им руки, чтобы они, как и партнерша

Антон, красиво прогнулись.

Но Гуля смотрела только на первую пару. И она бы поклялась, что и все остальные зрители в тот момент смотрели исключительно на нее.

Отработанные мелкие детали, бьющие через край эмоции... В этом был весь Антон.

Танец девушек с веерами и парней с шестами сменился выходом одного парня, крутящего длинный горящий меч. Второй меч подали Антону, который так и не ушел с площадки. Следующий номер — битва на мечах. Антон и его противник прыгали, зависая в воздухе, схлестывались вновь и вновь горящими мечами. Финальная точка танца — победа Антона.

Позже были девушки с горящими веерами, синхронно отработавшие номер под зажигательную музыку. Гуля даже языком цокнула: настолько хороши были красотки. Да, Антон никого не жалеет, гоняет по полной. Отсюда и результаты.

Девочки и Гуля тоже тренировались, но из-за дружеских отношений Гуля не смогла поставить себя с ними так, как это делал Антон со своими ребятами.

Пропускаешь тренировки — уходи. Не улучшается техника — уходи или работай во втором составе. Таковы были правила Антона. Гуля слышала много сплетен, но сегодня воочию убедилась, что все сплетни — чистейшая правда.

В конце номера одна девушка, ждавшая «своей» музыки и не тушившая веера (остальные девочки давно отдали горящие предметы технику, который загасил их), пошла «пугать» зрителей: подошла близко — близко к горящим чашкам, разделяющим мир фаерщиков и гостей, смотрящих выступление. Соблазнительно улыбаясь, покрутилась сама и покрутила веера, чуть-чуть вышла за пределы очерченного чашками круга. Совсем немного. Девушка прекрасно осознавала, что она делает и как надо работать с веерами, чтобы не случилось какого-нибудь неприятного инцидента с огнем в опасной близости от зрителей. Сама Гуля выходила примерно на такое же расстояние.

На заднем плане в это время натягивали гигантскую веревку, пропитанную керосином, как подозревала Гуля. Ее будут поджигать.

Гуля сама скакала через горящую скакалку, но такую огромную видела впервые. Как в детской игре, ее держали два человека. Когда она загорелась, девушка ушла от зрителей в «рабочую зону» — место, где находилась тушилка и техник. Он забрал веера и положил на специальную ткань, пропитанную водой.

Но туда Гуля долго не глядела. У нее самой такой же техник, и так же стоят огнетушители — на всякий случай. А вот огромная горящая веревка занимала ее чрезвычайно.

В промо-ролике было кое-что, но промо — это всего лишь реклама. «Заманушечка» для зрителя. Самые эффектные моменты. Но последнего номера там было всего ничего, хотя даже этого Гуле хватило, чтобы понять, что она — бестолковая неумеха.

Заиграл новый трек — оглушающие, будоражащие кровь барабаны. Музыка звучала очень громко, дабы заглушить выкрики из толпы.

Горящую веревку мерно раскачивали два парня. Раскачивали пока вниз, не поднимая высоко. На площадку вышел Антон. Первые несколько секунд его выхода были смазаны дрожанием руки оператора. А у Гули задрожали все поджилки: камера бесстрастно запечатлела обнаженный, мокрый от пота торс Антона, и его горящие невыносимым драйвом глаза — прямо как у фанатика. На последний номер жилетку он снял.

Антон улыбнулся зрителям и сделал несколько движений из капоэйры, один кувырок.

Неуловимый сигнал парням, и полыхающая веревка взметнулась вверх.

Ему удалось соединить акробатику капоэйры и огонь.

Веревка неспешно поднималась и опускалась, пока Антон выделял невообразимые вещи. Тренируйся Гуля лет десять, вряд ли бы у нее получилось подобное.

Он прыгал через веревку не так уж долго, но для Гули, неподвижно стоящей и смотрящей на небольшой экранчик камеры, эти мгновения показались вечностью.

И замирало сердце каждый раз, когда поднималась и опускалась чертова горящая веревка...

В финале Антон сделал кувырок вперед, лишь на секунду опередив летящую вниз веревку.

Гуля выдохнула. Как и все зрители. Последние такты музыки заглушил шквал аплодисментов и криков.

Конечно.

Понятно.

Гуля не заметила, как губы себе искусала. А еще смотреть на обалденный торс Антона с рельефными мышцами! Не перекачанными, как у парней из качалки, а такими...рабочими, настоящими. Сильное тело Антона, да еще частично обнаженное, приковывало к себе внимание, а точеные и непринужденные движения завораживали. Она даже через видео почувствовала драйв и бешеную энергетику Антона.

Даже начинашкой он был таким, и сексуальность просто брызжила из каждого его движения. Молоденькая Гуля все глаза себе испортила, думала, что вконец окосеет, пытаясь незаметно подглядеть за Антоном. Оголенные торсы — тогда, четыре года назад, это был хит всех вечеринок. Теперь Антон изменил моду: его парни надевали жилетки, рубашки — в зависимости от заказываемой программы. Но иногда он выступал по старинке, например, в этой, где надо было показать нечто на грани. Как программа, которую она сейчас посмотрела, называлась? «В огне»?

— Гуля, вживую... это что-то. Антон супер. И не зазвездился ни капли. Мы даже немного поговорили после.

— О чем? — стараясь казаться равнодушной, спросила Гуля.

— Да обо всем. Сказал, много потратил нервов на эту программу, но она того стоит. Тебе, кстати, привет передавал...

— А-а, — еще равнодушнее протянула Гуля.

— Ну и все. Они торопились: у них еще было выступление. Второе.

— Ясно.

— Забыла! Антон похвалился: квартиру купил. Двухкомнатную. Представляешь? Это все на огне заработал.

— Он же жил в своем танцевальном центре?

— Ну да. Теперь у него и танцевальный центр, и квартира. Круто, да?

Круто. А у Гули только пьяный папашка и немного сбережений, накопленных за все годы фаера. На машину хватит, и то — смотря какую, на квартиру — однозначно нет.

— А дяде понравилось?

— Конечно! Он вообще с Антоном мало не расцеловался, а бабы с юбилея чуть Антошку не порвали на британский флаг, только бы с ним сфоткаться...

«Жаль, что не порвали», — подумала про себя кровожадная Гуля.

Ее бы жизнь стала от этого неизмеримо легче. Так нехорошо думать, ведь Антон тоже

человек, но... если бы у них была настоящая конкуренция! Но на деле конкуренции нет! Антон вне конкуренции.

Гуля на капоэйру не решится, а если решится — это будет всего лишь жалкая пародия.

Пора привносить в свою программу что-то новое. Но что?

— Где там Юлька? — проворчала Гуля, вытаскивая телефон, чтобы позвонить потерявшейся Юле, — Ир, пока звоню, бери пои... Начинай тренироваться... примечания к 3 главе как говорится, лучше один раз увидеть Laughing Laughing Laughing. очень хорошая девочка с горящими веерами <http://www.youtube.com/watch?v=hUDYcuIokDM> горящие шесть (небольшая обучалочка, но зато он горящий и сразу все видно)))) Wink а мож что и сразу поймете в объяснениях и мужа дома попугаете Wink Wink Wink(шутка. дома такое лучше не делать. и на улице — оч аккуратно, после многочисленных тренировок БЕЗ огня. это я на всякий пожарный: lolSmile <http://www.youtube.com/watch?v=d78xGR4I9E8> а на первой страничке я выложила фотку с «плевком». там на переднем плане на фото попала одна «заградительная» чашка))) дальше, по жаргону. «Антон стоит дорого» значит выступление Антона стоят дорого. беру заказ — работаю, выступаю, танцую... если еще что-то не ясно — спрашивайте)))я постаралась вроде бы все объяснить в тексте

Гуля стояла около калитки.

Сумка — на земле, чехол с костюмами — переброшен через руку. К ней медленно подъезжала машина Марата.

Сам Марат — техник из ее коллектива. Замачивает в керосине и тушит реквизит, доставляет коллектив на место работы — в кафе, загородную турбазу или загородный ресторан, после выступления — развозит по домам, получая определенную сумму с каждого заказа. Как и ее девочки.

Но сегодня Марат приехал лично за ней: он отвезет и заберет ее из «Марты». Тратиться на такси Гуля не хотела: Марат подешевле обойдется. А ему — небольшая приятная подработка.

Серебристая десятка остановилась около Гули. Открыв заднюю дверь, она положила чехол с костюмами, аккуратно расправив его.

Села на переднее сидение.

— Привет.

Марат щелкнул языком.

— Ты такая накрашенная, Гульмира, когда танцевать едешь. Когда у тебя фаер, столько на себя не изводишь...

Гуля похлопала накладными ресницами.

— Марат, огонь — это огонь. Уже шоу. А в танце шоу создаю только я, без спецэффектов...

По дороге Марат рассказывал Гуле о годовалой дочке. Гуля кивала и параллельно перебирала в памяти все то, что взяла с собой.

Костюмы. Музыка. Народные туфли для татарского, начищенные до блеска. Украшения для востока — браслеты на руки, сережки. Лак для волос и еще один, с блестками, для тела. Сланцы, чтобы дойти до зала, когда она танцует восток: беллиденс танцевала босиком. Вода, потому что иные жалятся даже на минералку, а просить не в привычке у Гули. Заколки, булавки, резинки...

Очень хотелось спать — сегодня опять была первая смена. Неожиданно прибыл дядя Расим, начал ревизию.

Ну как, ревизию. Даже если и Расим находил какие-то несостыковки в кассе, Гуля зарабатывала лишь сокрушенное покачивание головой, и только. Он не штрафовал ее давно: уже год как. И все спрашивал с сочувствием, почему у Гули пролегли синие-синие тени под глазами. И сегодня тоже спросил об этом.

«Гуля, может, тебе закончить выступать? Ты же совсем зеленая ходишь».

Ему не понять. В этом вся Гулина жизнь.

— Приехали, Гульмир. Когда тебя забирать?

— Я позвоню, когда мне точно скажут, когда у меня второй выход.

— Нет вопросов, — Марат помог Гуле забрать все вещи из машины. Посмотрел на кафе с сомнением:

— Проводить до гримерки?

— Да здесь недалеко. Дотащу все сама, — Гуля повесила на плечо большую сумку, прихватила костюмы. Зашла в кафе с черного хода — не у всех кафе имеется черный ход, но

у этого — есть. Полезная вещь, между прочим. Гуля очень не любила толкаться между гостями, ловить на себе заинтересованные взгляды.

Она прошла по узкому коридору и завернула в небольшую комнату. В ней уже переодевалась одна девочка. Гуля приветливо кивнула ей: Катя на корпоративах играла на электронной скрипке. Или электрической — Гуля в этом не особо разбиралась. Но пересекались они частенько.

— Отвыступала?

— Да, Гуль. Отстрелялась уже. А ты что сегодня танцуешь?

— Восток и татарский. Как гости, нормальные?

— Ничего, пойдет, — Катя застегнула джинсы, — не очень веселая публика, но и нескучная. Хлопают, нормально принимают... В общем, все зашибись. Пойди к тамаде и отдай флешку.

— А тамада кто? — очень важный вопрос.

— Димка все ведет. Димка Рябов. Хороший...

— Знаю его, — согласилась Гуля. Он действительно был хороший ведущий, никогда не делал гадостей типа выключения музыки не вовремя или не предупреждения о выходе.

— Еще будут пузырьки, приедут попозже. Больше артистов нет, — сообщила Катя.

Шоу гигантских мыльных пузырей Гуля никогда не видела, хотя постоянно сталкивалась с ними на корпоративах и банкетах. Но они выступали или до нее, когда она приезжала с огнем, или после, когда Гуля танцевала свои постановки. Обычное дело для артистов. Пересекаешься со многими, но посмотреть выступления редко получается. Для кого-то — отдых и развлечение, для кого-то — работа.

Гуля сходила в зал, стараясь пройти как можно незаметнее. Была «курительная» пауза, так что в зале почти никого не было: многие гости решили подышать воздухом.

Димку заметила издали — в клетчатом экстравагантном пиджачке и при бабочке. Поговорила с ним о выходах, отдала ди-джею флешку и вернулась в гримерку. Катя все еще собиралась.

Гуля вытащила из чехла татарский костюм и начала переодеваться.

— Классные костюмы у тебя, Гуль, — отметила Катя.

— У тебя не хуже, — заметила Гуля, не прекращая переодевания.

— Да что — у меня. Вот у тебя — все разные. То цыганский, то индийский, восточные — вообще глаз выколешь.

— Приходится, — Гуля пожала плечами.

— Да уж, в нашей работе так — чем красивее и богаче, тем круче...

— Угу, — Гуля натягивала татарское платье с оборочками. Штанишки она уже надела. Оставались жилетка и тубетечка с вуалью (ее нужно закреплять заколками), да застегнуть народные туфли, да еще куча мелочей, необходимых перед выступлением: проверить макияж, подкраситься, привести в порядок волосы. Гуля прическу сделала еще дома, но залачить волосы нужно обязательно. Впрочем, пользоваться лаком для волос следует аккуратно: дальше — восток, и склеенные пряди в этом танце будут смотреться вульгарно.

Гуля немного размялась перед выступлением: танцевать но «холодное» тело нельзя: мало ли, какую связку потянешь. Или мышцу.

Ведущий Димка позвонил ей минут через пятнадцать.

— Гуль, пятиминутная готовность. Можешь подходить потихоньку к залу. Я посажу

всех гостей, один конкурс, а потом — ты. Нормуль?

— Да.

Гуля накинула поверх костюма черный балахончик в пол на липучках: удобнейшее приспособление, чтобы не «палить» костюм раньше времени. Около входа, лишь ее объявит ведущий, она снимет накидку.

Гуля подошла ко входу, когда Дима заканчивал конкурс и раздавал подарки участникам. Он повернулся к двери, чтобы проверить, пришла ли Гуля, и та, чуть приоткрыв дверь, кивнула ему.

— Подарки на сегодня не заканчиваются! Встречайте — неподражаемая Лейла!

Лейла — ее сценическое имя. Она перебрала их кучу: Амира, Багира, Джамила, даже Шахерезадой была. Остановилась на Лейле.

Потому что одно дело — тамада объявит: «Выступает Лейла», а другое: «Выступает Гуля». Даже Гульмира — не звучит. Требуется звонкое, броское, звенящее имя, навевающее подходящие образы...

Заиграла веселенькая татарская музыка. Гуля подхватила краешек платочка и открыла дверь, нацепив на лицо выражение великого счастья и лучезарную улыбку.

Гуля не первый раз здесь выступала, так что не бегала смотреть площадку заранее. Одного взгляда хватило: столы стоят буквой «П» — их обычное расположение в этом заведении, если намечается банкет.

Номер Гуля отработала на автомате: танцевала его уже третий год. Знай себе улыбайся, ставь ножку на пяточку, моталочки и ковырялочки, прыжки и остальная народная лексика.

Кидала быстрые взгляды в зал: ничего, хорошо принимают, и юбиляр, улыбаясь, смотрит. Дотанцевала до конца, поклонилась. Раздались аплодисменты: не овации, но приличные. Ладно, нормально. Гуля с достоинством ушла переодеваться.

Минут через пять в гримерку забежал Дима.

— Гуль, минут через двадцать будешь готова?

— Да.

Не спеша сняла татарский костюм, повесила на плечики. Глотнула водички и вытащила восточный костюм.

Надела юбку, на юбку сверху, на кнопки, специально пришитые для этой цели, посадила пояс, и только потом — лиф.

В гримерке было небольшое зеркало, и Гуля — в который раз! — залюбовалась костюмом.

Лиф и пояс сверкали всеми оттенками страза. Черные, красные, зеленые, розовые, голубые, фиолетовые, желтые, белые... В противовес им, юбка с большим количеством воланов была сшита из телесного гипюра. Такого же цвета был трикотаж, который пошел на подкладку — Гуля не любила слишком откровенные костюмы, и гипюр нещадно просвечивает. Но высокий разрез на левой ножке ей нравился: такова сегодняшняя мода, и Гуле есть что показать.

Лиф и пояс сияли даже от неяркого света, отбрасывая невообразимое количество бликов.

«Йолдызым минем, соеклем минем!» (Моя звездочка, моя любимая — татар.).

Мама ночами шила первый Гулин восточный костюм, чтобы дочка выступила на Новый год в своей группе по восточному танцу, а Гуля расшивала лиф и пояс бисером и пайетками. Отец ворчал, что они обе не спят, хотя на костюм посматривал. Все думал попасть на

праздник в их группе, но с работы его не отпустили. И дядя Расим не отпустил маму: она торговала в его небольшом магазинчике, и в предновогодний вечер была очень нужна.

Мать переживала тогда: она купила очень мало страз, больше на костюме было бисера и пайеток. А вдруг дочкин костюм будет смотреться бедно на фоне чужих, более расшитых, костюмов?

Стразы были для их семьи слишком дороги, а копеечные пайетки и бисер Гуля легко могла себе позволить.

Теперь у Гули много восточных костюмов — один шикарнее другого. Стразы, стразы, на некоторых — ничего, кроме страз, густо усыпавших лиф и пояс, как, например, на этом.

Но разве в стразах и дорогих костюмах дело?

Ни их, ни ее танцев мама так и не увидела...

Гуля не стала больше размышлять на эту тему. Распустила волосы, расчесалась, подправила макияж, побрызгала на тело лак с блестками.

Обычно заказчики просили танец с предметом. Гуля танцевала беллиденс с саблей, вуалью и тростью. Но этот заказчик захотел обычный танец, без всякой атрибутики.

Браслеты со стразами на руки, в уши — ярко блестящие сережки. Гуля теперь сверкала как новогодняя елка.

Небольшие завершающие штрихи, и Гуля полностью готова. Начала разминаться: если перед татарским танцем достаточно размять только ноги и немного корпус, то перед беллиденсом нужно растянуть все. Гуля прогнулась и даже на шпагат, насколько ей позволил костюм, потянулась. Бросала она ножку в высоченный батман где-то в конце танца. Не могла она без бросков ногой ну никак. Нравились они ей. В татарский вставить махи ногами нельзя — не положено. Народный танец, строгий в своих законах.

А вот беллиденс дает больше возможностей в плане хореографии. Хочешь, заимствуй движения из латины, хочешь — гнись долго-долго или те же батманы кидай. В разумных пределах, конечно, и в зависимости от музыки. В любом деле главное — не переборщить.

Звонок ведущего отвлек Гулю от разглядывания себя в зеркале.

— Гуль, готова? Выйти раньше сможешь?

— Да. Свет!!! — в последнюю минуту успела выдохнуть Гуля.

— Выключу. Бегом.

Подхватив юбку, Гуля босиком выбежала из гримерки, даже не накинув черный балахон.

Нормальный рабочий форс-мажор.

— Дамы и господа... Очаровательная Лейла! — Гуля в это время переводила дыхание, стоя за дверью.

Заиграл проигрыш. В зале приглушили свет, и Гуля шагнула в зал, задумчиво опустив голову.

Пронзительная и трогательная песня Ваэля Кфури была одной из любимейших Гулиных песен. В ней звучала щемящая тоска, и интонации голоса певца потрясали Гулю всякий раз, когда она танцевала. Одна из тех песен, которые она слушала много раз подряд, и песня все равно не приелась.

Это был звездный час Гули. Но не в том смысле, что становилась знаменитой.

Именно сейчас, с помощью песни, костюма и танца, она могла на несколько минут забыть о всех своих проблемах, планах, амбициях и бедах. Обо всем. И стать такой, какой хотела всегда быть.

Настоящей.

Гуля проживала сейчас чужую жизнь выдуманного образа, который танцевала — прекрасной восточной танцовщицы. И в это же время Гуля была собой.

Она радовалась и грустила вместе с певцом, и у нее также замирало сердце, а тело вибрировало, как и его голос, в пустом, холодном мире, пытаясь рассказать о своем горе.

Грустные постановки не ценятся на банкетах, где люди едят, выпивают и развлекаются. Гуля танцевала с милой улыбкой. Не такой бьющей в глаза, как в татарском танце, а легкой и приглушенной, как и свет в зале. Грусть таилась в глазах и движениях.

Мягкие, расслабленные удары бедер. Плавные переводы рук. Резкие замирания. Тряски, волны. Грустный взгляд из-под ресниц, смутная улыбка...

Гуле, по большому счету, было все равно, кто и как на нее смотрит. И вообще — есть ли кто-то в зале. Ей было просто хорошо.

Нечастый случай, когда то, что ты делаешь из года в год, не оставляет равнодушным.

Музыка сменилась зажигательной таблой (играют только барабаны). Вот здесь Гуля вдоволь наулыбалась и настроила всем глазки: без таблы в ее случае нельзя, у зрителя должно оставаться ощущение праздника.

Гуля сделала кучу прогибов, успела упасть в пол на коленку и махнуть ножкой почти до носа.

Близился конец танца, и ей оставалось протанцевать четыре восьмерки — не больше. Гуля, в который раз выбрав «жертву» из зрителей (имениннику предназначалась пара-тройка взглядов, гостям — по разу), посмотрела в правый угол, чтобы просто улыбнуться и подмигнуть кому-нибудь из зрителей.

Из угла, расслабленно сидя на стуле, на нее глядел атомными голубыми глазами Антон.

Гуля почувствовала, как от неожиданности сковало оцепенением все тело.

Но она выступала не первый год и умела справляться с волнением.

Закружилась немного не с такт, но это было уже неважно: близилась финальная точка, и повороты как нельзя лучше подходили к финалу.

Гуля сделала больше поворотов, чем у нее получалось обычно, но от неожиданности и шока они у нее вышли чисто, ее даже не «замотало» на поворотах.

За что, в том числе, получила крики «Браво!» и бурные аплодисменты от зрителей.

Она широко оскалила зубы — улыбнуться, как она улыбалась обычно, не получалось. Внутри чувства изумления и шока менялись на злость и негодование.

А этот что здесь делает в уголке?

Глазами окинула зал: Антон. как и все гости, хлопал Гуле. И улыбался, скотина, он улыбался — да твою мать! — уж очень загадочно.

«Ага-ага, загадочно, как же», — чуть не материлась Гуля, бредя в гримерку. Сказала бы она, какое у уroda лицо было на самом деле...

Хорошо, что Гуля заметила Антона лишь в конце танца. Иначе запорола бы номер — однозначно.

Ну, не совсем бы запорола, конечно, но вдохновенного танца, от которого хорошо было самой Гуле, сто процентов бы не получилось.

Перед Антоном Гуля выступать стеснялась.

Наверно, потому, что он — настоящий дипломированный хореограф. Потому, что он разложит танец Гули по полочкам, и окажется, что все, что недоучка Гуля танцует — неправильно и неверно, и строить танец надо по-другому, и движения делать иначе.

И еще по многим причинам. Он танцует намного лучше Гули. А восток — так вообще отдельная тема, для истинных хореографов этот танец — нечто находящееся вне хореографии, где-то между стриптизом и любительским самовыражением...

Гуля было почти физически плохо, будто бы ее раздели прилюдно и содрали кожу. Обнажать чувства среди незнакомых людей — одно дело. Она их видит первый раз. И ее ничего с ними не связывает, так что может как угодно показывать через танец душу. Но раскрывать сердце перед Антоном, да еще в полуобнаженном виде, вживую...

Гуле захотелось оказаться дома, в своей теплой кровати, и обнять Пушка. И чтобы батяня мирно спал, а не доказывал Гуле свои теоремы. Или был трезвым, осторожно постучал к ней в дверь: «Гуль, не спишь? Ты поела?»

Иногда у него просыпались отцовские чувства, хотя Гуля сто раз считалась самостоятельной и взрослой.

Она спохватилась, что забыла позвонить Марату. Придется сидеть в примерке дольше, чем нужно.

А Гуле так хотелось уйти отсюда, и уже никакие деньги за танцы были не нужны...

Сразу же, как зашла в примерку, позвонила Марату и начала переодеваться: сняла лиф и пояс, аккуратно уложила их в специальный мягкий пакет. Со стразами обращаются очень трепетно, берегут от царапин и сколов, а у Гули на основе костюма (на поясе и лифе) их полно. Надев обычный лифчик и майку, Гуля через верх стянула с себя юбку. Бриджи и кроссовки — вот она и одета.

Послышался стук, и в следующую секунду дверь в примерку открылась.

— Я так и рассчитывал, что за пять минут ты переоденешься. Ну, здравствуй, Гуль, — как ни в чем не бывало, с одной только Гуле слышимой «подковыкой», поприветствовал ее Антон.

— И часто ты без спроса врываешься в гримерки артистов?

— Врываюсь я исключительно к своим, прекрасная Гульмира. А к знакомым — захожу со стуком. Вот как сейчас.

— Мне поблагодарить тебя или как?

— Это я пришел. Благодарить за танец.

— Да ты че! Антон! Да перестань! — оцепенение полностью ушло, и Гуля взяла привычный саркастический тон — так ей было легче разговаривать с Антоном. Отвернулась, чтобы убрать юбку в чехол, снять сережки...

— Помочь? — насмешливо спросил Антон.

— Держи при себе свои ручонки. Сама справлюсь, — буркнула недовольно.

— Ну, как скажешь. Юбиляр в восторге, все прекрасно...

— Ты здесь каким макарон?

— А я — приглашенный гость, Гуль. Юбиляр — мой знакомый. Так что имею право немного отдохнуть и посмотреть на артистов. Не все же время работать, правда?

— М-м-м. Наверное.

Гуля запиховала в сумку свои вещи: уже не до аккуратности, как придется. Руки чуток дрожали, и было немного не по себе.

Завалился как медведь к ней в гримерку.

Какого хр. на?

— Выступаешь? — Гуля собирала вещи и на Антона старалась не глядеть. А тот подпер стенку, скрестив руки на груди (Гуля все же бросала редкие негодующие взгляды на красавчика) и нагло лыбился, наблюдая за суетящийся Гулей.

— В смысле, с огнем сегодня здесь выступаешь? — надо было что-то спросить. Гуля не переносила тишины, когда Антон находился рядом. Никогда, даже в прошлом. Нужно говорить — неважно о чем, но говорить. Тишина всегда была для нее гнетущей и опасной.

— Здесь? Не-е. Должен же я когда-нибудь отдыхать и посмотреть на других артистов?

Гулю как холодной водой облили. Да ладно, нет! Не может быть!

— Я так подозреваю, мне заказ достался не случайно. Правильно?

— Уважаю за догадливость.

— Это что? Извинение за тот заказ, который достался тебе?

— Фу! Таким не занимался никогда. Я не мешаю тебе, но и не помогаю. Как и ты мне, кстати.

А вот здесь Антон говорил неправду. Он очень-очень мешал Гуле развивать свой бизнес. Забивал профессионализмом и предприимчивостью...

— О, да! Антоша решил отдохнуть и посмотреть, как корячится и работает Гуля. Посмотрел? Молодец! А теперь вали из гримерки! — Гуля чуть дрожала от еле сдерживаемого гнева.

Хорош заказчик, мать его!

— Это ты мне деньги платить за работу будешь? Да подавись!!!

— Ну-ну, Гуль, успокойся, — Антон примирительно прикоснулся к ее локтю, и Гулю тут же бросило в жар.

— Я просто порекомендовал тебя знакомому. Юбиляр тебе платит, кстати. Он захотел

на праздник артистов, а я лишь подсказал, какие неплохие. Посоветовал Катюху, тебя...
Ничего личного, Гуленька.

Гулю чуть отпустило. Она неодобрительно покосилась на пальцы Антона, будто случайно задержавшиеся на ее локте.

— Ручонки уберу от меня, я сказала, — процедила ледяным тоном, но уже без бывшего пыла.

Антон все понял, и руку убрал.

Гуля запихнула в сумку лак и несколько резинок. Почему Марат так долго едет?

— Значит, я типа неплохой артист. Спасибо за комплимент, Антон! Раньше ты о моих танцевальных возможностях был не очень высокого мнения, — проговорила Гуля почти вежливо.

Признание со стороны Антона ох как льстило.

— Ну, Гуль, все еще проще. Захотелось посмотреть, как ты выросла в хореографическом плане. Давно не видел твоих сольников, да честно — вообще ни разу не видел с того времени, как работали вместе, и ты показывала мне свои танцевальные комбинации. Есть несколько моих в татарской постановке, тех, которые я тебе придумал, да? — Антон понимающе улыбнулся.

Он все помнит, отметила Гуля. Ничего не забыл, пусть и прошло четыре года. Она действительно тогда только мечтала выступать сольно, думала, какие же ей поставить танцы, чтобы были востребованы на праздниках и банкетах.

Конечно, Гуля подошла к Антону с вопросом. А к кому еще? Тот танцевал в «народном» коллективе и прекрасно знал лексику народного танца. Гуля как таковой татарский номер поставила два года назад (долго не решалась, но спрос все-таки заставил вернуться к задумке), и движения, подсказанные и объясненные когда-то Антоном, ей оченьгодились.

— Ну что? Посмотрел? Так выросла я в хореографическом плане или нет?

— В хореографическом — не очень. Но зато как женщина — очень даже.

Краска залила даже шею и уши Гули.

— Придурок.

Она ждала чего угодно, только не такого.

Начинать кипятиться рано, Гуля решила с этим повременить: Тоша никогда просто так ничего не говорил. И Гуля никогда не фантазировала, что он питает к ней тайную страсть.

— Я так понимаю, тебе все еще нужна партнерша для дуэта? И ты такими сомнительными комплиментами хочешь растопить мое сердце? Антон, брось фигней страдать!

Антон расхохотался, прищурился, и в глазах, как показалось Гуле, вспыхнули искорки.

— Так ответ твой какой?

— Нет. Мой ответ не поменяется. А теперь — вали. Или пройти дай! За мной Марат уже приехал, наверное...

— Точно? — Антон перегородил дорогу Гуле, вскинувшей на плечо сумку и подхватившей костюмы, — точно, Гульмира?

— Да! Точно, точно!!!

Гуля не могла никуда подвинуть Антона, посему хоть и метала глазами молнии, но не подходила очень близко.

Антон равнодушно пожал плечами:

— Окей. Тогда на тебя перестаю рассчитывать и открываю кастинг на партнершу. Теперь на это почетное место тебе возможно попасть лишь в порядке конкурса.

— Да засунь сам знаешь куда свой кастинг с конкурсом! — не выдержала Гуля.

— Эй, эй, Антон! Ты зачем обижаешь Гулечку? Ребята, не ссорьтесь, — крикнул с порога Дима. Посмотрелся в зеркало, что-то стряхнул с пиджака и протянул конверт Гуле.

— Гульмира! Гонорар. Вы сегодня были великолепны. Ну, как всегда, впрочем. Я чуть не всплакнул вначале восточки, ей-богу...

— Я вот ей тоже об этом говорю, Дим. А она мне не верит. Ну что за женщины, а? — незаметно подколол Гулю Антон.

— Это влияние телевидения. Не ценят себя...

— Там вышли подышать? Пойду тоже выйду, — Антон потерял к Гуле всякий интерес. Правильно: Гуля же не согласилась на его просьбу. А те, кто не согласны — зачем они нужны?

— Пока, Гуль, был рад работать с тобой, — Дима откланялся со всей возможной галантностью. Антон ограничился коротким «Пока!»

Через несколько секунд Гуля осталась в гримерке одна.

Подышала спокойно, покусала губы. Открыла конверт, пересчитала деньги. Все правильно.

— Извини, начальник, телефон дома забыл, — Марат с извиняющимся выражением лица зашел в гримерку, — Давай сумки. Дотащу.

Гуля, опустив голову, шла за Маратом по коридору к выходу.

— Чего какая стремная? Косяки вышли? Музыка не там выключили? Лифчик на беллиденсе слетел?

— Очень смешно, Марат! — вскинулась Гуля.

— Идешь тухлая, вот и спросил...

— Не надо меня ни о чем спрашивать.

— Не расстраивайся...

— Да все нормально.

Вот гадкая встреча! Она бы об этой работе на следующий день забыла! А теперь будет думать, думать...

— В магазин заедем, Марат? Я денежки разменяю и тебе отдам.

— Не вопрос, — Марат повез ее к круглосуточному супермаркету.

Гуля тем временем аккуратно сдирала накладные ресницы. Их можно использовать несколько раз, если снимать бережно. Положила реснички в специальную коробочку, коробочку — в сумку, и только потом вышла из машины — Марат давно остановился около магазина и ждал, пока Гуля закончит.

— Идешь со мной?

— Не, посижу, Гуль. Ты ток недолго!

Гуля купила домой еды: «Вискас» коту, мяса, овощей и фруктов, пельменей и вареников папашке (будь он неладен, но все равно жалко!). Завтра сварит борщ и будет есть с отцом его дня три. Прихватила с полки супермаркета чак-чак, взяла мороженого — гулять так гулять!

Пока стояла в очереди, размышляла с грустью, что опять много денег потратила на еду. А не потратить — как? Тогда кушать совсем нечего будет.

Жаль, что с этих денег отложить ничего не получится. Она — не Антон, который на квартиру заработал. Хотя, кто знает, как он там заработал? Может, родители помогли, или

дополнительный кредит взял?

Завидовать ему не стоит. Знай за собой смотри, говаривал отец, когда мама была жива. Сейчас ему не до философии, хотя и пытается иногда потряхнуть стариной, когда домой приходит новый собутыльник. С тех пор, как Гуля съехала на съемную квартиру, он очень распоясался в плане выпивки. Неудивительно. Как он еще дом не спалил, блин, без нее?

Переезжать нельзя. Смотреть за папашкой в оба глаза...

Гуля изо всех сил старалась забыть нежданную встречу. Но перед глазами стояло лицо Антона, хоть что делай.

Ну-ну, Гульмира. Приползи еще не карачках к Антону и попроси, чтобы в шоу свое взял. В порядке конкурса, ага...

Злость на Антона привела Гулю в чувство. Как обычно.

Пошел он! У нее все получится. И заработает прилично, и парня себе найдет нормального! Больше с татаринном — ни-ни. Только русского. Папе было все равно, что мама — татарка.

Какая разница, с другой стороны, какая национальность? Да хоть эскимос! Главное — любовь...

«Дурью маюсь», — решила Гуля, выходя из супермаркета с тяжелыми пакетами.

— Держи денежку, — усевшись и поставив пакеты на колени, протянула деньги своему технику.

— Спасибо, Гуль, — Марат завел мотор, — не грусти, пожалуйста. Такая милашка — и грустишь...

— Я не грущу, Марат, — задумчиво ответила Гуля, — я никогда не грущу, никогда...

Пояснения к главе:

Лексика народного танца — движения, используемые только в народном танце.

«Народный» коллектив — коллектив, который по преимуществу танцует народные танцы: татарские, русские, чувашские, армянские, испанские, индийские и т. д. — какие ставит постановщик). Есть также коллективы, танцующие еще более узко — например, коллектив может исполнять только танцы народов Кавказа, специализируется на них, и ни на чем больше.

Постановка танца — придумывание и продумывание танца, его долгое репетирование.

— Гуля, там площадка не очень удобная техническая...

— Гуль! Где колготки? Бли-ин, неужели не взяли?

— Гуль, нам переодеваться в гардеробе?

Вопросы сыпались со всех сторон.

— Тихо! По одному! Юль, колготки у меня. Ир, да, в гардеробе. Нас в ту примерку не пускают, там полно артистов, а она маленькая. Ничего, нормально...Марат, что тебя не устраивает в техплощадке?

Они вчетвером стояли на улице около машины, решая насущные вопросы.

Марат выразительно посмотрел на нависающие ветви деревьев. Гуля оценила ветки и кивнула.

— Да, не пойдет. Заденешь ненароком. Тогда... — она окинула всю площадку, которую им отвели для выступления, придирчивым взглядом, — Тогда вон туда. Развернем площадку, чашки там, и зрители будут стоять...стоять вот так...нормально. Им будет удобно, и мы ничего не спалим...

— Пошел я тогда замачиваться, — сказал Марат, более не нуждаясь в указаниях, и начал выгружать из машины реквизит.

— Ир, помоги с керосином Марату. Юль, пойдём, перетащим вещи в гардероб.

Девушки подхватили пакеты с костюмами. Юля радостно шла в гардероб: вечера за городом были ох как не жарки, особенно здесь, в низине, где стоял гостиничный комплекс «Русская усадьба», а мерзлячка-Юля сегодня забыла куртку: в городе днем июнь разыгрался до плюс тридцати, и та подумала, что и вечером будет тепло.

В коридоре ресторана стояло несколько женщин в вечерних платьях и мужчин в деловых костюмах и курили. Мужчины мазнули по скромно накрашенным и одетым девушкам взглядом, но скоро отвернулись к своим нарядным спутницам.

«Не знаешь, Гуль, что у них за праздник?» — поинтересовалась Юля, лишь только они нырнули в дверь узенького гардероба. Сейчас на вешалках здесь ничего не висело, и девушки удобно расположились на двух стульях, развесив на крючках костюмы.

«Понятия не имею», — Гуле действительно было все равно, что за мероприятие происходит. Нужно хорошо, — либо хотя бы прилично — выступить и скорее домой уехать. Ели не будет никаких задержек и их выпустят чуть раньше, минут на десять — пятнадцать, вообще замечательно.

А информация про чужие праздники — какие они именно, свадьба, корпоратив или юбилей — Гулю не волновала. Ей иногда говорили по телефону, что за мероприятие будет, когда нужно было поставить какие-нибудь конструкции сзади типа горящего сердца на свадьбу, а если молчали, то и Гуля не любопытствовала.

«Невесту я не видела, значит, это не свадьба», — рассуждала Юля, стягивая с себя сарафанчик и надевая колготки в сеточку. Гуля кивнула, соглашаясь.

Костюм девушек состоял усыпанного пайетками и бусинами лифчика, расшитого пояса с огромным количеством нашитых внизу цепочек, которые образовывали некую «цепочную» юбочку длиной чуть выше середины бедра, специальных танцевальных трусиков под мало что прикрывающий пояс, телесных колготок в сеточку и туфель на высоком каблуке. Программа называлась «Восточной», но от востока в ней было предельно мало:

Гуля «напихала» в программу и бразильскую самбу, и просто танец с веерами под веселенькую быструю музыку, и свой сольный танец с горящим шестом — смесь востока, стрипа, высоченных батманов и прогибов — куда душа летела при придумывании номера. Антон бы головой покачал. «Гуля, это непродуманный номер» — пожурил бы ее, как это было лет пять назад, когда Гуля показывала ему несколько танцевальных связок из своего недавно разученного танца, очень надеясь на похвалу человека, знающего толк в постановках. Но Антон вместо этого переделал все Гулины связки. В чем-то они, может быть, и стали интереснее, но Гуля тогда расстроилась.

Этот танец Гуля не стала «продумывать», как рекомендовал ей когда-то Антон. Выучила, как придумалось, и исполняла с воодушевлением, часто срывая бурные овации. Такие случались еще лишь с танцем с поями под любимейшую Милен Фармер.

Нужно делать то, что тебе нравится, поняла однажды Гуля, слушая свои первые в жизни бешеные овации. И тогда все будет. А комплексовать по поводу того, что у тебя нет высшего хореографического, как у некоторых — занятие смешное и глупое. Зато Гуле нравится то, что она делает. «Вы танцуете с душой. Вы такая молодец», — сказала Гуле в прошлом году одна пожилая женщина, которая подошла к ней после выступления, когда Гуля, вся в саже, помогала Марату тушить горящую конструкцию.

Это был совсем недорогой заказ, работали там только Гуля и Ира — стоимость выступления зависела также от количества человек на площадке. У дочери подошедшей к Гуле женщины была свадьба в небольшом дешевом кафе на окраине города.

Слова ее стали для Гули целебным бальзамом. Да, им говорили, что круто, здорово, классно, но подобрать такие душевные слова, которые затронули Гулино сердце, смогла она одна. А может, Гуля увидела в ней свою маму? Мама истратила бы последнее, но Гулина свадьба — если бы она случилась при жизни матери — была бы самой запоминающейся, пусть и не самой дорогой. И мама точно бы потратилась на артистов — лишь бы на празднике было не скучно. Заняла, взяла бы кредит, но устроила бы прекрасную свадьбу. Руслана и Гули...

Гуля подавила вздох и закрепила пояс на бедрах.

С Русланом бы все равно ничего не вышло. Слишком гордый, вредный... Маменькин сынок он.

И альтернативы у Гули пока не предвиделось.

Она работала, работала...и работала. Или спала как убитая, или убиралась дома, или тренировалась — могла одна, могла с девочками. Гуле надо было заработать деньги, чтобы ни от кого не зависеть, чтобы позволить себе то, что хочешь. Машину, например. У Антона она есть. И квартира у Антона тоже есть. Он же заработал огнем все! Значит, может заработать и Гуля. Не так быстро, но — заработать.

Да и с парнями знакомиться после Руслана не желала. Гуля стала после того случая более разборчивой и недоверчивой. Второй раз получить от ворот поворот не хотелось.

В гардероб зашла Ира. Гуля сразу же почувствовала знакомый запах.

— Ты кероса себе на шорты не капнула случаем? — спросила Гуля вошедшую.

— Это от перчаток, — Ира подняла руку и помотала рабочими перчатками, — Марат дал.

— А что ты их Марату не оставила? Ир, отнеси, здесь все же пропахнет! А нас потом будут ругать администратор за запах керосина в гардеробе! И так от наших костюмов несет...

— Ладно, сейчас я, — Ира исчезла за дверью.

Гуля с Юлей продолжали переодеваться.

Ира вернулась, когда Гуля закончила делать Юле «шишку» и залачивала ей волосы: танцевать с распущенными волосами Гуля считала верхом безумия. Махнешь своим красивым длинным хвостом — и без хвоста останешься, если рядом будет пролетать один из поев, или пройдет траектория горящих вееров...

— Ир, быстренько, — Гуля щедро поливала лаком волосы Юли, — может, сегодня мы уложимся пораньше.

— Не мечтай даже, — фыркнула Ира, — Там Демин приехал со своими фокусами. Он опоздал, с другого праздника едет. Первым пустят его, скорее всего, а мы — на десерт...

— Кошмар, — Гуля возвела глаза к небу, — какой кошмар... У него ж блок длится минут тридцать, и приготовления... ужас... А наше время подходит уже. Нет уж, мы первые. Пусть Демин ждет своего выхода в двенадцать ночи. Мы договорились на одиннадцать вечера — и выступим в одиннадцать!

Гуля поставила лак и накинула на себя скрывающий костюм черный халат на липучках.

— Отдам флешку и скажу, что мы выступаем в одиннадцать, как и договаривались, — объявила Гуля своим девочкам, открывая дверь гардероба.

— Попроси их, пожалуйста! Кушать хочется — сил нет! — взмолилась Юля, — я же с работы сюда...

Гуля была с ней полностью солидарна. Сама из «Мая». Она пообедала, конечно, но не ужинала. А на одних орешках долго не протянешь, да и калорийные они, а Гуле толстеть нельзя ни в коем случае!

Ведущий разорвался в зале, выкрикивая что-то. Обычные конкурсы, но зато в коридоре не было никого из гостей. Здесь же Гуля увидела и Пашку Демина: он со своим многочисленным реквизитом медленно полз в тот же гардероб, где переодевались Гуля с девочками.

— В примерку тоже не пустили? — посочувствовала фокуснику Гуля.

— Приветтики! Нет, занято! Там кого только нет — и хор, и танцы-пляски, и куча еще кого. Сам ушел оттуда. А вас чего?

— Мы же больше на улице работаем...

— А! Уличные артистишки! Ну-ну!

— Паш, мы выступаем в одиннадцать, — серьезно начала Гуля, — я понимаю, что ты должен раньше быть и что ты опоздал не по своей вине, но извини! Нам тоже домой охота.

— У вас больше нет сегодня заказов?

— Нет, — насторожилась Гуля.

— Я что спрашиваю: у меня с Антоном вечно такие же терки. Они постоянно спешат, у них по несколько площадок...

— Ладно, понятно с Антоном. Но мы тоже спешим, — Гуля заторопилась к ведущему.

— Давай, еще увидимся! — Демин, подхватив огромное количество своих вещичек, поплелся к гардеробу.

Гуле удалось очень оперативно договориться с ведущим о том, что они выступают в одиннадцать. Она отдала ему флешку и вышла ненадолго, чтобы проверить готовность реквизита и площадки. Марат давно все разложил и расставил. Гуля отложила свои веера, шест и пой в одну сторону и вернулась в гардероб к девочкам: до выхода оставалось двадцать пять минут. На улице оставаться Гуля не захотела: становилось по-ночному холодно и сыро,

как часто бывает на природе за городом.

Вернулась вовремя: Паша развлекал ее девчонок сплетнями об Антоне. Мстил ей так, что ли, за то, что не пропустила выступить первым или просто вспомнил о ее конкуренте из-за разговора с Гулей об очередности выходов, но ее девочки слушали Пашу внимательно и увлеченно.

— И вот Антошка мне говорит: «Паш, я буду новую программу делать, и мне нужна хорошая девочка, сильная в фаере, чтобы с ней забаловать номер. Или просто очень пластичная — посмотрим». Вот поэтому кастинг устраивает в следующую субботу днем. Вечером же они выступают...

— Он все работает и работает, — вздохнула сердобольная Юлька, — днем, значит, кастинг, а вечером — выступление...

— Хочешь жить — умей вертеться, — философски заметил Паша, открывая свою сумку, — я тоже: как пятница или суббота, так прямо разрываюсь, а в будни то преподаю, то еще что...

Гуля отвернулась, приподняв презрительно брови: она-то знала, что Пашкины рисовки остаются исключительно рисовками. Преподает он, ну конечно. Пытается клеить Юльку он, вот что делает.

Юля с ними работала второй год и еще не совсем разбиралась в актерской летящей братии.

— Юль, оделась, все? Иди проверь свой реквизит... — сказала негромко Гуля, но Юля взмолилась:

— Гуль, можно я еще посижу в тепле? Я же в сосульку там превращусь! Потянусь здесь, разомнусь, а минут через десять пойдем, а? — и умоляюще посмотрела на Гулю.

— Да, Гуль, давай останемся, — поддержала Ира Юлю, — что нам пока делать на улице?

— А я вам еще чего-нибудь порассказываю, чтобы веселее было, — Пашка кидал плотоядные взгляды на отошедшую в угол гардероба Юлю, которая начала разминаться.

— Еще про «Фристайл» расскажи, — попросила фокусника Ира.

Гуля наклонилась, чтобы якобы поправить ремешки танцевальных туфель. На самом деле она хотела скрыть свое недовольное лицо от девочек. Но она ничего не могла сказать Пашке: если Юле с Ирой интересно слушать об Антоне, пусть слушают.

— Ну, что я еще могу сказать... — напыжился Паша, надув щеки, — да все у них как обычно, вы, наверно, знаете о новой программе...

— Даже видели, — произнесли Ира.

— Ну...что... с девушкой своей они то сходятся, то расходятся... Недавно работали с ним — они поругались, она все звонила по телефону Антону перед выступлением. Антон туча тучей ходил, но что значит профик: как выступать начал, так улыбка, будто у него все зашибись!

— Бедный, — пожалела Антона Юля.

Гуля закусила губу. Нашла кого жалеть!

— Мы артисты, Юля, — сказала весомо, — артисты должны всегда улыбаться, если их номер предполагает улыбки. Что бы у тебя ни случилось...

— Правильно говорит Гуля! Ты ж еще та артистка, а, Гуль? — Паша подмигнул хитро Гуле.

— Все, идем. Ира, разомнешься на улице. Юля! Надень мою кофту, если мерзнешь. Она

В синем мешке.

— Я губы докрашу, — ответила Ира, вытаскивая зеркальце и губную помаду. Юля бросилась к синему пакету — искать кофту.

Минуты через три они, наконец, покинули и гардероб, и Пашу. Гуля вздохнула свободнее. Ненавидела сплетников, особенно если они начинали сплетничать об Антоне. Увы, он был знаменитостью в артистических кругах, и без разговоров о нем часто не обходилось ни одна случайная встреча знакомых артистов. Наверное, судачили и о ней, но только намного реже.

Гуля представила себе, что бы сказали знакомые артисты, если бы узнали, что Гуля начала работать с Антоном. «Ой, тут без любви не обошлось...», «Гуля распустила свой коллектив ради Антона» и «Нет, она просто решила еще подработать, они с Антоном давно знают друг друга, вот и помог своей старой знакомой», «А она старая знакомая или...»

Гуля даже зубы стиснула. Какая разница, что бы могли говорить о ней и Антоне. Гуля не бросила свой коллектив, не променяла на Антоновские обещания больших денег.

Так ему и надо, что с девушкой не получается! Не одной же ей страдать! Пусть и он, счастливый, немножко помучается, ему полезно, не будет заноситься!

На улице Гуля забыла и о Паше, и об его рассказах. Сосредоточенно осмотрела площадку, вытащила сотовый из сумочки, что прихватила с собой из гардероба и которую положит рядом с Маратом на выступление.

Без десяти одиннадцать.

На крыльце ресторанчика, где сидели гости, которых скоро позовут смотреть фаер-шоу, появился ведущий и показал Гуле две руки.

— Десятиминутная готовность. Все захватили перчатки? — обратилась Гуля к девочкам. Обе кивнули головой.

— Марат, зажигалка.

— Есть.

— Музыка отдали... Разминаемся!

Пять минут Гуля с девочками наклонялась, аккуратно поднимала ноги и так же аккуратно прогибалась. Резко ничего делать на «холодное» тело нельзя: повредишь в танце мышцу, связку.

— Гости выходят, — Марат кивнул на выходящих из двери ресторана нарядных мужчин и женщин. Пока их было немного, но за несколько минут они выйдут все.

— Девочки, еще раз проверьте, где все лежит у вас! Марат, зажигай дежурную чашку.

Марат чиркнул зажигалкой, и фитилек, пропитанный керосином, в дежурной чашке, стоящей рядом с девочками и служащей для поджигания реквизита, сначала затлел, а потом ярко разгорелся.

— Ого-онь! — воскликнула Юля, подвинулась ближе к чашке и протянула к ней свои ладошки.

— Юль, снимай кофту. Марат, где мой керосин?

— Держи, — Марат протянул Гуле бутылочку.

— Снимаем кофты, сейчас музыку включат.

Они положили кофты прямо в газон — здесь не до чистоты и не до вешалок.

Ди-джей несся к колонкам, которые заранее вытащили на улицу. Что-то проверив, махнул рукой и скрылся за дверью. Гуля, натянув кожаные перчатки, чтобы не обжечься, взяла в руки шест и бутылку с керосином. Ира с Юлей приготовили чашки.

И зазвучала музыка. Гуля, осторожно набрав керосина в рот ровно на небольшой глоток, чтобы не было видно раздутых щек, подошла от дежурной чашки шест с двух сторон, вышла на импровизированную сцену. Повертев разгоревшийся шест, несколько раз «плюнула» огнем, вызвал в рядах гостей восторженные вскрики и хлопки. Конечно! Тут парни не все плюются — боятся себя поджечь, а здесь девушка хорошенькая.

День сегодня был безветренный, и Гуля миллион раз тренировалась на минералке, проверяла себя до сих пор, да и делала это на выступлениях очень часто, так что получилось, как обычно, правильно и уверенно выплюнуть керосин изо рта. Конечно, часть керосина — совсем маленькую часть — Гуле приходилось проглатывать, и он камнем ложился на желудок, вызывая иногда немаленькие боли. Но дело того стоило. Гуля специально внесла в свой прайс эти самые «плювки» отдельной строкой. За них ей заказчики доплачивали. Если не платили — Гуля не плевалась. Но чаще всего заказывали, не взирая на дополнительную цену.

Когда керосина во рту больше не осталось, Гуля активнее начала вертеть шест. Как раз изменилась музыка: стала более динамичной, в ней уже слышались восточные мотивы. Шоу начиналась.

По площадке, красиво покачивая бедрами, с горящим фитилем прошла Юля. Она ненадолго останавливалась около каждой чашки, засовывая в каждую горящий фитиль. Чашки с пропитанными керосином фитилями давно расставил Марат. Они также, как и у Антона, отгораживали зрителей от артистов.

Прогибы с горящим шестом и его прокрутка наверху, батманы, падения на коленку, и промежуточные волны телом, различные кручения шеста. Музыка первого номера закончилась, и Гуля замерла на финальной точке. Раздались аплодисменты, но тут же заиграла следующая мелодия: на площадку с двух сторон выходили, улыбаясь, Ира и Юля.

Несколько восьмерок они танцевали одни восточную постановку с горящими чашками. В середине музыки Гуля подошла к пою и вышла к ним. Теперь девочки создавали фон и держали ритм и настроение движениями восточного танца, а Гуля под музыку вертела пою. Третий номер был с горящими веерами, четвертым Гуля надевала специальную конструкцию и танцевала самбу.

Копоть и гарь керосина, рвущееся к небу пламя... Гуля была в эти мгновения по-настоящему счастлива! Она, широко улыбаясь, с легкостью танцевала давно отработанные номера, не чувствуя усталости. Огонь — везде, везде. Фитили вееров в бразильской конструкции, фитили вееров и поев, горящие по всему периметру их сцены чаши... Вот ради чего нужно было танцевать! В огне растворялись Гулины тяжесть и боль — он словно сжигал их. И чем было больше огня, тем светлее становилось на душе у Гули. Огонь очищал и исцелял ее, дарил забвение и счастье.

В конце Ира вышла крутить примотанную к поям пиротехнику, и тысячи искр рассыпались в финале по всей площадке, приводя зрителей в неопишуемый восторг. Гуля отошла на задний план, пропуская Иру — на последних восьмерках она лишь создавала фон, не больше.

В финале программы на площадке к Гуле и Ире присоединилась Юля. Девочки низко поклонились зрителям. Гуля тоже поклонилась, но максимально осторожно: с горячей конструкцией за спиной не очень раскланяешься.

Музыка затихла, представление закончилось. Зрители, похлопав, зашли в ресторан, чтобы продолжить праздновать свой неизвестный Гуле повод.

Марат в спешке гасил оставшийся непотушенным реквизит. Сняв с подошедшей Гули бразильскую конструкцию с фитилями, бросил ее на тушилку. Гуля огляделась по сторонам.

Чашки слабо догорали, остальное, давно потушенное Маратом, лежало в сторонке. Рядом копошились Юля и Ира, складывая чашки и веера в пакеты.

Сразу стало как-то пусто и холодно.

В такие моменты Гуля понимала истинность фразы «шоу должно продолжаться». Для артиста — должно продолжаться...

Гуля подошла к Марату, присела рядом с дымящейся конструкцией.

— Гуль, все нормуль. Сейчас дотушу и поедем. Зови девчонок, переодевайтесь. До города ехать полтора часа, пусть мне не помогают, я сам...

— Хорошо, позову, — Гуля подошла к девочкам и передала им слова Марата.

— Гуль, а может, мы закусим чего здесь, а? Весь день ничего не ела... — Юля дотронулась рукой до живота, — Ира тоже голодная. То сюда полтора часа ехали, здесь час, и еще ехать полтора часа...

Гуля прищурилась. Она прекрасно понимала Юлю: у самой давно сосало под ложечкой, да и еще керосин, мизерную часть которого она все-таки проглотила... Она сейчас прополоскает рот, но от проглоченных капель керосина ей не избавиться.

— Есть роллы, в том ресторанчике, — кивнула Юля на здание, стоящее рядом с тем, где проходил банкет, — может, закажем, а? Хоть парочку, если дорого...

— Ладно. Ради такого случая, раз все голодные, я угощаю. Только деньги заберу.

— А мы закажем пока! Гуль, на сколько по денежкам?

— На тысячу, если будет там наборчик, ну можно чуть больше...

— Окей! А чай так выпросим, как артисты! У меня своя заварка! — и девочки, прямо в костюмах, умчались заказывать роллы.

— Марат, мы поедем чуть. И чая выпьем. Потом поедем. Хорошо?

— Да, как скажешь...

Гуля забрала деньги за выступление у ведущего, узнала от него, что гостям выступление понравилось, и пошла в гардероб. Юля и Ира уже переодевались.

Гуля опасалась, что Паша опять начнет сплетничать про Антона, но его в гардеробе не оказалось. Не было и его чемоданчика. Скорее всего, он ушел показывать зрителям свои фокусы с картами.

Гуля спокойно сняла костюм, надела джинсы и майку, накинула сверху кофту. Оттерла влажными салфетками коготь с лица и рук, проверила костюмы — как они сложены — одновременно болтая с Юлей и Ирой о выступлении и о том, что у кого случилось во время него. У Юли веер ненадолго зацепился за цепочку, у Иры все нормально, но, когда она танцевала с чашками, они с Юлей встали не в линию...

Через пятнадцать минут девушки вместе с Маратом сидели за столом загородного суши-бара и поедали роллы.

— Когда мы будем крутые- крутые, круче, чем Антон, давай, Гуль, после каждого выступления кушать там, где выступаем, а? — хихикнула Юля, вылавливая палочкой очередной ролл.

— Ты ж толстая будешь тогда, как бочка, — подколола Ира Юлю.

— Н-не буду.

— Да запросто, — засмеялась Гуля, — сперва только надо самыми крутыми стать...

— Станем, Гуль, обязательно, — мечтательно закатила глаза Юля, пихнула локтем в

бок рядом сидящую Иру, — Ир, согласна?

— Спрашиваешь! Гуля, даешь раскрутку!

— А может, Антона похитим? — сделав огромные глаза, заговорщицким шепотом произнесла Юля, — Посадим...эм-м... в подвал. Будем кормить и выпускать на выступления...

— Как дрессированного медведя? — девочки смеялись во весь голос, представляя в красках, как они это сделают.

— А кормить — водой и хлебом?

— Только на выступления выпускать? И ни за чем больше? Я бы еще его кое-зачем выпустила!

— Это зачем?

— Совсем от рук отбились. Вот что значит женщины, — ворчал Марат беззлобно, наливая себе еще чая, — только соберутся вместе — начинают чушь городить...

— Ты, Марат, нас не слушай, — веселилась Юля, — мы еще не то придумаем...

Гуля сидела, блаженно прикрывая глаза. Ощущение сытости было очень приятно, но еще приятнее было другое. Ребята — ее коллектив, ее команда. Люди, на которых можно положиться. Деньги деньгами, но хороших людей не купить, только случайно познакомиться или найти...

И Гуля забывала в эти мгновения, смеясь над шутками девочек и Марата, что дома ее вновь ждет пьяный отец, а завтра — ненавистная работа продавщицы. Они обсуждали свои планы за десятки километров от города, и сегодня не торопились домой...

— ...И все эти выступления... Гуля! Раньше ты была еще юной, но сейчас... Может, пора прекратить?

Дядя Расим осуждающе смотрел на Гулю. Она слушала его уже минут пятнадцать.

Началось все с того, что Гуля пьет кофе на рабочем месте (ну попалась она, попалась, да! Никто не спорит. В одиннадцать утра дядю Расима никак не ждала), потом от кофе он плавно перешел к тому, что в кассе небольшая недосдача (и в этом Гуля виновата — наверно, кому-то из покупателей сдачу дала больше, чем нужно), связал две эти вещи и вынес вердикт: танцы вредят ее основной работе. Гуля не могла согласиться с ним, но спорить не пыталась. Он же начальник, у него еще ее мама работала. Дядя Расим никогда не обижал их семью деньгами, дарил мелкой Гуле подарки на Новый год, принял ее без образования на работу и все твердил: получи хоть какие-нибудь корочки, я помогу. Гуля упрямылась: еще чего не хватало! Так и осталась она без образования с одиннадцатью классами школы — и только. В школе Гуля была почти отличницей, они с родителями планировали, что Гуля поступит в институт, отец с матерью даже откладывая деньги стали на ее образование. Потом эти деньги ушли на похороны, а еще — на памятник для матери. А об институте Гуля и думать забыла.

Именно в тот день, когда они похоронили маму, вечером Гуля ушла в сквер из дома. Сидела там, плача навзрыд. Ей не разрешали родители гулять так поздно, тем более — здесь, но теперь Гуле было все равно: отец валялся дома в алкогольной отключке, родственники и знакомые матери разошлись — разъехались («Гульмира, ты теперь взрослая и главная хозяйка в доме. Береги отца, смотри за ним»).

В общем, Гуля осталась одна.

Она одиноко рыдала, сидя на скамейке. Но, если честно, не совсем одиноко. Вдалеке крутил шары на веревочке какой-то мужик, и крутил уже давно и долго. Гуля краем глаза понаблюдала за ним, как пришла, но тот все крутил и крутил, она устала на него смотреть, разревелась: шарики отвлекли ненадолго. Гуля разглядела за деревьями палатку: хиппи, кочующие по стране, часто разбивали в сквере лагерь. Район располагался почти за городом: и к магазину близко, и от шумного города на приличном расстоянии. Гуля всю жизнь жила здесь, много лет замечая странноватеньких людей. Они то йогой по утрам занимались, то медитировали, то в барабанчики били, каждое лето поражая обитателей района новыми выкрутасами. Теперь — шарики на цепочках. Гуле было параллельно: боль внутри выворачивала душу наизнанку. Она сгибалась в три погибели на скамейке, прижимая ладони к груди: там жила эта боль, которая никак не могла выйти — будто в груди застыло что-то острое до жути.

Позже она устала плакать, сидела, изредка всхлипывая и вытирая мокрым насквозь платком лицо. Платок ей дал кто-то на похоронах, Гуля его зажала в кулаке и так пронесла весь день. Она отвлеклась и не заметила, как к ней подошел тот парень.

Когда увидела его стоящим напротив, она вздрогнула, но не очень испугалась. Мешковатая яркая одежда, длинные вьющиеся волосы, собранные в хвост, открытый взгляд и добрые карие глаза не предвещали плохого.

Он стоял, склонив голову немного на бок, и сочувственно смотрел на Гулю. В правой его руке, покачиваясь на цепочках, висели два мячика. Больше в руках у незнакомого парня

ничего не было.

— Привет. Меня зовут Женек. Хочешь покрутить? — незнакомец поднял руку и показал Гуле свои шарики на цепочках.

Гуля всхлипнула и мотнула головой, немного ежась.

— Мы поставили палатку вон там, — парень махнул рукой, — приехали в ваш город, хотим пожить немного. Я фаерщик. Знаешь, кто это такие?

Гуля отрицательно мотнула головой.

— Танцую с огнем. Шарики — конечно, не совсем эти, другие, — поджигаются, и я их кручу. Есть горящие шесты... Много чего. Сегодня будем поджигаться, как совсем темнеет. Оставайся, посмотришь! А пока темнеет, могу научить самой легкой крутке. Вставай, покажу...

— Гуля, ты меня даже не слушаешь! — жесткий тон дяди Расима резанул по нервам. Гуля заморгала глазами: она и правда задумалась, вернувшись на много лет назад, в тот самый день, когда впервые взяла пой в руки.

— Извините, Расим Ислямович. Я... я немножко не выспалась.

— Гуля, ты постоянно не высыпаешься! Сколько тебе говорить можно? Это вредно для тебя — выступать ночами, ездить не знаю куда... Гуля, я уже молчу о том, что ты татарка! Татарским женщинам...

— Я не совсем татарка, — перебила дядю Расима Гуля. Такие вещи типа «татарской крови» она пресекала тут же. Не терпела выпендрежа по поводу национальности: Руслан и его мамаша уже однажды хорошо проехали по «крови» Гули. Второй раз выслушивать подобное, пусть и от давно знакомого человека, уважаемого, «друга семьи», Гуля не хотела.

— Я не совсем татарка, Расим Ислямович, но от этого я как человек не становлюсь лучше или хуже...

— Гуля, я, наверное, не так выразился, — прищурил свои темные глаза дядя Расим, и сеточка морщин резко обозначилась вокруг его глаз. Он выглядел моложаво, был подтянутым, следил за собой. Но взгляды у него были, как считала Гуля, поистине стариковскими. Вот и сейчас он затянул шарманку о женском достоинстве:

— Гуля, дело даже не в том, что ты татарка или нет. Я считаю, что ни одна женщина не должна танцевать за деньги! Тем более, с огнем! Это опасно!

— Огонь не опасен, если умеешь...

— Я тебе про твои танцы говорю! А если к тебе кто-нибудь из гостей пристанет? Ты танцуешь полуголая, Гульмира! Я понимаю, перед мужем...

Та чуть глаза не закатила: вовремя спохватилась и сдержала недостойный порыв. Опять двадцать пять. Перед парнем, перед мужем... Где он, парень или муж? А если ей нравится то, что она делает, если это делает ее счастливой? Обязана ли она слушать дядю Расима, пусть он желает ей самого лучшего?

— Посмотри на мою дочку, Альфию, — продолжал дядя Расим поучительным тоном, — она, конечно, немного тебя помладше, но тем не менее. Закончила школу хорошо, учится на юриста. Познакомилась с порядочным парнем, Ильдаром, сейчас встречаются, он ей сделал предложение, месяца через четыре свадьба. Моя дочь занимается танцами с детства, но чтобы она где-то выступала, кроме конкурсов, на которые ездит их коллектив? Нет!

«Вашей дочери не нужны деньги, дядя Расим. У нее есть вы и ваша жена, тетя Лиля. Вы всех обеспечиваете, у вас столько торговых точек по городу! А мне, чтобы на что-то заработать, надо пахать как папе Карло! Папули богатого не держим! Сравнили тоже!»

Стало нестерпимо горько. Захотелось пожалеть себя. Но к такому Гуля не привыкла. Закусила губу и зло посмотрела в пол. «Я могу сама зарабатывать! И заработаю, понял? Ты мне не указ здесь! Захочу — уйду от тебя. Уж такие деньги, какие платишь ты, я заработаю на трех выступлениях!»

Но дядя Расим, видно, сам почувствовал, что перегнул палку.

— Я понимаю, Гуля, что у тебя ситуация иная, чем у моей Альфии. Мама умерла, папа пьет... ты его кодировала?

— Давно уже, — процедила Гуля, продолжая смотреть в пол.

Нашел маленькую девочку! Гуля взрослая и сама себя обеспечивает! При чем тут родители?

— И как?

— Никак. Не помогло.

— У меня есть знакомый, который...

— Мне ничего не нужно, Расим Ислямович. Спасибо вам большое, что терпите меня и мои недосдачи. Я все верну в кассу, и штраф выплачу...

— Гуля, мне не нужны твои деньги. Не очень уж большая там недосдача!

— Тем более, — жестко ответила Гуля, не мигая смотря в глаза дяди Расима. Жалости к себе она ни от кого не потерпит, даже от маминого начальника, который Гуле конфетки маленькой дарил, — я все верну. Я накосячила — я отвечу. И буду отвечать, если это случится впредь. Извините, что так вышло. Если это вас не будет устраивать, вы всегда можете меня уволить...

— Гуля, Гуля, перестань! — закачал головой дядя Расим, — перестань! Что говоришь? Куда ты пойдешь? В никуда?

— Это уже не ваши проблемы будут...

— Гуля, ты мне как дочь родная! Разве я вот так тебя брошу?

Гуля затеребила косичку. Когда так ей говорили, она была бессильна злиться и доказывать свою точку зрения. Но все равно оставалась при своем, пусть и рот закрывала.

— Спасибо, Расим Ислямович. Но я все равно все деньги верну...

— Хорошо. Раз тебя это успокоит — возвращай. А кофе пей сколько угодно. Я тебя не виню ни в чем, понимаю твою ситуацию... Но помни, Гуля, здесь ты — продавщица. Не забывай продавать и правильно себя вести...

— Я помню, Расим Ислямович, — Гулю смутил сочувствующий взгляд дяди Расима. Слишком уж он ей многое прощает и позволяет.

— Умничка, — дядя Расим подмигнул Гуле, — выпишу-ка я тебе в этом месяце премию...

— Не нужно, спасибо, — Гуля изо всех сил старалась быть вежливой. Кидает ей подачки, будто эта премия изменит ее материальное состояние. А вот выступления — реально изменят.

— Нужно-нужно! Не спорь, Гульмира!

— Ладно, — нехотя согласилась Гуля. Но непонятный противный осадок от разговора сохранился до вечера.

«Зря я отказалась от человека дяди Расима, про которого он говорил. С батяней нужно решать вопрос», — думала Гуля, подходя к калитке. Песни отца неслись по всей улице.

«Чуть помедленнее, кони, чу-уть помедленне-е», — хрипел Высоцкий из открытого

окна его комнаты. Гуля бросила взгляд на часы (подарок дяди Расима, кстати, она их всегда надевала на работу). Восемь вечера. В одиннадцать выступление. У нее есть час — полтора, чтобы поесть и собраться. Кафе в городе, ехать к нему от Гули минут тридцать.

Та-ак. Час нужно оставить на подготовку к выступлению — замачивание реквизита, переодевание, решение насущных вопросов о площадке, ее подготовка и еще с десятков мелочей. Полчаса ехать до кафе, минут десять на погрузку: Марат засовывал реквизит в машину долго и обстоятельно, проверяя раз по пять, все ли он положил. Итак, выезд в девять двадцать — Марат уже в курсе. Знают и Ира с Юлей: их подхватят Гуля с Маратом по дороге.

Гуля добежала до дома, толкнула дверь. Как часто бывает, не заперто. Ладно хоть, что калитка закрыта, и забор высокий...

— Па-ап! — заорала Гуля, но перекричать Высоцкого у нее не вышло.

Отец заснул, не выключив старенького магнитофона. Гуля нажала кнопку «Оф», и дом, а вместе с ним улица, погрузились в блаженную тишину.

— Фу-ух! — потрясла рукой около носа. Едва глянув на отца, поспешила выйти из комнаты. Запах алкогольного перегара она не дух не переносила.

Похрапывая, папашка спал на кровати, в майке и трениках, но тапки снял. Накрывать одеялом его не нужно: не осень и не зима. Когда Гуля будет уезжать, она еще раз зайдет в его комнату. Прикроет окно, а отца накроет простынкой. Она вернется где-то в двенадцать ночи, и уже будет прохладно. Пусть проспиртованного папашу не берет ни одна бактерия, но ей было бы неуютно, если бы она уехала на выступление, не проверив, как отец.

«Я совсем о нем забываю со своими танцами. Надо завтра зайти к тете Камилле и спросить про бабушку, которая пьяных заговаривает. И дядю Расима спросить про того мужика, о котором он говорит. Блин, зачем я психанула и не спросила... И с дядей Расимом чуть не поругалась» — корила себя Гуля, закрывая дверь комнаты отца и собираясь пойти на кухню.

Ее опередил Пушок. Он первый забежал туда, подняв хвост и громко мяукая.

— Пушик-Пушик, хвостик распустил! — позвала Гуля кота. Громкое жалобное «мау» заставило Гулю улыбнуться.

— Кушай, Пушок, — щедро вывалила она коту всю банку «Вискаса» в миску. Кот, заурчав, набросился на корм.

— Не хочется мне ничего есть, Пуша, — пожаловалась коту Гуля, — и ничего не хочется. О-ой... Надо выступить и спать-спать! Завтра воскресенье, я не работаю. Будем валяться с тобой до двенадцати, да?

Пушок всю лопал и не обращал на Гулю никакого внимания. Гуля включила электрический чайник, вытащила из холодильника сыр и колбасу. Хотя бы бутерброд съесть перед выступлением, не танцевать же голодной!

Пока резала сыр, колбасу и хлеб, пока варила в старенькой турке, помнящей маму, кофе, в голову лезли невеселые мысли. На работе проблемы с дядей Расимом и его нравоучениями, дома зажигает батя, заказы есть, но маловато. Про личную жизнь лучше не вспоминать.

А Тоша купается в заказах, и если забыть, что с девушкой не очень, остальное у него прекрасно.

«Будем работать вместе, Гуля?»

Слова Антона, сказанные им около пяти лет назад, когда старый коллектив распался, Гуля слышала сейчас будто наяву. Она тогда задрала нос и сказала... Что она сказала? Типа «Извини, Тоша, давай по отдельности». Смысл был именно таким. У Гули на то было много

причин, и одна из которых — боязнь втрескаться в Антона по уши.

Конечно, Гуле хотелось, чтобы Антон ее начал уговаривать. Но тот лишь пожал плечами и сказал: «Ну как хочешь». С тех пор они оба набрали на обучение людей, создали свои коллективы и стали конкурентами. А потом Антон стал вне конкуренции.

Что бы было, если бы она согласилась, Гуля представляла себе иногда, когда становилось плохо на душе, она ворочалась в постели и долго не могла заснуть. В ее мечтах Тоша приглашал Гулю на свидания, целовал...

Гуля немножко позволяла себе помечтать. Капельку — и не долго.

Реальность, если бы она тогда сказала «да», Гулю бы не устроила. Скорее всего, вышло бы так, как случалось у Антона уже несколько раз (Гуля бережно собирала эти сплетни): очередная девочка уходила из его коллектива с разбитым сердцем, вся в слезах. Гуля понимала, почему такое происходило: Антон на тренировках был чудо как хорош, и его харизма заставляла девчонок постоянно отвлекаться и смотреть на него. А уж как он танцевал, и как перекачивались сильные мышцы под смуглой кожей, если они занимались летом, и скидывал мокрую от пота майку! Она сама через такое прошла. Ладно, рядом был Женька, промывал ей мозги. Настоящий друг.

А еще Антон был со всеми доброжелателен и улыбчив. Каждая девочка, поди, мнила себе, что он относится к ней как-то иначе, чем к остальным. Но это была лишь вежливость, хорошее расположение — не больше. И с Гулей много лет назад он был таким же: дружелюбным, веселым, готовым исполнить просьбу, помочь советом. Но за этой вежливостью ничего не стояло. Ни к кому, кроме его девушек, конечно.

Гуля налила в чашку кофе, задумчиво посмотрела на бутерброд, который сделала. Надо, Гуля! Ешь, пусть не хочется!

Пушок сидел, облизываясь, рядом с пустой чашкой. Гуля улыбнулась: хоть кому-то нужна. Отец встанет часов в семь утра, будет ходить, ахая, по квартире. Разбудит ее обязательно! Не поспать до обеда, а если вопли протрезвевшего и злого отца прервут сон, Гуля будет ходить весь день, как зомби, по дому. И неизвестно, получится ли днем урвать часок сна или нет. Опять будет целый день хотеться спать — дико, до тошноты, и отдохнуть в воскресенье не получится...

«Я сильная, я выдержу».

— Марат, где же она? До выступления осталось двадцать минут!

Встревоженная Юля стояла рядом и хмурилась.

— Не в курсе я, Гуль. Не волнуйся только! Что, первый раз кто-то из коллектива задерживается? Приедет, куда денется. Она же знает, что сегодня выступление?

— Знает, конечно!!! Мы утром созванивались, тем более... — Гуля в волнении постукивала каблучком об асфальт.

— Значит, приедет. В костюме влезть ей пять минут. Гуля, спокойнее!

— Не могу, Марат, спокойнее! Она трубку не берет, а у нас выступление без задержки! Если она не приедет в ближайшее время, будем выступать без нее!

— Ну и выступите! Вдвоем с Юлей. Пиротехнику ты покрутишь сама, Гуль! Пусть Юлька помотыляется по площадке, потянет время, пока ты конструкцию снимаешь, а ты...

— Да понятно все, Марат! Но заказчики рассчитывают на трех девочек! Заказ был на трех...

— Ты взяла всю сумму уже?

— Нет. Только предоплату, — Гуля судорожно выдохнула, оглядываясь по сторонам.

Иры она так и не увидела.

— Подойди к заказчику и...

— Марат, я в курсе, что мне делать! Меня интересует, куда делась Ира! Может, с ней что-то случилось! Почему ее нет? Ирка не из опаздунов!

— А сегодня какой день недели? — внезапно спросила молчавшая до этого Юля.

— Суббота, — быстро произнес Марат.

Гуля пристально посмотрела на Юлю.

— Гуля, я, конечно, могу ошибаться...

— Ну? Юль, не тяни!

— Помнишь Демина? И кастинг Антона? Тебя не было тогда, а я была. Ира расспросила Антона, что и как. Где устраивает кастинг Антон, во сколько... В субботу через неделю. То есть сегодня. Там часов в семь вечера было это дело.

У Гули зазвенело в ушах.

— Что? — переспросила она тихо.

Невозможно. Немыслимо. Ира ее подруга...

— Не волнуйся, Гуля! Может, я не права, конечно...

— То есть Ира собиралась к Тоше на кастинг? — У Гули не укладывалась в голове.

Юля опустила голову.

— Типа того... Но она хотела выступить!

Гуля прямо в костюме села на зеленый газон, рядом с которым они стояли.

— Сейчас, — пробормотала она, роясь в сумочке. Вытащив сотовый, стуча по экрану негнуздимися пальцами, нашла номер Антона. Он так и не поменял его за пять лет.

Антон взял трубку очень быстро.

— Да, Гуль, привет.

— Не отвлекаю? Можешь говорить? — Гуля по негласному правилу задавала этот вопрос любому человеку, которому звонила. Даже самом ненавистному.

— Не отвлекаешь, — легкий смешок в трубке.

— Как твой кастинг? Завершился удачно?

— Ну...

— Моя Ира у тебя сейчас?

Секундная пауза сказала Гуле больше, чем следующие за ней слова Антона:

— Да, здесь.

— А почему она у тебя еще?

— Тебе это важно, Гуленька? Мы разбираем новый номер. Кстати, Ира сказала, что у нее получится совмещать, и я ее взял в свой коллектив. На новый номер танго.

Звон в ушах Гули усилился. Она бы в этот момент упала на газон, если бы уже не сидела на нем.

— Передай ей, что она ни хр. на ничего не успеет. Мы выступаем через пятнадцать минут. Без нее. И в моем коллективе она больше не числится. Сегодня она меня подвела. А раз она танцует теперь с тобой, у нас ей нет места. Так и передай, — медленно и четко произнесла Гуля, бросив на последней фразе трубку.

Тяжело дыша, ничего не видя перед собой, Гуля просидела на газоне еще минуту. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стояла Ира, замер, задумчиво поджав губы, Марат.

Гуля медленно выдохнула, неуклюже поднялась с газона — мешали высокие каблуки.

— Я пошла к заказчику, скажу, что будут две девочки, и платить надо меньше.

Придумаю что-нибудь... Юль, думай, как будем танцевать вдвоем. В линию одну, перестроения... короче, все на месте — или вокруг себя по небольшому кругу. Сечешь?

Юля быстро кивнула.

— Одна станцуешь на середине. Я выйду — отойдешь на задний план. Сообразишь. Мы же репетировали с тобой на двоих...

— Гуль, я все сделаю, — почти прошептала Юля, — иди к заказчику, скажи, что третья девочка заболела.

— За двоих меньше денег, думаю, заказчик даже обрадуется. У него больше на руках останется. Одно дело — рассчитывать на одну сумму, и выиграть от того, что по цене сэкономили, — тут же вмешался Марат.

Гуля прикрыла глаза. В висках стучало, и было очень неприятно: сейчас придется делать извиняющееся лицо, находить нужные слова, чтобы заказчики прониклись и согласились на двоих. Она знала, что слова эти найдет и гостям, в принципе, почти без разницы, сколько человек выступает.

Но как это предательство было для Гули неожиданно...

— Катю я вызвонить не успею, и она совсем зеленая, только номера испортит, — ее голос прозвучал приглушенно и безжизненно, — В любом случае, у нас нет выбора. Марат, Юля! Готовьтесь к выступлению. А я на минутку к гостям и заказчику...

— Марат, завези меня на минутку на Ленина.

— Гуля, куда собралась на ночь глядя? — Марат положил руки на руль, не заводя мотор.

Они только что попрощались с Юлей, которая жила в центре города. До улицы Ленина отсюда было минут пять езды по дороге без пробок.

— Мне надо. Ненадолго. Подождешь меня в машине, хорошо? Я недолго, правда!

— Не повезу никуда, пока не узнаю, куда ты собралась.

— Надо.

— Ленина, Ленина... Что там на Ленина? Адрес какой?

— Ленина двадцать четыре.

— Представляю примерно, где это. М-м-м...

— Не мучайся, Марат. Это адрес студии Антона.

— Гуля, зачем тебе это нужно? Перестань!

— За тем. Поехали, — Гуля, поерзав на сидении, устроилась поудобнее. Она ужасно устала за этот день, тело кричало, что нужно прилечь и хотя бы полежать. Сегодня выступать пришлось с максимальной технической и эмоциональной отдачей. Две девочки на сцене — это не три девочки. Чем больше человек, тем зрелищнее шоу. Если людей мало, приходится вытягивать номера на хорошей техничности и бешеном артистизме. Что Гуля сегодня и сделала.

Заказчики даже хотели отдать ту плату, на которую договаривались раньше. Гуля отвергла это предложение, на четверть уменьшив цену выступления. В конечном итоге обе стороны остались довольны: и заказчики, сэкономившие деньги на артистах, и сами артисты, попавшие в неловкую ситуацию.

Но Гуля не смогла бы заснуть, не высказав все, что думала, Антону.

Они закончили собирать реквизит без двадцати двенадцать, высадили Юлю у ее подъезда около двенадцати ночи.

Возможно, Антон уже уехал из своего танцевального центра, но Гуля сомневалась, что он мирно спит на кровати в своей новой квартире. Если Антон начал придумывать и разводить номер, это может затянуться до утра. Студия у Антона была своя, танцевать в ней можно было в любое время суток: располагалась она на первом этаже одноэтажного дома, во второй его половине находился магазин, и музыка никому не мешала.

Гуля даже была пару раз в студии Антона. Конечно, не когда он вел свои занятия по модерну и основам фаера, а когда проводили тренировки другие преподаватели. Посмотрела, так сказать, как устроился. Тогда они еще не были настолько недружны между собой, Антон недавно основал «Фристайл», а Гуля — «Леди фаер», и ей нужно было по делу обязательно посетить его студию... Кроме того, Гуля часто проезжала мимо вывески, указывающей на танцевальный центр Антона. Он находился во дворах, недалеко от дороги, в удобном месте. У Антона всегда было много народа. На любых направлениях. Тренировки велись до десяти часов вечера, потом Антон закрывал студию и тут же ночевал: другого дома у него не было, а с родителями он жить не хотел. Его добренькая бабушка, продав свою (по слухам) шикарную квартиру и купив себе небольшую однокомнатную, остальные деньги подарила подающему большие надежды внуку. Антон подарок не профукал: приобрел такую студию, где можно было не только заниматься, но и спокойно жить.

Гуля, хотя там давно не была, могла легко описать ее. Как заходишь, сразу же — раздевалка. Здесь же — двери в туалет и в душ. Дальше — вход в огромный зал с зеркалами, из него выход в тренерскую, разделенную на две части: в одной части передевались преподаватели, в другой жил Антон. В тренерской Гуля не была, только слышала о ней, но в зал заходила: классный зал, с хорошими зеркалами и станками. Все как надо у Антона.

Ира, наверно, до сих пор с ним. Прошло около часа, как Гуля созванивалась с Антоном. Они оба репетируют... наверно.

Гуле ужасно хотелось посмотреть в Иркины глаза, но еще больше — сказать пару ласковых Антону.

Не, это все понятно. Конкуренция, переманивание сильных артистов из чужого коллектива в свой... Но нужно же немножко совесть иметь, что ли? Все-таки года два работали вместе и были друзьями.

А Ирка? Гуля понимала, в чем дело, слишком хорошо. Ира в ее коллективе работала на всех заказах, которые были у Гули. Антон бы не дал ей столько: коллектив Антона давно сложившийся и многолюдный, Ира — новенькая в нем, и как новенькой ей не дадут выступать много. У Гули было единственное логичное объяснение. Ире нравится Антон. Потому пошла на кастинг и — о, удача! — прошла его лучше остальных.

Гуле было ужасно противно. Ира, получается, предала ее. Ради Антона кинула свою подругу...

Для хорошего разноса нужна была злость. У Гули ее почти не осталось: тяжелый день с нотациями дяди Расима, экстремальное выступление выкачали всю энергию. Но чтобы она оставила это просто так, ничего не сказав ни Антону, ни наглой предательнице? Никогда!

Если промолчать, где гарантии, что он завтра также не сманит к себе Юльку или еще какую гадость Гуле не подстроит? Конечно, другое дело, согласится ли Юля или откажется, но Гуля теперь не доверяла никому.

Марат попререкался с Гулей еще немного, но до места довез.

Машины остановил напротив магазина. Чтобы попасть в танцевальную студию, нужно было обойти супермаркет.

— Может, мне с тобой пойти? Да не ходи к нему вообще! Зачем он тебе сдался? У него свой бизнес, у нас — свой...

— Марат, я недолго. Скажу пару ласковых и вернусь. Подожди меня здесь, пожалуйста! — Гуля, проигнорировав мирные призывы своего техника, хлопнула дверь. Сразу пожалела, что не посмотрела на себя в зеркало: на лице может быть копоть, макияж смылся и прочее, но потом даже посмеялась про себя. «Ты что, собралась Антошку очаровывать? Дурочка!»

Решительным шагом обогнула магазин, попав в небольшие заросли: за магазином прижилась буйная растительность из хаотично растущих деревьев и кустарников. Все клиенты Антона проходили через эти джунгли по давно протоптанной тропинке, проходящей мимо окон танцевального центра.

Прошла мимо них и Гуля: света от неоновых вывесок магазина сюда не попадало, и идти было неудобно, если бы не освещенные окна студии. Из немногих приоткрытых окон слышалась музыка. Гуля, не удержавшись, приподнялась на цыпочки и заглянула в одно окошко. Жалюзи не были опущены, класс просматривался отлично.

В нем танцевал Антон. В джинсах, синей майке, обтягивающих сильное поджарое тело, и босиком. Один, без Иры, а может, она ушла куда-то. «Скажи, что я ее люблю-ю... Без нее

вся жизнь равна нулю-ю...». Песне группы «Сплин» Гуля не удивилась. Тошка всегда любил рок, на тренировках включал его постоянно. Сейчас он просто танцевал импровизацию под музыку, без поев и прочего реквизита огненного шоу. Гуля знала, как называется такое направление в хореографии. Джаз-модерн. Сама Гуля танцевать его не умела, но любила смотреть, как танцует Антон много лет назад.

Она не могла оторвать взгляд от четких, иногда резких, иногда немного «размазанных» движений Антона. Идеально натянутые носки в высоких бросках ногами, и тут же, в каких-то комбинациях, расслабленные стопы. Натянутое, как струна, тело, исполняющее мягкие плавные движения и вновь возвращающееся к вытянутости и жесткости.

Гуля в который раз позавидовала его умению владеть своим телом. Но зависть стала не самым худшим чувством, испытываемым Гулей в эти мгновения. От долгого лицезрения раскованного и чувственного танца, рождающегося именно в эти мгновения, в горле пересохло и появилось противное ощущение тепла с напряжением пополам.

«Скажи, что я ее люблю-ю...» И боль. Ужасно больно. Зачем он танцует под такие песни? Гуля отчаянно завидовала, но уже не красивой импровизации Антона. Девушке, о которой он думает в эти мгновения, танцуя.

Музыка закончилась. Антон, скинув руки вверх, вдруг остановился. Несколько быстрых поворотов, высокий прыжок — и он уже открывает окно, около которого затаилась Гуля.

— Дверь откроешь? — почти не покраснев под многозначительным взглядом Антона, как ни в чем не бывало произнесла Гуля, не дожидаясь слов Антона.

— Там открыто, Гуль. Заходи.

Она не стала задерживаться у окна. С высоко поднятой головой прошествовала до входной двери. Дернула ручку, открыла дверь. Миновав раздевалку, разделенную шкафчиками на две половины, зашла в зал, где только что танцевал Антон.

Тот стоял в центре класса, немного склонив голову набок, и спокойно смотрел на Гулю.

— Привет. Не ждал тебя так поздно.

— Представь себе, я тоже тебя здесь не ожидала увидеть. Одного. Или ты не один?

— Один, — ухмыльнулся Антон уголком губ, — я совершенно один, Гуля. Или ты не со мной хотела поговорить?

— Правильно сказать — не только с тобой, — Гуля незаметно выдохнула: давно она не находилась с Антоном один на один ночью, в его танцевальном зале. Правильнее сказать, никогда такого не было. Да, они тренировались вечерами. Но рядом всегда были другие фаерщики: Женька, Паша... Встречи тет — а — тет с Антоном Гуля могла пересчитать по пальцам. И всегда они были или мимоходом, или по чисто тренировочным моментам.

— Пойдем в тренерскую, сядем! — Антон указал на неприметную дверь в конце зала.

Гуля чуть губу не закусилась, и в несколько прохладном воздухе хорошо проветренного танцевального зала ей внезапно стало слишком тепло. Какая ей тренерская? Специально не подходила к Антону близко, едва не теряя сознание от чего-то непонятного и чуждого ей. Оно могло называться как угодно: харизма, энергетика, но Гуля чувствовала это каждой клеточкой своего тела, находясь в танцевальном классе Антона. Зал был пропитан творчеством, а еще — энергией Антона, которая подавляла Гулю, заставляла смотреть на него с замиранием сердца, не отрываясь, и утопать в его ярких внимательных глазах. Темнота за окном усиливала это ощущение. Они с Антоном словно оказались на маленьком островке света, остальной мир от них отрезала тьма.

— Нет. Здесь поговорим, — пробормотала Гуля, изо всех сил борясь с наваждением.

— Как скажешь, Гуль, — Антон вытер напульсниками капельки пота, выступившие на лбу, — я слушаю.

Гуля посмотрела в пол, пытаясь подобрать нужные слова для обвинения.

— Антон, что за фигня? — вскинулась она через несколько секунд, честно признавшись себе, что лучшая защита от чего бы то ни было — нападение, — В чем дело? Зачем ты принял в свой коллектив мою Иру? Она же танцует у меня!

— Я не принимал ее в свой коллектив, Гуля. Я взял ее в новую программу на танец танго, а это не одно и то же. Раз. А два — так ко мне, кроме твоей девочки и всех остальных, пришли еще две фаерщицы из других коллективов. Просто твоя Ира оказалась объективно лучше них, потому я взял на номер ее. Но посмотрим, как она будет его исполнять...

— Антон, ты не мог ей отказать? — хмуро спросила Гуля.

— А зачем? — пожал тот плечами, — Артисты, Гуля, даже твои — это же не крепостные! Это люди со своими желаниями и стремлениями. Если твоя девочка хочет танцевать у меня, неужели ты ей сможешь в этом помешать?

Неотступный пристальный взгляд Антона смущал Гулю, как смутили и два шага Антона к ней. Он подошел близко, но Гуля не отступила, оставшись стоять на месте.

— Я — нет, но ты... Ты мог бы отказать ей, не брать ее... Для чего ты мне делаешь гадости, скажи? Антон, я всегда считала, что у людей должно быть что-то святое, совесть чтобы была! Знаешь, такое подстраивать человеку, который... который... Антон, это же я тебя всему научила! Это я объяснила тебе много лет назад почти все основные крутки, потому что Женек на тебя плевал, и Пашка с Юлькой тоже объяснять ничего не хотели! Это добрая Гульмира тебе все показывала и объясняла, носилась с тобой, как курица с яйцом! Да, сейчас ты клевый, самый крутой фаерщик, и умеешь намного больше меня, но надо какие-то принципы иметь, что ли... Хоть благодарности чуток за прошлое! А не гадить мне на каждом шагу!

— Гуля, стой, — Антон шагнул еще ближе к Гуле, но та отпрыгнула от него, зло сверкнув глазами:

— Не подходи ко мне, придурок, понял?

— Гуля... — примиряюще поднял руки Антон.

— Я тебе не Гуля! Ты мне чуть не сорвал выступление! Почти сорвал! — кричала Гуля.

— Дай хоть сказать...

— Ира с кем была час назад? — сузила глаза Гуля, продолжая злиться, одновременно испытывая радость от того, что преодолела наконец очарованность Антоном. Только гнев — больше ничего она не чувствовала. Почти...

Только не представлять себе, что делали здесь Антон и Ира час назад! Или в тренерской. Неужели после ее ухода он стал импровизировать под «Сплина»? Думал ли он об Ире, танцуя?

— Ну, — широкая улыбка осветила лицо Антона, — я начал кастинг в восемь вечера. Он длился где-то до девяти. До одиннадцати мы с Ирой разбирали постановку, пришлось кое-что поменять, поэтому так долго... Если бы она сказала мне, что у нее сегодня выступление, я бы обязательно перенес нашу тренировку на другое время! Хоть ты обо мне всегда была невысокого мнения, Гуля, я уважаю чужую работу, а уж выступления — тем более. Я сам выступаю постоянно, отлично представляю, как неприятно, когда тебя подводят свои же, — Антон говорил это так серьезно и рассудительно, что у Гули пропал весь ее злобный боевой пыл.

— Он тебе...не сказала? Не сказала о том, что сегодня должна выступить? — не веря своим ушам, произнесла она.

— Нет, — Антон уселся прямо на линолеум и глядел на Гулю теперь снизу вверх, — я вообще был не в курсе, Гулечка. Пока ты не позвонила.

Гуля молчала, кусая губы. На Антона она не смотрела, но кожей чувствовала его откровенный оценивающий взгляд.

Он изменился. Раньше был немного другим, мягче и добрее, из-за того, наверное, что был моложе и в чем-то неопытнее. Теперь же скулы на его лице обозначились резче, голубые глаза отстраненно поблескивали, а в голосе иногда проскальзывали стальные нотки жесткого руководителя.

Гуле вдруг вспомнилось, как она танцевала восток на корпоративе, не подозревая, что один из зрителей — Антон. Гуля смутилась еще больше, сразу же отвернулась, чтобы он ничего не заметил. Кровь прилила к щекам, мурашки побежали по телу...

— Понятно. Пока, — голос почему-то осип.

— Гуля, подожди! — когда она все-таки рискнула посмотреть на него, Антон поднялся с пола, — Слушай...Ты, я вижу, с выступления? У тебя копоть на щеке, не стерла, — он протянул руку и легонько коснулся пальцами Гулиной щеки, показывая испачканное место. Гулю словно обожгло, но она продолжала стоять, не двигаясь. Антон убрал пальцы с ее щеки и продолжил, — Может, кофе попьем? Или чай? Сто лет с тобой не общался, а тут, раз такие дела... Ты со своим техником приехала? Отпусти его домой, я подвезу тебя. Посидим, поговорим. Обсудим эту ситуацию, что-нибудь придумаем. Все решаем на самом деле, Гуль! — голос Антона звучал уверенно и успокаивающе.

— Меня Марат ждет. Без меня он не уедет. Спасибо за приглашение на чай, Антон, но не стоит. Не трать на меня время. А решить — так мы все решили уже. Она танцует у тебя, а ко мне в коллектив не суется больше. И тебе бы я посоветовала быть с ней осторожным! Мало ли что? Тоже тебя кинет, как и меня... — с тоской закончила Гуля.

Но тоска была больше из-за невозможности принять такое доброжелательное приглашение Антона.

Если она останется, ничего хорошего не выйдет. Останется, разговорится, будет созерцать Антона и жалеть, что не из-за нее он танцевал так красиво и вдохновенно. И что четыре года назад она не согласилась создать с Антоном один коллектив...

Правильно сделала, что не согласилась! Мучить себя безответной любовью могут только дуры.

Зато Гулю с Антоном ничего не связывает, они и видятся друг с другом или случайно, или в исключительных случаях. Да, иногда пересекаются. Но всегда можно пройти мимо, лишь поздоровавшись! А лицезреть его, такого далекого, каждый день, как делали влюбленные в него девочки в его же коллективе — это чистой воды мазохизм!

Нет уж, Гуля обойдется!

— Может, передумаешь? — Антон смотрел на нее таким проникновенным взглядом, от которого бы Гуля растаяла, но... Но он сам когда-то давал ей мастер-класс по артистизму и наработке нужных взглядов для сцены.

— Мы все прояснили, Антон. Больше мне здесь делать нечего. Пока.

— Гуля...

Не дожидаясь продолжения фразы, Гуля выбежала из зала, громко гроыхнув дверью. Запыхавшаяся, села на заднее сидение машины Марата.

— Поехали.

— Ты что там с Антоном сделала? — ехидно спросил Марат, заводя мотор, — Убила или зацеловала до смерти?

— Марат, ну тебя! Достал со своими шутками...

— И все же?

— Мы. Просто. Поговорили. Ясно? — больше ничего сообщать Марату Гуля была не намерена.

— Яс-сно, — просвистел Марат, — примем к сведению.

— Чего ты там примешь? Поехали по домам, ночь давно!

— Без проблем, начальник, — Марат ловко вырулил на дорогу, — едем уже, едем. Не нервничай только. Как Антон-то поживает? — не удержавшись, все же поинтересовался Марат.

— Как-как? Как обычно!

— И о чем говорили?

— Об Ире.

— Ну, конечно. Об Ире. Верю. А щечки у вас чего горят как свёколки?

— Не горят они, отстань. Я бежала, — бросила Гуля. Она что, перед Маратом оправдывается? Бред какой-то. Дожила...

Больше Марат не задал ей ни одного вопроса, лишь в зеркальце корчил многозначительные гримасы.

Гуля скоро устала на них глядеть, закрыла глаза, а потом и вовсе улеглась на всю длину заднего сидения автомобиля.

Нервное напряжение немного отпустило, оставшись в теле небольшой скованностью и легким головокружением, словно она шампанского выпила, и немало.

Нужно было остаться. Тогда хотя бы на полчаса Гуля бы забыла о своих проблемах, которые становились тем масштабнее, чем ближе подъезжала Гуля к своему дому.

Пьянство отца. Попреки дяди Расима. Предательство Иры и возможный развал коллектива. Собственное беспросветное одиночество.

«Эй, Гуля, очнись! Что бы болтовня с Антоном изменила в твоей жизни? Послушать его похвальбушки про заказы и новую квартиру ты можешь в любое время...»

— Приехали, принцесса. Дуйте на выход, открывайте калитку. Или я завтра приеду с реквизитом и выгружу его? А ты спать иди...

Гуля открыла давно слипающиеся глаза.

— Разгрузи сейчас, Марат. Я еще не совсем заснула, сейчас сарай открою...

Запах земли и травы и ночная свежесть взбудрили Гулю. Открыв сарай, она придирчиво проследила, весь ли реквизит Марат выгрузил из машины.

Доверия у Гули не осталось ни для кого.

В воскресенье Гуля весь день просидела дома. Убиралась, готовила и стирала, не позволяя себе думать о плохом. И все равно невеселые мысли то и дело отвлекали. Гуля разбила чашку, пока мыла посуду, оставила след утюга на майке, пролила воду, поливая комнатные цветы...

К пяти часам вечера она не выдержала: бросив дела, уселась на деревянном крыльце. Пушок пришел посидеть с Гулей за компанию. Гуля, привалившись у косяку, шурилась на солнце, иногда посматривая на кусты малины: там возился сегодня трезвый, как стеклышко, папашка. Он, когда не пил, пытался что-то делать по дому, как в былые времена. Жаль, что задора хватало у него ненадолго, а именно — до вечера, когда к нему не заходил в гости очередной собутыльник. А бывало, отец один пил водку. Пособия по инвалидности ему хватало на выпивку и самую примитивную еду. И, конечно, его кормила Гуля. Как не накормить собственного отца, пусть даже выпивающего?

— Дочка, малину нужно полить... Я полью.

— Да, пап, — отозвалась Гуля. Пусть поливает.

Она еще не отошла от той дозы ругательств, что досталась ей недавно. Очередной дозы. Наутро после воплей отец ничего не помнил — или притворился, что не помнит. Гуля выработала у себя толстокожесть, но стать совсем толстокожей не выходило. Всегда было что-то в его ругательствах, что ее задевало и било в самое сердце. Потому-то она и сбежала из дома при первой возможности, и некоторое время жила с подругой.

— А розы ты что? Не поливаешь?

— Поливаю! — Гулю разморило на солнце. Как же хорошо сидеть рядом с мурлыкающим котом, смотреть на зеленый сад. Ни на что не надеяться, никого не ждать...

— Гуля, привет! — в калитку просунулась загорелая мордашка младшей дочки тети Камиллы, Аиши, заядлой волонтерки и общественной девушки. Гуля чуть встревожилась: появление этой востроглазой всегда сопровождалось каким-нибудь предложением. Сегодня Гуля хотела отдохнуть, просто посидеть на крыльце, но, кажется, не получится.

— Я зайду? — Аиша, подпрыгивая, уже бежала к крыльцу.

— Здравствуй, Аиш, — высунулся из кустов отец.

— Здравсьте, дядя Петя! Гуля, ты сегодня не занята?

— Нет, — обреченно сказала Гуля. Даже если бы у нее нашлось занятие, любимая дочь тети Камиллы доказала бы с фанатичным убеждением, что ее дело — главное.

— Гуля! Помоги!

Аишка присела рядышком с Гулей на крыльцо, взяв кота на руки.

— У-у, Пушок! Приве-ет!

— Что у тебя? — лениво спросила Гуля.

— У меня дело такое... Мы собираем деньги одному ребенку на операцию. Я лично говорила с его мамой, ну ладно, это неважно... Уже и через соцсети прорекламировали, и через своих — обычная тусовка...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ближе к делу, — насторожилась Гуля. Сегодня нужно куда-то идти. Танцевать с огнем, скорее всего, для сбора средств на больного ребенка. Она уже несколько раз так помогала Аише, и денег от себя давала. Перспектива Гулю не порадовала. Ей хотелось

посидеть сегодня дома, не выходя на люди, но отделаться от назойливой Аиши сложно. Проверено не раз и не два.

— Ближе если... У нас там кто поет, кто танцует — уже все есть. А еще у нас был лот в соцсетях — поцелуй с незнакомкой. Согласились три девочки, но сегодня одна отказалась. Ты бы не могла...ну... поцеловаться с кем-нибудь?

— Чего?

— Ну, Гуль, — покраснела Аиша, — это новое такое веяние...поцелуй на глазах у всех собравшихся, иногда чисто символический. За это денег дадут ребенку на операцию...

— Я чего-то не соображу. Мне что делать там надо будет?

— Ты встанешь, мы объявим типа цены начальной...кто больше, тот тебя поцелует.

— Ты с дуба рухнула, Аишка? Может, тебе путан пригласить и их продавать за деньги, чтобы помочь больному ребенку? Че за фигню ты придумала? — возмутилась Гуля, и расслабленное состояние ее пропало сразу же.

— Это не я придумала, между прочим, — обиделась Аиша, — уже много где такое делают. Например, оплачивают свидания с красивыми девушками ради волонтерской помощи. Без интима, естественно, только свидание, но как рады парни, у которых нет девушек! Так у них шанс познакомиться появляется, и пожертвования идут, и таким образом они помогают больным детям! А здесь тебе надо просто потерпеть один поцелуй! И все! Ты можешь оговорить сразу, что в щечку, если тебя не устроит парень.

— Хр...нь! А что сама не поцелуешься?

— Так у меня...мальчик же есть! — вытаращила глаза Аишка, — Ильяз же в шоке от такого будет! А у тебя парня нет, никто тебе слова не скажет!

Гулино лицо сделалось каменным.

— То есть, если парня у меня нет, мне можно целоваться с кем угодно, лишь бы тебе деньги собрать? А не круто ли будет делать такой сбор?

— Гулечка, ну что ты так к этому всему относишься серьезно? — заныла Аиша. — Смотри на вещи проще! Это же шоу! Никто к тебе приставать после такого не будет! Все всё понимают, а для непонимающих мы еще раз напомним перед разыгрышем!

— Что-то твой Ильяз не хочет на вещи проще смотреть, почему я должна? — Гуля упиралась уже по инерции, заранее догадываясь, что пойти придется. И целоваться с незнакомцем — тоже.

— Да Гуля! Это же классно! Кто знает, может, ты сегодня встретишь своего человека...

— Я бы лучше с огнем тебе что-нибудь станцевала, — безнадежно предложила Гуля вариант, который ее устроил бы на сто процентов.

— Гуля, там парк! Там нельзя фаер, я спрашивала уже! Нам запретили! Акция в поддержку Милорадовой Кати проходит официально, мы все согласовали с администрацией, в соцсетях объявления, все такое...

— О-О-о...

— Гуля, ну как, я тебя убедила? Хотя бы немного?

— Давай я тебе просто денег дам. Для девочки.

— Гуля, а давай — и денег, и поцелуй...

Гуля возвела глаза к небу. Кто бы сомневался, что так и будет.

— Ты куда собираешься, Гульмира? — к ним с лопатой в руках подошел отец.

— В парк, дядя Петя, мы в парк центральный... — затараторила Аиша.

— Конечно, сходи. То работаешь, то дома сидишь. Нигде не гуляешь... — согласно

кивнул отец.

— А ты без меня пить не будешь? Тогда пойду, — заявила Гуля, разглядывая полинявшую тельняшку и старые треники отца и внутренне чувствуя неудобство за подобную одежду перед Аишей. Хоть она и соседка, но все равно, неприятно. У отца была нормальная одежда, кое-что из нее куплено недавно Гулей. Он ее не носил.

— Я...м-м-м... постараюсь... — замылся батя. Гуля посмотрела отцу в глаза, которые сразу же забегали.

— Конечно, он не будет! Дядь Петь! Ну, ради больной девочки, отпустите Гулю, чтобы она спокойно погуляла в парке и не беспокоилась за вас! Это же важно!

— Да я...да что я...Конечно-конечно, — забормотал отец, тут же ретировавшись и сразу же найдя себе занятие в сарае.

Гуля вздохнула.

— Гуль, мама тебе тут телефончик написала, — Аиша вытащила из кармана джинсов листочек, — вот, позвони. Она молитвами лечит, заговаривает пьянку... Но я бы на твоём месте обратилась в какой-нибудь центр. Не верю я этим бабкам...

— Найди мне центр нормальный, Аиш, — ухватила за эту идею Гуля, — найди, прошу. Только хороший, можно платный, и, это... чтобы для бати было нормально. У тебя столько знакомств! А я пойду на твою акцию и даже не поморщусь, когда придется целоваться, хоть с кем, обещаю!

— Гуля, можно в щечку, я ж говорила, чисто символически! Эта благотворительная акция, а не фигня какая-нибудь!

— Да плевать мне! Найди только центр! Потерплю уж как-нибудь. За телефон и адрес центра.

— Окей, Гуля! В парке детская программа начнется через час, взрослая — часов в восемь...подъезжай к восьми!

В семь вечера Гуля сидела на лавочке, недалеко от сцены, где проходили выступления и конкурсы в поддержку Милорадовой Кати, и ела третье свое мороженое. Она предпочла сходить из дома пораньше. Посмотреть на зеленую листву можно и в парке. Много народа, конечно, но что поделаешь! Обещала поучаствовать. Ладно, хоть для себя что-то выпросила полезное на этот раз. Теперь Аишка расшибется, а центр найдет.

Гуля наблюдала, как та бежит от сцены к клоунам и накрашенными матрешками девочкам-аниматорам, худенькая и трогательная, думая, что Аиша — человек что надо. Такое устроить самой!

Присутствующие в парке мамочки не скупилась на небольшие пожертвования.

К восьми часам количество родителей с детьми начало постепенно уменьшаться, и парк наводнили парочки и компании парней и девушек. Гуля в который раз за день вздохнула: скорей бы уж, скорее начался конкурс с поцелуями. Минута позора — и домой.

Внезапно она различила слишком знакомую фигуру в одной из компаний парней и девушек. Приглядевшись, поняла, кто это. Антон и его артисты. А потом Гуля заметила среди них Иру.

Зло посмотрела на нее, внутренне сжавшись, но усилием воли отвела взгляд, задышала ровнее. В конце концов, Антон прав. Человек сам выбирает, с кем ему общаться и дружить. Променяла ее Ира на благополучный коллектив Тошки — что ж особенного? Значит, посчитала, что так ей будет лучше. Гуля и вся прежняя дружба не в счет.

Больше беспокоило присутствие самого Антона. Аиша пригласила его тоже. Столько

раз видеть воочию Антона за маленькое количество времени Гуля не привыкла.

Компания целеустремленно направилась к сцене, из чего Гуля поняла: они сегодня выступают тоже. Не целуются, скорее всего, танцуют. Гуля скривилась. Аиша не могла ее попросить станцевать здесь цыганский, индию?

— Аиш, стой! — тормознула Гуля пробегающую мимо с какой-то коробкой Аишу, — Антон здесь что делает?

— Танцует! — сделала большие глаза Аиша, — Ну, и участвует в пожертвованиях тоже. Как все... Он же знаменитый в городе фаерщик и танцор! Как его не пригласить?

— А-а...

— А что такое, Гуль?

— Не-не, ничего...

Подхватив коробку поудобнее, Аишка куда-то унеслась.

Гуля медленно встала со скамейки. Ссутулившись, побрела прочь от сцены. До восьми погуляет в другом уголке парка, а к назначенному времени вернется.

Антон — местная знаменитость, и его зовут исключительно на выступления. А Гуля сегодня нужна лишь для того, чтобы с кем-нибудь целоваться. Зашибись!

— Гуля, подожди! — Ира бежала к ней, махая рукой. Гуля остановилась, с неприязнью глядя на нее.

— Извини... извини, что с выступление вчера так вышло. Я не хотела, правда!

— Я уже Антону все передала про тебя. Нам с тобой больше говорить не о чем, Ир. Ты подло сделала, ты нас всех кинула! Меня, Юльку, Марата! — возмутилась Гуля. — Ладно — танцевать в его номере. Но у нас же работа была! Почему ты не сказала Антону, что выступаешь? — Гуля почти кричала.

— Гуль, я... — Ира дотронулась до Гулиной руки, — Понимаешь... Ну...

— Говори уже! Или пройти дай!

— Я...я просто побоялась...у нас была с ним первая тренировка, а знаешь, уйти с первой тренировки как-то...

— А меня предупредить стоило об этом, как считаешь? О кастинге, обо всем?

— Ты бы меня не поняла...

— Я тебя и сейчас не понимаю. Вообще! С чего ты променяла наш «Леди фаер» на «Фристайл»? Ты везде работала вместе со мной, везде! Из-за Антошки?

— Гуль, в какой-то мере да. Мне он нравится. Мы еще тогда познакомились с ним, у дяди на юбилее...

— Ир, ты что, совсем чокнулась? Антон — это...это...

— Он не бабник, Гуля. И с девушкой своей поссорился капитально. Они расстались уже, — уверенно сказала Ира, смахнув челку с глаз.

Гуля не знала, что сказать.

— И тебе Антон предложил встречаться, — произнесла утвердительно. Сердце болезненно сжалось.

— Нет, Гуль, ничего не предлагал пока. Он меня взял в номер с поями, и все...

— Короче, не хочу слушать тебя дальше. Ира, желаю удачи. Во всем. В коллективе Антона. Я с предателями не работаю. Если ты не отпросилась с первой тренировки, хотя у тебя было выступление... ладно, проехали. Всего хорошего, — и Гуля зашагала прочь.

До восьми она просидела у фонтанов парка, не отрывая взгляд от бьющих вверх водяных струй. В восемь неспешно пошла по тротуару к сцене: именно на ней должен был состояться

благотворительный поцелуй.

«Помни про центр для папашки. Но если Аишка не найдет его, я не знаю, что с ней сделаю!»

Молодежь заполнила все пространство у главной сцены и места у нескольких маленьких импровизированных сцен. Гуля прошла мимо поющей и подыгрывающей себе на гитаре девушки. Остановилась послушать, что поет.

Нам ли, одиноким, не прольётся
Время, что подарено Всевышним.
Я тяну, тяну ладони к Солнцу,
Солнце остаётся неподвижным.
Не кричали, не остановили
Белые слова за облаками.
Никого на свете не любили -
Ждали.

«Точно! Прямо как про меня! Тянешься, пытаешься, борешься — и все без толку, все бесполезно...».

Слова песни Юты еще больше расстроили Гулю. Впору было наплевать на все обещания, уехать домой и, не слушая громкой музыки папашки и его пьяных криков, зарыться лицом в подушку и плакать по своему настоящему.

Гуля крепче стиснула зубы, сморгнув слезинки с глаз, почти побежала к сцене.

Ты сильная, сильная! Держись! Не все так плохо! Кате, маленькой девочке, деньги для которой собирает Аишка, во много раз хуже. Но ребенок борется, и борется не за амбиции или любовь — за свою жизнь!

— Гуля, где ты ходишь? — подлетела к ней раскрасневшаяся Аиша, — Скоро все начнется. Идем!

Она схватила Гулю за руку и потянула за собой.

— Здесь стой! — приказала, оставив на ступеньках сцены — там уже стояли две хорошенькие девушки, — Я позову, объявят!

— Отлично. Объявят. Только мне этого не хватало. Танцовщица фаер-шоу Гуля будет целоваться фиг знает с кем. Круто! — пробормотала Гуля больше себе, чем окружающим. Стоящая рядом девушка рассмеялась.

— Меня зовут Катя. Я тоже обалдела, когда мне Аишка это предложила. Но меня будет целовать мой парень, так что мне не страшно...

— А мне все равно, — подхватила разговор симпатичная брюнетка с большими карими глазами и россыпью мелких веснушек на лице, — кто, что... Я ребенку помогу. Пусть подурачки, но Аиша придумала здорово.

— Я бы приплатила, чтобы не целоваться ни с кем, но она не согласилась, — сообщила девушкам Гуля. Смеялись уже вместе.

— Ита-ак! Главная интрига вечера! Поцелуй с незнакомкой! — возвестила Аиша в микрофон. Гуля выглянула из-за сцены: толпа молодых людей придвинулась ближе к сцене. Одного из них ей придется целовать.

— Первая прекрасная девушка! Прошу на сцену!

— Ты — третья, — шепнула Катя Гуле перед своим выходом.

Гуля и брюнетка остались вдвоем, но ненадолго: Катю поцеловали быстро. За брюнетку завязался серьезный бой, и Гуля уже успела понервничать. Ей на сцену выходить не впервые,

а уж сколько случилось казусов за ее выступательную карьеру! Но выходить для поцелуя было для Гули в новинку. Стало немного подташнивать, и Гуля в который раз пожалела, что не послала Аишу с ее благотворительностью куда подальше.

— А теперь — третья прекрасная незнакомка! Ждем на сцене!

Сердце сильно застучало, в теле появилась слабость. «Чего ты боишься, Гуля? Вот еще! Можно же в щечку, если все совсем печально будет!»

И Гуля, преодолевая сильнейшее смущение, шагнула на сцену, изо всех сил изображая на лице радость и милую улыбку. Хмурую девушку никто целовать не станет, и Аишка не получит энную сумму денег для больной девочки. А это для нее важно.

— Очаровательная незнакомка! Ну, думаю, эта девушка хорошо известна в определенных кругах. Сегодня она с радостью подарит вам свой поцелуй! Поцелуй от самой горячей — и горящей — девушки нашего города!

Лицо Гули, наверное, в эту минуту окрасилось легким румянцем: она почувствовала, как прилила кровь к щекам. Да уж, Аиша оторвалась на ее имени по полной. Не забыла все-таки, чем занимается соседка.

Гуля устремила взгляд вверх голов, про себя ругаясь на чем свет стоит. Вот, значит, как выглядел невольничий рынок на Руси. Или в Америке.

Гуля оделась не настолько вызывающе, чтобы соответствовать рекламе Аиши. Сарафанчик до коленок оранжевого цвета, босоножки в тон. Коса за спиной, достигающая почти до талии, на лице — только тушь и румяна. Гуля представляла, как парни смотрят на нее и сравнивают пафосное описание Аиши со стоящей на сцене скромницей Гулей.

Это несоответствие вызвало веселую улыбку на губах. Давайте, мальчики, вперед. Кто поцелует вроде бы разрекламированную, но такую обычную девушку?

Кто-нибудь да поцелует, Гуля была уверена. В толпе полно меценатов, которые пришли помочь ребенку по личной просьбе Аиши, и поцеловать Гулю для них — не главное. Так, для галочки...

— Ну, начнем...

Несколько неуверенных ставок, молчание. Гуля пошаркала ножкой, глядя в пол. Ну что вы там копошитесь, отдайте Аишке деньги, целуйте меня в щечку, и разойдемся с миром...

И вдруг до боли знакомый голос назвал сумму, которая напрочь перекрыла все ставки.

— Антон, просим на сцену!

Гуля растерянно моргала, пока глядела, как на сцену взлетает Антон. Воздуха вдруг резко стало не хватать, жар волной прошелся по телу — от макушки до кончиков пальцев. Гуля сцепила пальцы в замок, потом одернула платье, следом — пригладила волосы.

«Успокойся, Гульмира! Антон — не худший вариант для поцелуя».

Гуля немного пришла в себя за то время, пока тот засовывал обещанную сумму в коробочку с прорезью, которую держала Аиша.

И смогла гневно посмотреть на подходящего Антона, белозубо улыбающегося во весь рот.

— Привет, Гуль. Как дела? Как обычно, выступаем?

— В щечку целуй скорей! — прошипела Гуля, привычно прищурив глаза, — Надоело тут как дуре стоять! В жизни не соглашусь больше так выступать!!!

Антон хохотнул и, наклонившись, прикоснулся губами к щеке Гули. Она зажмурилась, стараясь не двигаться и не дышать. Горячие губы Антона не спеша запечатлели поцелуй на ее щеке. Он отстранился, и только тогда Гуля смогла выдохнуть и открыть глаза.

В толпе раздались протестующие крики:

— Антон, это что такое! Детский сад!

— Два фаерщика стоят на сцене, а целуются как малолетки! Ну-ка, ребята, зажгите!

— Антон, жги! Гуля, жги!

— Слышишь, Гуля! Зрители требуют погорячее! — насмешливо сказал Антон, разглядывая Гулино лицо.

— Да мне плевать, что они там требуют. Пошла я отсюда...

— Нет, — Антон шагнул ближе и обнял замершую от неожиданности Гулю. Провел ладонью по спине вверх, придержал рукой голову Гули сзади, не давая ей отвернуться. Его губы прижались к губам Гули. Она от неожиданности чуть приоткрыла рот, и Антону не составило труда углубить поцелуй, раскрыв ее губы языком. Неторопливо, уверенно, что говорило об опытности — или отсутствии всяких комплексов — он целовал Гулю со все более нарастающей страстью. Гулино сознание покрыла бесконечная белая пелена, заслонившая все мысли.

Антон немного склонил голову набок, чтобы сделать соприкосновение их губ глубже, и Гуля вцепилась в его майку, ничего не замечая вокруг.

Вдруг Антон прервал поцелуй, и в сознание Гули прорвались, словно из внезапно открывшейся двери, смех, свист и улюлюканье.

— Елы, ребята! Даешь еще!

— Горько! Горько!

— А мы давно это знали! Зажгли!

— Антон, ты крут!

— Оле-оле-оле-оле! Анто-он...

Гуля покраснела, наверное, так, как никогда раньше. Прикрыла губы ладонью и отпрянула от Антона. На глазах даже слезы выступили.

— Все нормально, Гуль? — нахмурившись, тут же задал вопрос Антон.

— Нормально, — сбегать сразу было нельзя. Гуля сделала как можно более безразличное лицо (от неожиданности она толком не поняла, что произошло, поэтому получилось его сделать очень естественно), помахала зрителям ручкой. И важно удалилась со сцены. Все-таки наработки многочисленных выступлений не прошли зря. Умение держать лицо — одно из главных правил артиста.

Лишь когда Гуля оказалась за сценой, она позволила себе не изображать то, чего нет. Быстрым шагом удаляясь все дальше, она еще только осознавала, что случилось. Она целовалась на глазах у многочисленных зрителей с Антоном. Сколько длился поцелуй, Гуля не имела понятия — время в ее случае замерло, как и она сама на сцене. Наверное, дольше обычного, раз он вызвал такую бурную реакцию зрителей. И был этот поцелуй вовсе не дружеский...

— Гуля, подожди, — догнавший ее Антон остановил Гулю, схватив за руку, — Все точно нормально? Извини, если что, я как-то не рассчитывал на такое...

— Я тоже не рассчитывала. Все замечательно, Антон, не парься, — Гуля мечтала сейчас оказаться как можно дальше отсюда. Было ужасно, непередаваемо стыдно. Она целовала Антона с огромным наслаждением. Он, наверно, почувствовал это.

Сегодняшний поцелуй стал самым великим позором Гули за все время общения с Антоном. Он сказал, скорее всего, Антону больше, чем все их разговоры и встречи столько лет подряд.

Что Антон нравится ей. И не просто нравится...

— Давай подвезу! — предложил Антон, все также внимательно разглядывая ее лицо, —
Время позднее, до дома тебе отсюда сложно добраться.

— За мной Марат приехал, — легко солгала Гуля, — не переживай, Антон. Не сахарная,
не растаяла от одного поцелуя. Да и ехать мне есть с кем.

— А мне показалось... — лукаво начал Антон, но Гуля перебила его:

— Тебе много чего кажется. Ты еще гадости мне делать не забываешь, между этими
«кажется». Короче, пока. Надеюсь, еще долго тебя не увижу.

— Посмотрим, как получится...

Гуля сделала вид, что не заметила последней фразы. Развернулась и с достоинством
зашагала к дороге, где якобы стояла машина Марата. Вместо этого, удостоверившись, что
Антон ее не видит, свернула к остановке. Сесть на нужную маршрутку получилось сразу же.
Не бывает же целый день невезений! Где-то и повезет...

Она не помнила, как вышла на своей остановке, как дошла до дома. Было подозрительно
тихо, но на кухне еще витал запах водки. Гуля заглянула в комнату отца: тот спал на постели,
так и не переодевшись. Укрыв его простыней и прикрыв по привычке окно, Гуля на
цыпочках вышла из его комнаты. А в своей рухнула, не раздеваясь, на кровать. Пушок,
вспрыгнувший на открытое окно, громко мяукнул.

— Плохо мне, Пуша... Очень плохо, — тихо прошептала Гуля, хлюпая носом.
Устроилась поудобнее, вытерла слезы.

Да, было неприятно, плохо, стыдно — и вместе с тем восхитительно радостно, словно
Антон подарил ей бесценный подарок.

«Совсем ненормальная стала», — резюмировала Гуля, почему-то улыбаясь.

Гуля сидела в «Мае», на своей точке. Посматривала на часы. Один час до конца смены, всего один, покупателей мало. Читать уже не хотелось, сканворды, втихаря разгадываемые, надоели.

Гуля разглядывала банки с чаем и планировала свои дела.

Нужно найти среди своих учениц по востоку девочек, согласных учиться и выступать в ее коллективе. Это будет не кастинг, как у Антона, а личные предложения. Гуля наметила их сделать трем своим ученицам. Конечно, поначалу они не смогут выполнять что-то сложное, но создать массовость на площадке, красиво покрутиться и исполнить легкие движения с огнем у ее учениц получится. Пока хватит и этого, а со временем Гуля их научит.

Аиша («В следующий раз откуплюсь, и денег никаких не жалко!») обещала на днях принести проспекты хороших центров. И вроде бы она даже договорилась с одним врачом... Главное, чтобы отец согласился. В последние годы от лечения он отказывался, посылая Гулю куда подальше и говоря при этом, что он вовсе не пьяница.

Гуля потеряла виски: голова сразу начинала болеть, когда она вспоминала об отце.

И еще нужно не думать об Антоне...

Поцелуй Гуля пережила, хоть и бежали мурашки по телу, когда его вспоминала. Сказала себе: «Случилась что случилось», и перестала смущаться и нервничать. Ничего же не изменить в прошлом, правильно? Тогда из-за чего переживать?

Другое дело, зачем Антон вызвался ее целовать. Пожалел бедняжку, а может, решил в который раз поддеть Гулю? Либо таким образом поддержал ее: своя же, почему бы не поцеловать, раз другие раздумывают?

Целуется он здорово, признала Гуля. Парень с таким темпераментом, как Антон, по-иному не может. Интересно, а каково это — быть его девушкой?

Гуля поморщилась: глупые мысли, которые давно уже не приходили ей в голову. И вот, опять...

В прошлом Антон с Гулей хорошо общались, даже считались друзьями, он относился с пониманием к ее просьбам, помогал советами, но — ничего личного.

И девушки. Насколько помнила Гуля, он всегда с кем-то встречался: женским вниманием харизматичный Антон никогда обделен не был. Пялилась на него и сама Гуля. Потихоньку, конечно, и в жизни бы не призналась никому, что мечтает о чем-то.

До последнего дня существования их старого коллектива сердце Гули всегда учащенно билось, когда они с Антоном отходили в сторонку, чтобы разобрать что-нибудь по общему танцу, или когда Антон ей объяснял по секрету основы режиссуры и законы построения танцевального номера. Вездесущий Женька часто прерывал их «свидания». Подходил, садился рядом, слушая, что Антон рассказывает Гуле, сам задавал вопросы. Тогда Гуле дышать становилось легче, но на Женьку она обижалась: ведь Антон мог во время одного из разговоров пригласить Гулю куда-нибудь, например... Да что угодно, они же разговаривали один на один!

Но никаких предложений от Антона никогда не поступало. Ни с Женькиным присутствием, ни без него.

С приходом Антона в их коллективе многое поменялось. Танцы стали более подуманными, изменился порядок номеров, костюмы, а со временем стали более

интересными движения за счет хореографии и усложнения работы с предметами.

Но он не должен был появиться в их коллективе, не должен! Слишком далека была жизнь уличных фаерщиков от жизни талантливых танцоров, получивших высшее образование.

Гуля, откинувшись на спинку стула, вспоминала, как она впервые увидела Антона.

В тот день Пашка, Женька и Гуля безнадежно опаздывали на выступление. Но находящегося, по своему обыкновению, Женька в состоянии самадхи это мало волновало. Он всегда умел быть по-дзеновски спокойным и отстраненным, исключая некоторые моменты. Зато Гуля волновалась за все: ненавидела опаздывать. Ведь именно ей нужно подходить к ведущему, чтобы извиниться. Возможно, придется извиниться за опоздание и перед заказчиком, придумать приличную отговорку, ибо слово «пробки» давно никого не трогали...

Выступление тоже пошло наперекосяк. Реквизит они замочили в спешке, плохо, и веера с шестами никак не хотели разгораться. Чтобы как-то скрыть заминку — зрители уже давно собрались возле площадки и неопределенно гудели — улыбающаяся Гуля вышла с поями на сцену — единственным реквизитом, который сразу разгорелся. Шепнув предварительно Пашке, чтобы включили ее любимую Фармер, отработала одна самый первый номер, пока остальные повторно заливали фитили оставшихся предметом керосином.

Песни Милен Фармер никогда не подводили Гулю. Будто получая незримую поддержку от беззащитного нежного голоса, под них она с легкостью работала с веерами, шестом, крутила пои. Но не в тот раз.

Впрочем, все было почти идеально. До момента, пока Гуля не вышла «попугать зрителей». Это делать с поями следовало очень осторожно, поэтому Гуля наvertsела цепочки поев на кулаки, уменьшив их длину на треть. Теперь горящие шарики находились близко-близко к Гуле. Ей опаснее, зато зрителям хорошо. Восторженные крики вперемешку с немного испуганными девичьими охами только радовали.

Она «обошла» почти всех зрителей, оставалась большая и веселая компания парней, которые хлопали, чуть приплясывая: видимо, долгие возлияния даром не прошли. Гуля, боковым зрением отмечая, где стоят чашки, прошла около них, чтобы покрутить пои напрямиком перед парнями, на безопасном от них расстоянии, но ближе, чем фаерщики обычно выступали.

Те продолжали хлопать и гикать, кроме одного, который стоял неподвижно, с неослабевающим вниманием наблюдая за Гулей.

Ее немножко задело, что парень не выказывает восторга — тогда она еще была совсем молоденькой и неопытной в плане выступлений и не умела правильно относиться к зрителям, да и опоздание их коллектива на работу сыграло свою роль: Гуле было за него стыдно. Она крутила пои, а руки чуть дрожали — слишком уж пристально смотрел на нее тот парень, и его неподвижность так контрастировала с его хлопающими друзьями...

Несколько простых круток, а дальше — фонтан: крутка поями справа, слева и над головой.

Один из поев полетел в ее старательно убранные и побрызганные лаком волосы...

Это была мимолетная заминка, почти не замеченная никем, но не тем парнем: он дернулся, хотя и остался стоять на месте. Гуля тихо вскрикнула — лишь мгновенный вскрик. Огонь опалил волосы.

Она продолжала крутить пои, пребывая в состоянии легкого шока. Но зрители хлопали

также, никто не кричал, что у нее горят волосы, и Гуля успокоилась. Посмотрела на того парня, улыбнулась ему («Знай наших!»), и на несколько секунд их взгляды встретились. Затем Гуля зашла за мнимое ограждение чашек: музыка заканчивалась, нужно было сделать финальную точку. Кланялась она с бешено бьющимся сердцем, заходящимся от адреналина и странного ощущения, которое разошлось по всему телу, вызывая эйфорию. Пусть она и накосячила перед этим чванным мужиком, но сумела с достоинством выйти из ситуации и даже нагло улыбнуться при этом. А еще — она лишь подпалила себе волосы, ничего серьезного. Несколькох прядей лишилась, но беспокоиться не стала — отрастут.

После выступления Женьку отозвали куда-то. Гуля и Пашка собрали реквизит и грелись около дежурной чашки: время было чуть больше одиннадцати, и эта ночь не отличалась высокой температурой, да и Гуля забыла кофту — тогда кофты она еще забывала дома.

Увидев приближающегося Женька, а с ним — какого-то человека, Гуля с облечением нагнулась и затушила с помощью специальной ткани огонь в чашке. Ей было все равно, кто идет рядом с Женькой: ждать его и она, и Пашка уже устали. Хотелось домой как можно скорее, отмыться от запаха керосина и гари и спать.

— Это — Антон, он будет тренироваться с нами, — возвестил Женька. Гуля, нагнувшая над чашкой, резко подняла голову.

Она его узнала. Это был тот неподвижный парень из толпы.

— Привет, — впервые в жизни улыбнулся ей Антон.

Потом она скажет Женьке все, что думает о приеме в коллектив новых неизвестных парней. Потом даже успеет поругаться с Женьком и покапризничать насчет Антона, но Женька останется равнодушным к ее капризам. Это все будет потом, а тогда Гуля смотрела в лицо Антона и не представляла, что ответить симпатичному парню...

— Это Гуля, гордость нашего шоу, — ответил за нее Пашка, — а я Пашок. Не знаю, что ты посулил Женьку, чтобы тебя взяли, но все равно — добро пожаловать...

— Я сказал, что я хореограф и что помогу сделать ваши выступления еще более зрелищными, — продолжал улыбаться парень. Пашок хлопнул по плечу Гулю, которая, сделав вид, что занята вытаскиванием фитиля из чашки, опустила голову:

— Клево, Гуль! А ты все ноешь, что мы как-то неправильно делаем! Вот к нам пришел! Хореограф! Настоящий!

Слова резанули Гулю по сердцу. Раньше все танцевальные моменты были на ней: фаерщики не разбирались в основах хореографии, могли работать предметами под любую музыку, часто даже не слушая ритм. А теперь она почувствовала — впервые среди этих людей! — что она уже больше не особенно здесь нужна...

— Девушка, мне орешков кедровых грамм триста, пожалуйста!

Гуля встрепенулась, открывая глаза. Растяпа! Замечталась на рабочем месте!

Но после ухода покупательницы Гуля не смогла запретить себе вспоминать прошлое. Оно затягивало ее, снова и снова вставая перед глазами, и чувства, испытываемые тогда, были такими реальными, словно все происходило с ней вчера...

— Гуля, я не пойму! — удивлялся Антон, — Они что, не догоняют, что если крутят шесты под музыку, то хотя бы иногда должны попадать в такт! В идеале — всегда! Иначе получается, что музыка отдельно, а фаерщики — отдельно!

Один из вопросов, над которым постоянно билась Гуля, Антон разрешил за несколько занятий. Как он втолковал свободным неформальным фаерщикам, что нужно слушать музыку, Гуля не имела представления. Но после того, как Женька и Пашка с Юлькой начали

крутить шесты, пои и прочий реквизит, попадая в ритм, она почувствовала еще большее отчуждение ее и остальных фаерщиков. Нет, ничего подобного не было в реальности. Гулю любили в коллективе, в ней нуждались, особенно — когда решались организационные вопросы. Это потом Антон взвалил большую часть их на себя, и Гуля в глубине души почувствовала себя вообще никчемной.

А уж когда Антон начал выступать наравне с Женькой...

Гуля ощущала ревность — и одновременно ее тянуло к Антону. С такими неоднозначными, почти противоположными чувствами она безрезультатно боролась на протяжении всего существования старого коллектива.

Когда он распался и Гулина дорога разошлась с дорогой Антона, сначала стало легче. Гуля была полна амбиций, создавая чисто женскую команду «Леди-фаер». Она забыла, что Антон был не менее амбициозен, и когда постепенно к его «Фристайлу» пришла известность, начала испытывать обоснованное беспокойство.

Через некоторое время уже ничего нельзя было изменить. «Фристайл» стал знаменитым, ее коллектив — обычным середнячком, лучше многих, и все же — середнячком...

— Гульмира, добрый вечер!

Голос дяди Расима невероятно испугал Гулю.

— Ой, Расим Ислямович! Я что-то...э-э... отвлеклась.

— Закрывай точку, поехали!

— Куда? — Гуля испугалась еще больше, широко распахнув глаза.

— Домой отвезу тебя. Пойдешь спать, поняла? Сколько можно это делать на работе? И завтра не выходи, отдохни.

— Да вы что, Расим Ислямович! Я...я не сплю! Не сплю на рабочем месте никогда! И я не устала, чтобы отдохнуть. Неделя же только началась!

— Сдается мне, что нет, — тяжело вздохнул дядя Расим, — закрывай точку. Жду тебя в своей машине. Кассу закрывай и выходи.

Гуля не стала спорить: выполнила все приказания дяди Расима, недоумевая про себя: и почему уже который человек так хочет ее подвезти?

В машине дядя Расим все расспрашивал про танцы, про заказы, про то, остается ли время, чтобы отдохнуть, и как она отдыхает. Гуля отвечала вежливо, но односложно: сидеть в большом ленд круизере рядом с дядей Расимом непривычно и неудобно. И хотя тот всегда был очень добр к ней, что-то настораживало Гулю и не давало наивно рассказать ему свои новости.

Он довез ее до дома, остановив машину напротив калитки.

— Как отец-то? — спросил на прощанье.

Гуля только рукой махнула.

— Совсем все плохо? Давай я приеду и проведу его. Поговорю. Может, что изменится...

— Конечно! До свидания! — ответила Гуля, вылезая из машины. Не было печали, так еще дядя Расим отцу будет нотации читать. Всем всегда кажется, что уж они-то смогут решить чужие проблемы. Чем поможет дядя Расим, если даже собственная дочь бессильна изменить отца?

Гуля немного напряглась, когда увидела подходящую к ее точке тетю Лилю. Чтобы жена дяди Расима зашла в «Май» — так только по большим праздникам. Она видела эту изысканную женщину несколько в своей жизни — и то в большинстве их в детстве, когда сидела рядом с работающей мамой, а тетя Лиля приезжала с проверкой, заменяя приболевшего дядю Расима. Мама о ней была только лестного мнения. Красавица, яркая женщина, мать троих детей, заботливая жена... Ну, и так далее. Мать и о дяде Расиме ни разу плохого слова не сказала...

Гуля суетливо перебирала в памяти то, за что могла бы ее поругать тетя Лиля, к чему прицепиться. Но по деньгам и товару все сходилось, и Гуля не грубила покупателям... Значит, жена дяди Расима пришла не к ней, а лишь по своим делам.

От сердца отлегло. Гуля приветливо посмотрела на подходящую к прилавку женщину. Тетя Лиля не задирает нос: поздороваётся с Гулей, а потом пойдет по делам. Не будет же она проходить мимо, даже не сказав «здравствуй»!

— Гуля, — огромные миндалевидные глаза тети Лили выглядели немного припухшими, а в остальном она была все такой же шикарной женщиной, — здравствуй! Как дела?

Гуля улыбнулась в ответ: все правильно в ее рассуждениях.

— Добрый день! Работаем потихонечку, — ответила дружелюбно, но без панибратства.

— Закрой-ка пока точку, — тетя Лиля дотронулась рукой до своих темных волос, поправляя их, — сейчас время обеда. Хотела немного перекусить здесь, ездила по делам... Составь мне компанию! Я угощаю.

— Хорошо, — Гуля не почувствовала никакого подвоха. Почти. Попросив соседку ненадолго приглядеть за точкой, пошла провожать тетю Лилю до забегаловок торгового центра.

Странно все это. Здесь, в мае, только дешевые забегаловки. В них, поди, тетя Лиля кушать не привыкла: мама говорила, у них дома и свой повар, и сама она готовит отлично, по рассказам дяди Расима.

Пока Гуля плелась за тетей Лилей до ближайшей закуской, она все недоумевала.

— Вы... что хотите поесть?

— Все равно, — дернула изящным плечом тетя Лиля. Хотя у нее было трое детей и по годам, Гуля предполагала, ей было за сорок, она сохранила красивую стройную фигуру и легкость движений настоящей балерины, коей, впрочем, никогда не являлась. Гуля все хотела узнать секрет ее стройности — так, на будущее, но спросить стеснялась.

В элегантном платье, на высоких шпильках, эта женщина приковывала взгляд своей царственной осанкой и неуловимым ощущением власти, исходящим от нее. Проходящие мимо смотрели сначала на тетю Лилю, а потом на Гулю — скромного воробья в любимейших удобных джинсах и цветной майке-безрукавке, с непременно косичкой, совсем не покрашенную.

Гуля никогда не претендовала на то, чтобы приковывать внимание всех и вся, потому она не ощущала себя несчастной замарашкой рядом с этой успешной и красивой — а тетя Лиля была поистине красивой — женщиной. Каждому — свое, как говаривал батя. Она шла, терзаемая одной мыслью: сейчас состоится разговор, а Гуля никак не придумает, о чем он может быть.

Разговор предсказуем: зачем люди собираются покушать вместе? Чтобы поговорить. Тетя Лиля зовет ее здесь кушать в первый раз. Вот и сопоставьте факты.

Гуля даже не представляла себе, как тетя Лиля будет стоять в очереди в Маевской пиццерии, потому сразу же усадила ее за столик, договорившись, что она, Гуля, сейчас все сама принесет.

— Мне кофе. Двойной экспрессо. И возьми кусочек любой пиццы. А себе — что хочешь себе бери, главное — чтобы наестся. Возьми деньги, — тетя Лиля протянула ей приличную сумму. На нее здесь можно было накормить пятерых.

Гуля наглотать не стала: себе взяла тоже кусочек пиццы и кофе, только не такой крепкий, как заказала тетя Лиля, а с молоком. Она бы не отказалась еще добавить что-нибудь к своему заказу, но посчитала, что и так ей жирно есть за чужой счет. Если попозже проголодается, поест сухофруктов на точке.

«У Альфии же свадьба скоро! Она хочет попросить меня выступить!», — мелькнуло в голове, пока Гуля стояла в очереди. Незаметно посмотрела на тетю Лилю: та разглядывала стену забегаловки.

«У них проблемы с деньгами, что ли, и она из-за этого такая грустная? Да ладно, выступлю бесплатно!»

— Как отец? — был первый вопрос, когда Гуля вернулась с подносом, осторожно поставив перед тетей Лилей чашечку кофе и тарелку с большим куском пиццы. Она даже захватила вилку и ножик для нее: не руками же будет есть эта потрясающая женщина!

Тетя Лиля к пицце не притронулась. Отпила глоточек кофе, помолчала. Гуле же, при всем ее голоде, кусок еле полез в горло. Непривычно как-то...когда тетя Лиля рядом.

— Ничего, — аккуратно ответила Гуля. Это все дядя Расим, не иначе! Рассказал ей про папу! И Гуля приготовилась к нравоучениям, что она плохая дочь. Или что напрягает своими проблемами чужих мужей.

— И не работает, — подытожила тетя Лиля после очередного глотка кофе.

— Нет, — покачала головой Гуля, — года два назад ему дали пенсию по инвалидности. Он на нее и...э-э... раньше он работал...

— Значит, его кормишь ты, Гуля...

Гуля неопределенно пожала плечами. А что здесь такого?

— Работаешь у Расима, выступаешь... — тетя Лиля как будто говорила сама с собой.

Гуля вновь качнула головой, откусив большой кусок пиццы. Все-таки есть ей очень хотелось, впрочем, как и спать — ее любимое состояние. По ночам уже больше недели заснуть было трудно, и Гуля ворочалась на кровати, чуть не плача от мысли, что завтра рано вставать, а утром подняться будет практически невозможно.

Поцелуй Антона, как оказалось, имел отсроченное действие. Чем больше времени проходило, тем больше Гуля жаждала его повторения. Вспоминала, смакуя этот момент, уговаривая себя, что это «просто так, потому что давно с парнями не встречалась».

Она несколько раз этой ночью вставала, открывала окно и смотрела на яркие звезды — их на окраине города на небе было видно много, и почти все- крупные и низкие. Присаживалась на деревянный подоконник, смотрела вверх и улыбалась.

Гуля не размышляла больше, что чувствовал Антон, когда целовал ее, и что думает теперь. Зачем? Ушедший в историю эпизод, глупое, хотя и удачное шоу для сбора денег. Пускай. У Гули останутся воспоминания о поцелуе, который затмил все на свете. Случится ли в ее жизни еще раз подобный — отключивший разум, обжегший сердце — или нет, но

память о нем останется, и...и...

Короче, Гулю тогда, ночью, тянуло на лирику. В ярком свете дня же, сидя напротив тети Лиля, она ясно понимала: все фигня, и толку нет от ее страданий. Надо стремиться, зарабатывать деньги, чтобы быть как тетя Лиля: в свои сорок — почти ни одной морщиночки! И одежда клевая! Она ни от кого не зависит!

Ой. Кроме дяди Расима.

А Гуля сделает так, что ни от какого мужика зависеть не будет. Да!

— Устаешь? От своих танцев, выступлений? Знаю, что это хорошие деньги, но я сама танцевала в детстве в татарском коллективе, и помню, сколько мы репетировали...

Гуля чуть было не выругалась вслух. И дядя Расим, и она — одно и то же! Почему все уверены, что можно беспечно лезть в Гулину жизнь? Ей и сложно, и устает — никто не спорит! Но знала бы тетя

Лиля, как счастлива Гуля, когда танцует с огнем! Они не поймут ее, они же не танцевали... Да и есть люди, которые, сколько не практикуются, все равно огня боятся. К Гуле в коллектив приходила такая девочка. Все прекрасно, пятьдесят раз уже выступала, и все равно на нее находил ступор, когда в руки попадал горящий реквизит.

Огонь надо любить — и очень уважительно с ним обращаться.

— Мне нормально, — уклончиво произнесла Гуля.

Тетя Лиля странно посмотрела на нее. Взяла чайную ложечку, зачем-то начала помешивать свой эспрессо...

— А как же мальчики, Гуля? Да, я все понимаю: выступления кружат голову, и после них так здорово, а уж с огнем! Но...о своей жизни тоже надо подумать. Тебе двадцать три уже, так? Взросленькая девушка...

Гуля чуть не поперхнулась. Сразу отхлебнула большой глоток кофе.

Спросить «А вам какое дело, тетя Лиля?» Гуля смогла бы в любом другом случае, а сейчас медлила. Она умела быть грубой, но ненароком обидеть человека, который еще ее маму знал, которому больше лет, чем тебе? Мама Гулю никогда не учила быть невоспитанной, и отец — тоже.

Кроме того, это ее начальница, а работа, хоть не слишком высокооплачиваемая, приносит Гуле стабильность и мало-мальскую уверенность, что если не будет заказов, все равно без денег не останется.

— Я думаю, скоро найду, тетя Лиля, — вежливо отозвалась Гуля.

— Хорошо... Это хорошо, Гуля, — ложечка, которую тетя Лиля держала, погрузив в кофейную жижу, дрожала. Тетя Лиля смотрела на ее дрожание. Обратила на него внимание и Гуля.

«Да елки-палки, говорите уже!»

— Тетя Лиля, вы мне что-то сказать хотите? — наконец-то решила она, холодея от предчувствия неизвестной ей, внезапно постигшей тетю Лилю беды. Заболел или — не приведи Аллах! — умер кто-то? Бо-оже... С дядей Расимом...

Гуля покрылась испариной. Вот почему приехала она, а не дядя Расим...

— Мы можем поговорить серьезно? — огромные карие глаза с великолепными наращенными ресницами с некоторой долей холода и суровости смотрели на Гулю. Та сглотнула.

— Да, тетя Лиль...

— Называешь меня тетей...ну что ж, это неудивительно... — невесело усмехнулась тетя

Лиля, — знаешь, Гуля... Вот найдешь ты парня, проживешь с ним... большое количество времени... детей родишь и вырастишь... Может, ты поймешь меня тогда.

Гулю приморозило к стулу. Она хотела что-то спросить — не получилось. В груди словно камень образовался. А тетя Лиля продолжала. Неспешно так, вдумчиво, будто не кофе — водки хлебнула, и теперь делится с Гулей самым сокровенным.

— Случилось у меня несчастье со здоровьем, Гуленька. Тяжело об этом говорить, не буду. Теперь я должна себе во многом отказывать, в очень многом...

Гуля пошевелилась. Как тетю Лилю жалко, может, спросить, чем помочь...

— Я хочу попросить у тебя помощи, — тетя Лиля будто мысли Гулины прочитала, — Ты — замечательная девушка, я знала твою маму, очень хороший человек. Ты не предашь и не сделаешь моей семье плохо...

— А что надо сделать, тетя Лиля? — участливо сказала Гуля.

— Я сейчас скажу вещь, которая, может, шокирует тебя. Обещай, что выслушаешь все до конца, и только потом ответишь, хорошо? — узкая кисть тети Лили накрыла небольшую ладонку Гули: та готовилась поднести чашку к губам, да так и замерла.

— Конечно...

— Я прошу... ах, это не я, ну... Гуля, тебе нравится мой Расим?

Гулины глаза стали огромными.

— Н-нет, тетя Лиль, вы что!

— Гуля, а если я попрошу тебя... попрошу стать его любовницей?

Гуля лишилась дара речи.

— Он ищет себе любовницу, Гуля, — с болью прошептала тетя Лиля, и слезы выступили на ее глазах, — любовница — это вопрос времени. Я... я не могу... ладно, понятно, о чем я. Он добрый, заботливый, но он — мужчина. Ему нужно с кем-то спать. Я слышала, он тебя на днях подвез до дома, к отцу, говорит, сходить хочет, проведать... Это все не случайно.

Гуля, застыв на стуле, не моргая глядела на тетю Лилю.

— Я подозреваю, ты давно ему нравишься. Но Расим — это Расим. Он не сделает первого шага никогда, тем более ты такая молоденькая... Его должна сделать ты.

Гуля молчала, пристально смотря на дрожащую чашку, которую тетя Лиля поднесла к губам.

— Понимаешь, я хочу найти ему приличную девушку... Которая не разрушит наш брак, не уведет из семьи. Расим — хороший, но... но ты еще научишься не доверять ни одной женщине. Гуля! Я пришла договориться с тобой, чтобы его любовницей стала ты, а не кто-то еще. Я нашла в его сотовом насколько смс... Он уже общается с двумя девушками. Их я не знаю, Гуля. Не знаю, кто они, где, чем занимаются... какие планы строят на моего мужа. Пойми меня...

— Я не...

— Он снимет тебе квартиру, осыпет подарками... Тебе не нужно будет здесь работать, Гуля! Хочешь — выступай, Расим поворчит, конечно, но с огнем — разрешит. Будешь ходить в фитнес, по спа-салонам... Сколько это продлится? Год, два... После расставания у тебя будет небольшое состояние — я об этом позабочусь. Я за два года поправлю здоровье, и мы с Расимом сможем опять быть вместе, а ты — заработаешь хорошую сумму. И не будешь одна бороться с пьянством отца, будешь жить отдельно от него, сохранишь здоровье и нервы...

Гуля чувствовала себя, будто попала в какой-то сахарный фильм, с безумными страстями и событиями.

Одно дело — помочь Аишке с ее глупым поцелуем во имя добра, и совсем другое — здесь. Гуля представила, как ее раздевает дядя Расим, как целует обнаженное тело. Сразу же сделалось дурно.

Здесь, если поможет, она поломает свою жизнь. Просто — поломает, чего бы там тетя Лиля не говорила про то, что Гуля позже, когда дяде Расиму она надоест, выйдет замуж за хорошего парня.

Вдруг ей суждено встретиться с ним завтра, а сегодня она пожалеет тетю Лилю и, наплевав на все то, чему ее учили родители, станет любовницей богатого мужика? А как же Антон? Что он скажет, если узнает? Усмехнется презрительно, пройдет, не замечая, мимо?

— Я не благотворительный фонд, тетя Лиля, — отрезала Гуля, не обращая внимание на грубость тона, — извините, я таким не занимаюсь.

Рушились связи с мамиными работодателями, которых столько лет Гуля считала благодетелями и хорошими людьми. Они и правда хорошие. Для себя. Да, они платили маме приличную зарплату, но и мама столько лет работала на них, столько было у нее сверхурочных, отказаться от которых было нельзя! Она приходила домой и сразу засыпала, оставляя Гулю с больной бабушкой...

— Я была уверена, что ты так скажешь, Гуля. Почему я говорю, что ты — хорошая девушка. Но послушай меня...

— Это вы меня послушайте, — перебила со злостью тетю Лилю Гуля. Ей уже не казалось, что эта женщина добра к ней и величественно прекрасна. Она была той, кто всего добивается за счет других. Может, какая-то девушка согласилась на это предложение сытости и благополучия, но — не Гуля. Пусть она от нехватки денег будет есть крапиву и лебеду — ей рассказывала об этом бабушка, делясь воспоминаниями о Великой Отечественной войне — но не ляжет под богатенького чужого мужа.

— Я не буду этого делать. Потому, что у меня есть мальчик, который мне нравится...

— Гуля, это несерьезно, — махнула рукой тетя Лиля, — мальчики, парни... Разве они предлагают тебе брак или серьезные отношения? Разве говорят о том, что будут тебя содержать, холить и лелеять? А здесь это будет. Плюс — хорошее отношение. Расима. И мое...

«Жена находит мужу любовницу и помогает ей. Зашибись!»

— У меня есть мальчик, который мне нравится, — с нажимом повторила Гуля. «Бесполезно этой стерве втолковывать, что я не хочу быть любовницей. Я хочу нормальных отношений, со свадьбой и детьми! А у нее на уме — только деньги и как бы кто не разрушил ее брак!»

Гуля одновременно злилась — и понимала тетю Лилю. Если бы не болезнь, разве она потерпела бы любовницу? И она думает сейчас не только о себе, но и о своей семье.

— Гуля, подожди еще немного...

— Спасибо за обед, тетя Лиля, — вставая из-за стола, произнесла Гуля, проигнорировав просьбу, — и за предложение. И за доверие. За все. Я не соглашусь на ваше предложение в любом случае. Извините!

— Гуля! Я могу тебя попросить? Не говори ничего Расиму о нашем с тобой разговоре. Ничего. Забыли?

— Забыли, — эхом ответила Гуля, выходя из пиццерии.

Она уже знала, что сегодня вечером, лишь закончится ее смена, она позвонит дяде Расиму и сообщит ему, что уходит. И что не надо ей больше никаких денег от него и добрых

чаяний. С завтрашнего дня она безработная.

«Уволишься тут! Как же!»

Гуля сидела на корточках под своим забором, разглядывая бампер машины дяди Расима. Приехал к ней домой, чтобы узнать подробности странного волеизъявления работницы. Гуля чуть погорячилась с отмазкой и словами, что «денег не нужно». И про отца не стоило говорить ни слова, что Гуля теперь как будто лечит его дома. Кто ж знал-то, что дядя Расим задумает проверить ее историю самостоятельно...

Гуля после рабочего дня насиделась в сквере: домой расстроенной идти не хотелось. Планировала поесть, помыться и отдохнуть, а тут — оп! — дяди Расима машина стоит, и он с батяней за столом разговаривает на кухне (Гуля подглядела остороженько, чуть приоткрыв калитку).

Они выпивали вместе.

Вот так- так! Пришел, значит, умный татарин дядя Расим уму-разуму учить, а закончилось все обычной русской пьянкой! Пойми теперь, кто тебе благодетель!

Идти домой теперь не было желания.

А ведь дядя Расим ждет ее, Гулю!

О, черт... О, шайтан...

Гуля заседала под забором уже полчаса. Еще немного, и на улице появится или тетя Камилла, или тетя Рая, или еще кто-то из соседей. Сразу будут возгласы: «Гуля, почему ты под забором сидишь! Что, пьяница твой выгнал? Давай в полицию позвоним!». Их услышит дядя Расим, выйдет на крыльцо, дойдет до калитки...

Нет уж. Хватит сегодня с нее тети Лили. Когда вспоминала ее слова, становилось не по себе.

Как же она раньше не замечала! Он отказывался штрафовать ее, выписывал частенько премии. Все эти подвозы до дома и душевные разговоры. А Гуля считала, что это из-за уважения к памяти мамы и просто из-за человеколюбия.

Человеколюбия, да уж! Жена больна, а он ударился в поиски любовницы!

И тетя Лиля хороша, чего уж говорить... Стала бы она предлагать такое чистокровной татарке из полной семьи? Интересный вопрос.

Гуля тоскливо посмотрела вокруг. Вечереет. Сколько дядя Расим еще просидит, прежде чем уедет восвояси? Кошма-ар...

Сидеть под забором Гуле надоело. По выкрикам отца поняла, что тот порядком наклюкался. Еще немного, и будет обзывать Гулю разной нецензурщиной.

Ну сколько уже можно...

И Гуля в сердцах направилась обратно в сквер. Жалко Пушу: отец даже не подумает покормить кота. Гуля кормила его лишь утром.

Но сколько можно!!! Только не хватало ругательств отца. С работы уволилась, узнала неприглядную тайну, да еще батя под градусом выше положенного.

Гуля решила сегодня переночевать где-нибудь в гостях. Соседи и Марат отметились сразу же: первые раздуют скандал, а у второго — ревнивая жена и маленький ребенок. К старым знакомым Гуля решила не сваливаться как снег на голову. Оставалась Юлька.

Они иногда ночевали друг у друга, и Юльке несложно приютить ее на ночь. Родители летом у нее жили на даче, и та, скорее всего, одна дома.

Гуля открыла сумку и заглянула в кошелек. Да, так она и думала: денег не хватит на гостиницу. Все сбережения у Гули в банке, кое-что припрятано дома, но попасть туда невозможно: дорожка от калитки до двери прекрасно просматривается из окна. Лезть через забор с другой стороны, от соседей тоже не выход: враз посыпятся ненужные вопросы.

Да и не хотелось заходить в дом. Дядя Расим сидел в нем, и дом вдруг стал враждебным Гуле и чужим.

Она пошла к остановке. Увидев приближающуюся маршрутку, побежала еще быстрее. Водитель остановил автобус около Гули и, невзирая на отсутствие остановки, открыл ей дверь.

— Спасибо! — крикнула Гуля, протягивая деньги.

Вытащила сотовый, нашла нужный номер.

— Юльчик, можно у тебя сегодня переночевать? Надо-надо!

— Гуль! — услышала в трубке раскаивающийся голос, — Я на даче с родителями. Они меня затащили полоть траву! Завтра приеду.

— Да? Ну ладно...

— Гуля, зайди переночевать у моих дедушки с бабушкой! Они живут в соседнем доме, помнишь, мы к ним заходили? Я сейчас позвоню им... Они пустят без вопросов, постелят на кухне...

— Я..я подумаю. Может, гостиницу найду. Ты позвони, но предупреди, что Гуля, может, и не придет.

— Окей, Гуль! Все так плохо?

— Да нет... местами фигово, а так — ничего...

— Гуль, ты переночуй у дедушки с бабушкой...

— Не переживай. Найду себе место. Пока!

— Я завтра приеду с дачи, приходи! Пока...

Автобус вез Гулю в центр.

Когда она приехала, уже полностью стемнело. Гуля вышла на остановке, находящейся недалеко от дома Юльки. Постояла недолго, размышляя, потом присела тут же на скамейку.

Что она не будет мешать бабушке и дедушке Юльки, она поняла, как закончила разговор с Юлей, пусть сюда и приехала. Какими бы гостеприимными они ни были, Гуле неудобно. Ну как это — спать у чужих ей людей на кухне!

Можно пойти в ночной клуб и там перекантоваться. Хотя Гуле вовсе не хотелось танцевать: настроение не то. Да и вечно кто-нибудь подсядет, если ты отсиживаешься в сторонке. А раз танцуешь, так еще хуже: подходят сзади, норовя полапать, или же откровенно лапают. Еще чего не хватало!

Ночной клуб отпадал. Куда же, куда...

«Я даже тебя жильем обеспечу». Недалеко отсюда — танцевальный центр Антона.

Н-да...

Очень хотелось его снова увидеть. Но Гуля и этот выход отмела сразу. Ага, конечно! Не будет просить она ничего у Антона, пусть он и ночами ей снится! Никогда!

Оставалось пересидеть эту ночь где-нибудь в чужом подъезде — или вернуться домой. Или в клуб. Утром папашка будет спать без задних ног, и это продолжится до вечера. Кроме того, он будет страдать диким похмельем, а значит будет тише воды.

Гуля послала смс отцу, звонить не стала. Ничего, дядя Расим ему прочитает. Позвонила тете Камилле и сообщила, что останется у подружки, попросив, чтобы они за домом

присмотрели. Такому тетя Камилла не удивилась: у них была негласная договоренность с ней о присмотре за отцовым домом и самым отцом. Соседи ведь, через забор все слышно...

Гуля еще посидела на остановке. Людей было мало, темнота начинала пугать и так нервничающую Гулю. От безысходности она чуть не разревелась, но быстро взяла себя в руки. «Куда податься» у нее есть. Пусть и не великолепные места для того, чтобы переночевать, но все не безнадежно.

А что такого? У Антона же есть своя квартира! Ему ничего не стоит для нее открыть танцевальную студию, он больше не ночует там! Она никому не помешает...

Еще десять минут под фонарем на остановке, и смирившаяся Гуля вытаскивала телефон. Найдя номер Антона, нажала на кнопку вызова.

Трубку он не взял.

Гуля постановила: если через пятнадцать минут повторно не возьмет, она идет в ближайший отсюда ночной клуб «Электро». Там и найдет уголок, где сможет приткнуться и подремать. Конечно, одета Гуля не для ночного клуба, но клуб этот — молодежный, студенческий. В нем не очень смотрят на одежду, да и Гуля одета пусть не для клуба, а для торгового центра, но прилично. Сойдет за наивную девушку, еще не знающую, как надо в клубы одеваться.

Через пятнадцать минут она услышала те же длинные гудки.

Гуля, вздохнув с облегчением («Хорошо, что так. В клуб — это никого не напрягать своими просьбами, там более Антошку. Не очень-то и хотелось к нему проситься!»), вытащила зеркальце и расческу. Косясь на прохожих, быстро причесалась. Хотела было подкрасить губы, но бросила эту затею: мало ли, что о ней подумают.

После встала и быстрым шагом направилась к ночному клубу: он, как и танцевальный центр Антона, находился недалеко.

Потратив приличную сумму из своего денежного запаса на входной билет, Гуля нашла местечко в танцевальном зале, где музыка не так била в уши: как можно дальше от колонок, в мягкой зоне. Ее никто не погнал с крайнего диванчика, стоящего за небольшой колонной. Девушка-официантка было хотела что-то сказать, но, посмотрев на утомленное и замкнутое лицо Гули, предпочла тактично пройти мимо.

Гуля устроилась поудобнее на диване, радуясь, что в мягкой зоне совсем нет народа: все были на танцполе. Дергались, извивались, гладили себя по телу девушки, а парни то и дело прижимались к ним, и пары начинали исполнять танцы, находящиеся где-то на грани допустимого и разврата.

Гуля была на этом празднике веселья посторонней, гостьей. Подумать только, месяца два назад она была здесь с Ирой и Юлькой! Они изредка посещали этот клуб. Приходили не знакомиться — танцевать, отшивая парней равнодушием, а если не получалось — холодным и вежливым «нет». Контингент здесь был простой, и слово «нет» хорошо понимал. Не хочешь — не надо. Есть другие.

С Гулиного места танцпол просматривался не то, чтобы сильно — слегка. Но кое-что было видно. Скакала толпа в центре танцпола. В каком-то нездешнем экстазе извивались несколько девушек в коротких мини. Чуть двигался паренек в темной рубашке.

Гуля обратила внимание на компанию высоких мужественных парней. Обтягивающие майки не скрывали развитых мускулов, крепких торсов. Поглядела в их лица (с дивана пришлось встать) и глазам своим не поверила: пареньки Антона в количестве пяти штук! Основной состав и кое-кто из второго состава, надо полагать. Будний день, но они скорее

придут сюда в будни, чем после выступлений на выходных. Хотя, кто знает, сколько драйва они чувствуют после выступления. И не выступали ли они сегодня тоже: Антошкин коллектив был не только в выходные завален заказами.

И нет ли среди них Антона...

Гуля задышала чаще: вот незадача. Еще звонила ему, дуреха. Зачем звонила, спрашивается? Сидишь себе в клубе, с диванчика не гонят, никто не докучает...

Понаблюдав еще немного, Гуля выяснила: Антона здесь нет. Стало легче, но почему-то и немного грустно. Она прикрыла глаза, приказав себе забыть о тупой ноющей боли, что сковала голову.

Гуля уже жалела, что оказалась здесь. Не стоило писать отцу, что она переночует у знакомых: нужно было все-таки дождаться, когда дядя Расим покинет дом. Он же должен был когда-нибудь уехать, у него жена, блин, дети...

Музыка била по ушам, и народ довольно кричал. Гуля не разделяла восторгов танцующей толпы. Съездившись — в зале работал кондиционер, и потоки воздуха были прохладными — она закрыла глаза и попыталась отключиться.

— Девушка, мы тут присядем? Девушка — а... — кричал ей в ухо кто-то.

Гуля открыла глаза не с первого раза. Она уже почти заснула, и грохочущая музыка уже не особенно мешала ей.

— Эй, а это же...блин, девчонка, с Антоном целовалась! Ну, «Леди-фаер»! Ден помнишь? Анто-он!

От таких слов Гуля чуть не подскочила на диване. Сердце забилось чаще, испарина покрыла лицо: к ним подходил Антон. В такой же обтягивающей майке и джинсах, как у своих парней.

— Гуля? Привет! Устала танцевать? Да ладно! А сколько времени? — холодный пот прошиб Гулю, когда она увидела, что Антон вытаскивает сотовый из кармана. Он не видел ее звонков...

Многозначительно подняв брови, Антон некоторое время смотрел на светящийся экранчик. Пара нажатиев на экран...

— Ребята, мы с Гулей на пару слов, — Антон взял Гулю за руку, — Пойдем?

Гуля не смогла отказаться: и слова-то произнести никакого не смогла.

Держась за руки (вернее, за руку ее держал Антон, а Гуля покорно шла за ним, еще не страхнув с себя оцепенение), прошли через танцующую толпу.

Антон открыл дверь, и они оказались в просторном коридоре. Музыка здесь почти не было слышно. Гуля блаженно потерла виски.

— Гуль, в чем дело? Ты что-то не пляшешь, не нарядная и у меня два пропущенных от тебя. Дома сильные проблемы?

— Ну. Есть немного, — а чего скрывать от Тоши, если он однажды чуть не схлопотал от папки бутылкой?

— И тебе негде переночевать.

— Типа того, — отворачиваясь, пробормотала сквозь зубы Гуля, — я даже тебе звонила, видишь? А потом вспомнила, что в ночном клубе можно пересидеть до утра. И решила никого не напрягать своими просьбами о пристанище. Так что пойду я на диванчик...

— Стой, — Антон вновь схватил Гулю за руку. Сильная ладонь Тошки сжала будто в тисках ее пальцы, — поехали, у меня в танцевальном центре переночуешь. Там тихо — и есть чайник. А я тебя отвезу и вернусь к своим.

Когда Гуля услышала про чайник, у нее чуть в глазах не потемнело. Есть очень хотелось, естественно. Она даже раздумывала, а не купить ли ей здесь чипсов или еще какой ерунды, но цены кусались, и Гуля все-таки отказалась от этой затеи.

Пусть принимать помощь от Антона Гуля не горела желанием, еще, кроме голода, голова нещадно ныла от шума. Тем более, он уедет сразу же...

— Ну... хорошо.

— Поехали, — Антон потянул ее за собой к выходу.

— А твои друзья? — Поймут. Тем более, я же ненадолго.

Гуля с некоторой долей опаски зашла за Антоном в пустой и неосвещенный танцевальный центр. Щелкнул выключатель, раздевалка озарилась светом, только волнение Гули никуда не делось.

— Сейчас покажу, где что лежит. Я съехал отсюда месяца два назад, но иногда все-таки остаюсь ночевать. По привычке больше. Я ж здесь, считай, пять лет жил... Где работал, тут же и жил..

Гуля помнила.

Антон прошел дальше, в танцевальный зал, включил там свет. Обернулся на пороге — высокий, широкоплечий, спросил участливо:

— Ты так и будешь стоять там? Раздевалочные скамейки не предназначены, чтобы на них спали...

«Меня бы даже это устроило. Что угодно. Лишь бы была одна и без шума», — подумала Гуля. Постояв в раздевалке, нехотя шагнула в танцевальный зал.

Антон в нем уже не было, зато была открыта дверь в тренерскую. Гуля подошла к зеркалам, занимавшим одну из стен — обычный интерьер танцевальных залов. Посмотрела на себя. Глаза красные, лицо уставшее и осунувшееся. Косметика, которой она красилась утром, исчезла: Гуля немного поплакала в сквере, а после вытерла лицо влажными салфетками.

— А! Ну, как всегда! Если женщина подошла к зеркалу, ее камазом не оттащишь! Мои девчонки постоянно смотрятся, когда репетируем. Вроде бы танцуют не первый год, и знают, что красивые, а все равно! Ору на них, воспитываю — без толку, — прозвучал насмешливый голос Антона.

Сконфузившаяся Гуля отошла от зеркала.

— Заходи, — широким жестом Антон пригласил ее в тренерскую. Гуля зашла туда и с интересом огляделась: вот где прожил Антон пять лет, его дом...

Она надеялась увидеть здесь что-нибудь необычное, показывающее характер и пристрастия хозяина, но здесь не было ровным счетом ничего примечательного. Комната была поделена гипсокартонной стеной на две части.

Там, куда зашла Гуля, стоял большой стол с микроволновкой и электрическим чайником, два шкафчика, еще один маленький столик и несколько стульев — для переодевания инструкторов.

Антон же открыл деревянную дверь в гипсокартонной стене.

— Здесь диван, — сказал он и шагнул внутрь. Гуля зайти не осмелилась, заглянула во вторую часть комнаты с порога. Диван, шкаф-купе и компьютерный стол. Окно занавешено тяжелыми шторами.

Антон отодвинул дверцу шкафа.

— Гель для душа, полотенца... Душ в раздевалке, если что. Есть одеяло и постельное белье. Чистое почти. Предупреждаю сразу: я здесь один раз ночевал, пользовался. Бери — или не бери, смотри сама.

— Разберусь, — нетерпеливо перебила Антона Гуля.

Ей хотелось выйти поскорее отсюда, чтобы не находиться с Антоном один на один в такой тесной комнате.

И повод появился: мелодичный звонок его сотового.

Гуля вышла из тренерской: разговоры Антона подслушивать не желала.

Но дверь она не закрыла, и волей-неволей стала свидетельницей разговора.

— Вы уже ушли? А почему меня не подождали? — ни капли сожаления. Вдруг голос Антона изменился, став жестким и властным. Гуля даже онемела, стоя в танцевальном зале, — Скажи Дену, чтобы он не трахал сегодня свою новую подружку! Он завтра трюки с огнем делает, мне не надо несчастных случаев от того, что слишком бурно провел ночь! Дай мне его... Ден! Скажи сразу, будешь ты заниматься сексом сегодня или нет? Если да, я поставлю на твое место Илью! Завтра делай с ней что угодно, и не один раз. Сегодня — табу! Хорошо... Покеда...

Тоша стал другим. Такого резкого и холодного тона, отрывистых фраз, Гуля не слышала от него никогда. Конечно, пять лет назад что-то похожее проскальзывало в его голосе на тренировках, но тогда он был одним из рядовых фаерщиков в Женькином коллективе. Теперь коллектив у него свой. Здесь он начальник, жесткий руководитель.

Крамольный вопрос закрался в голову: а в постели Антон тоже такой? Принуждающий к подчинению?

Ее бросило в жар, а потом тысячи острых иголок словно впились в тело. Гуля затрясла головой, размеренно подышала. Отлегло.

Она специально закашлялась так, что слезы на глазах выступили. Ненормальная... Не сидится тебе дома, бегаешь по ночным клубам, вот и мысли дурацкие лезут в голову!

Антон вышел из тренерской, неся в руках чайник. И, вопреки всей неоднозначности ситуации, не поддеть его Гуля не могла: так она хотела отвлечься от провокационных мыслей и выяснить, что же за отношения у них в коллективе.

— Круто! — Гуля сделала большие глаза, — Нет, не могу молчать! Я просто чуть не упала, Антон, нечаянно услышав, что ты лезешь в личную жизнь своих артистов!

Антон остановился, нахмурился. Несколько секунд он молчал, видимо, вспоминая, что же такого не понравилось в его разговоре Гуле.

— А-а! Ты про секс? Да, в моем коллективе есть правило: никакого секса перед выступлением, если твоя роль в нем достаточно серьезна и есть сложные моменты. Секс расслабляет мышцы...и в принципе расслабляет. Мне не надо несчастных случаев на площадке. Ты же сама знаешь, Гуля, что это такое, если у тебя дрогнет рука или будет расслабленное не вовремя тело. Остальных ребят я не прошу об этом, но, я знаю, некоторые тоже соблюдают мое правило. Это как-то дисциплинирует тело, что ли... Раньше, когда танцевал в профессиональном коллективе, нам тоже говорили об этом. И правило работало!

— Ясно, — процедила Гуля, — а если они не послушают тебя?

— Это уже их проблемы. Я на самом деле не лезу никуда. Не послушали — их ответственность. Мое дело предупредить. Если человек много косячит — я отправляю его во второй и третий состав, которые выступают меньше. Меньше выступлений — меньше денег. Когда речь идет о деньгах, информация доходит до народа на раз-два.

Все оказалось так просто! И логичная мысль пришла в ей голову: если у Антона много работы и он исполняет сложные трюки, значит...

— Ой, Антон! Бедняга! Это правило для тебя же тоже действует? Вот кошма-ар!

Гуля пожалела, что не захватила из дома скотч. После последнего вопроса не мешало бы им рот себе заклеить.

Антон, так и держа в руках чайник, расхохотался.

— Какая Гульмира заботливая! — выдохнул он, отсмеявшись, — все у меня в порядке.

Чем больше копится, тем дольше фейерверк...

Гуля почувствовала, что краснеет и улыбается неестественно и по-дурацки.

— Я..я сама бы налила, — указала на чайник, сиюсь всеми силами переменить тему разговора. Антон пожалел ее, не стал заострять внимание на прошлых словах Гули:

— Отдыхай... Парни из клуба ушли, я никуда не тороплюсь. Давай с тобой чаю попьем, как в старые добрые времена, и — по домам. То есть я домой поеду...

— Согласна. Только здесь, не там... В зале вы чай пьете? — Гуля после всяких «фейерверков» и мыслей не по делу отказала себе в возможности вернуться в тренерскую. Слишком близко будут они сидеть, и в Гулины планы не входило невзначай касаться крепкого тела Антона.

А ей так нужен был сейчас человек, с которым она бы смогла поговорить! Нет, не о папе и дяде Расиме. Просто — поговорить, чтобы не чувствовать своего полнейшего одиночества и брошенности.

— Конечно! Бери коврики для йоги, вон они, в углу, расстилай! Сейчас все принесу. Есть печенье и пряники...

Антон вернулся с наполненным водой чайником. Зайдя в тренерскую и включив его, вышел оттуда с несколькими коробками и пакетами.

— Запасы для парней, — пояснил он заинтересовавшейся Гуле, кладя все на один из ковриков, которые она успела расстелить около стены, — для девчонок держу шоколадки. Осталась одна, остальной запас они почистили. Не могут без сладкого...

Гуля ждала Антона, сидя на розовом коврике, который постелила с одной стороны от коврика с продуктами. Другую сторону отвела для Антона. Но сидеть на полу получалось в какой-то мере более близко, чем за столом. Гуля отодвинула коврик Антона на приличное расстояние. Вот так — в самый раз.

Скоро тот принес из тренерской кружки, чай, и, наконец, вскипевший чайник.

— И все-таки самый лучший чай был в сквере около твоего дома, когда мы тренировались с пяти вечера, помнишь? Женек заваривал травки собственного сбора... До сих пор вспоминаю... — Антон поставил чайник на линолеум и уселся на коврик по-турецки.

Гуля еле-еле кивнула, рассматривая мышцы на обнаженных руках Антона. Как здорово, что у них было общее прошлое. Хоть что-то общее.

Ей было не по себе: столько лет относиться к Антону с завистью и злостью, а теперь запросто распивать чай у него в танцевальном зале. И он ведь не отказал ей в помощи, в то время как отец и дядя Расим... Топка — посторонний человек, а они... О чем они там договорились?

Гуля опустила голову вниз, как делала всегда, чтобы скрыть свои чувства, слишком явно проявляющиеся на лице. Взяла два пакетика, разложила по чашкам. Подхватив чайник, залила их кипятком. Только бы он не сказал лишнего, не начал жалеть ее, от чего у Гули польются слезы ручьем. Длинный нервный день, такой же вечер, почти половина бессонной и шумной ночи, чай рядом с Антоном. Ей надо было бы давно пойти спать, но сонливости не было. Ее сменило внутреннее напряжение: Гуля чувствовала себя натянутой струной, еще миллиметр — и порвется.

«Я сильная, сильная... Я не могу быть сильной! Не могу, идите вы все лесом!»

— Гуля? — и этих ноток в голосе Антона, удивительно нежных и ласковых, она тоже ни

разу не слышала.

Здесь уже не выдержала. Шмыгнула носом, подняла голову вверх: если ее запрокинуть посильнее, слезы не польются, а посидев так с минутку, плакать расхочется.

Смотрела в потолок, смаргивала слезы.

— Ладно, все нормально. Извини, — вернувшись в нормальное положение, сразу же схватила кружку и сделала большой глоток. Кипяток обжег губы и рот, но Гуле было все равно. Боль, как и запрокинутая голова, помогла остановить слезы.

Антон больше не говорил ничего, лишь внимательно смотрел на нее своими голубыми глазами.

Гуля тоже молчала, глядя на противоположную стену.

— Какой ремонт у тебя здесь хороший. И зеркала, и линолеум... Супер! — она была готова говорить о чем угодно, пусть и немного дрожащим голосом, лишь бы не думать, что сейчас чуть не расплакалась перед Антоном. Из последних сил выдавливая из себя слова, продолжала расхваливать обстановку, — и в раздевалке микроволновка с чайником — класс! Хотя я не представляю, как это, когда ты живешь на работе. За дверью постоянно чужие люди — полно чужих людей!

— Привыкаешь ко всему, — Антон мудро сделал вид, что ничего не видит, — ко всему... А когда совсем надоедало, я уходил из центра в пять, возвращался к концу занятий... У меня же администратор здесь еще, отмечает присутствующих, собирает деньги, продает абонементы, и танцевальный центр под присмотром. А если стояли мои тренировки, то вообще отлично: шагнул в другую комнату — и уже на работе!

— Ага, здорово, — Гуля вспомнила о своих изматывающих утренних и вечерних поездках до «Мая» и обратно. Молодец, что уволилась! Она проживет и без денег дяди Расима отлично! Уж чего-нибудь да найдет. Конечно, надо у него забрать трудовую, но Гуля была готова завести трудовую книжку с нуля, лишь бы больше с этой семейкой не связываться.

— И квартиру ты, говорят, Антон, купил?

— Правду говорят. Недавно в ней ремонт закончился, и я переехал. Живу теперь, как человек. Я к этому долго шел. Пять лет, считай... Танцевальный центр приносил доход, плюс огонь. И огонь даже больше иногда. Сложные программы, постоянные тренировки... Чтобы удивить, нужна необычная задумка и идеальное исполнение, сама знаешь. Сначала раскручивал свой коллектив здесь, потом стал немного известен по другим городам. На машинах туда ездили. Несколько раз олигархи за нами даже самолет присылали, представляешь? Московские. Мои все перетряслись, когда летели выступать. Но за всем этим — кровь и пот. Моя, парней, девчонок.

Гуля, затаив дыхание и позабыв о слезах, слушала Антона. Он говорил спокойно и немного отстраненно, без хвастовства и высокомерия. Просто делая выводы, как шел к славе.

Гулю этот рассказ очень интересовал.

— А уж наши постоянные ругачки! Вернее — мои. Я же могу и обидно выразиться, и поругаться, и продлить репетицию намного дольше, чем договаривались. Не каждый это примет. Некоторые ушли. Но оставшиеся — это костяк коллектива. Они теперь профессионалы, на них я всегда могу положиться.

— Я бы не была такой уверенной... — с сомнением протянула Гуля.

Антон открыл коробку с печеньем:

— Угощайся, Гуль. У меня был похожий на твой с Ирой случай. Мальчик с девочкой

уши из моего коллектива, когда сочли, что всему научились, и основали свой. «Феар дрим», слышала?

Гуля, потянувшаяся за печеньем, (аппетит к ней чудесным образом вернулся) кивнула.

— Говорят, неплохие ребята.

— Еще бы. Мои бывшие ребята! Паренька я планировал ставить вместо себя на некоторых выходах, девчонка послабее, но на площадке из-за внешности неплохо смотрится... И что мне теперь, рыдать горькими слезами или им мстить? Я постоянно усложняю номера, ищу новые идеи. Реквизит подбираю такой, чтобы был зрелищным, хорошие костюмы, горящий задник как декорация, трюки... Что люди уходят и пытаются открыть свое — это нормально. Ты растешь, растут конкуренты. Они нужны в первую очередь, чтобы не останавливаться на достигнутом. Быть впереди намного сложнее, чем догонять...

С последним утверждение Гуля была полностью согласна.

— Все говорят мне: какой ты, Антон, удачливый! — дернул плечами Антон, — А моя удача на девяносто процентов состоит из тренировок и необычных идей. И большой плюс — я пришел в феар с багажом знаний. Капоэйра, хореография, акробатика... Но и там — годы тренировок. Хотя этот багаж мне помог вырваться вперед. Спасибо папе с мамой, записали в детстве в несколько спортивных секций...

Гуля лопала уже третье печенье, даже не замечая его вкуса.

— И тебе... что научила феару, — сузил глаза Антон, и тут же улыбнулся.

Гуля махнула рукой, в которой держала печенье:

— Прямо я тебе так много помогла. Ты сам многому научился.

— Я старался, — улыбка у Антошки вышла хитрой, и Гуля залюбовалась резкими чертами лица и немного насмешливыми голубыми глазами. — Тем более, я торопился. Женька мне все уши прожужжал, что вы уедите...

— Кто уедет? Он, Пашка и Юлька? — уточнила Гуля, допивая чай. От ответа она чуть не поперхнулась:

— И ты тоже с ним. Я все ждал, но ты почему-то не уехала...

— Я? — Гуля даже рот открыла от удивления, — а почему я должна была уехать?

— Ты вообще, что ли, не планировала? Да ладно! — недоверчиво посмотрел на Гулю Антон, — Женек постоянно говорил, что ты согласна. Вы же спали с ним, ты была тогда его девушкой. Все объяснимо: куда он, туда и ты...

А вот это был удар под дых из прошлого. У Гули перехватило дыхание от таких слов. Она же просила Женьку, чтобы все осталось между ними! Конечно, Юлька с Пашкой тоже знали об их отношениях, но они закончились задолго до того, как Антон пришел в коллектив!

В то лето умерла мама, запил отец. Гуля постоянно плакала.

Тут появился Женька со своим смешным хвостиком, понимающими все на свете лучистыми карими глазами и мячиками на цепочках... Заботливый человек с экзотическими увлечениями: буддизм и вегетарианство. Увлечения его были такими же правильными и милыми, как и он сам. Но жизнь разметала их любовь в клочья: в душе у Женьки, кроме его увлечений, больше ничего не оказалось.

Для него, чуть ли не молящегося на все новое и экзотическое, за год отношений потерялось чувство новизны, и постель сошла на нет. А потом они договорились, что расстанутся, но Гуля останется в коллективе. Расставание получилось суховатым,

одобренным обеими сторонами.

Прошлая связь, правда, ее иногда напрягала: Женька, бывало, вспоминал, что они были слишком близки когда-то, и намекал Гуле о возобновлении отношений. Но Гуля не имела привычки входить в одну реку дважды, давно для себя уяснив, что с этим человеком у нее ничего не сложится. Кроме того, она немного повзрослела и погрубела, сжилась с потерей мамы и пьянкой отца, замкнувшись в себе. И стала упрямой и прямолинейной, когда дело касалось ее жизни, научившись думать о своем будущем самостоятельно. Ветренный, несерьезный и легко увлекающийся всем подряд Женька в него не вписывался.

— Я не знаю, что там себе напридумывал Женька, но я не думала уезжать отсюда. Я же не могу оставить батю! — Гуля не собиралась оправдываться и говорить Антону про отношения с Женьком. Взволнованная, она отложила печенье, поставила чашку на коврик. Эти слова совсем не соответствовали тому, что Гуля помнила о старом коллективе и Женьке.

— Женек тебе говорил, что мы встречаемся? — как можно более безразлично спросила Гуля. Ей не хотелось, чтобы Антон знал подробности ее отношений с парнями, но Антон же не мог это сейчас придумать! Значит, разговор между ним и Женькой действительно был. Когда? Когда угодно! Гуля редко, но опаздывала на тренировки, иногда парни собирались тренироваться без девчонок...

— Ну да. Постоянно, — пожал плечами Антон, — со стороны, конечно, это было не особенно видать, но, кажется, вы тогда шифровались... Я не узнавал: не имею привычки лезть в чужие отношения...

Гуля решила поразмыслить о Женьке и его лживых словах позже. Что-то было здесь не так, и Гуля не могла для себя определить, что.

— Зато легко лезешь в личные отношения своих артистов, — вновь сменила она тему разговора.

Антон хмыкнул, отправляя в рот печенье:

— А вот это — для дела. Люди предупреждены и согласны. Кастинг был, кстати, тоже для дела.

— Кто о чем, а Антон о наболевшем, — усмехнулась Гуля, и Антон — вместе с ней.

— Да. Я становлюсь большим энтузиастом, если какая-то идея приходит в голову. Но здесь, с танго, немного другое... Ты, наверно, поймешь меня, тем более у тебя отлично выходит... Устал я быть клоуном, развлекающим толпу. Хочется серьезных идей, глубины номеров. Чтобы трогало сердца, заставляло задуматься. Зачем тогда я учился? В академии говорили преподаватели, что мы должны посредством танца приобщать людей к прекрасному. Наш куратор, преподаватель джаз-модерна, твердил, что с помощью танца, кроме самовыражения, нужно ставить какие-то вопросы, показывать неоднозначные проблемы... Сюжетный танец, сама знаешь. Раскрывать свои эмоции, переживать их, а не только тупо улыбаться и демонстрировать трюки. Я работаю на драйве, Гуля. Да, мне клево, мне супер, клево и моим зрителям... но он ни к чему не ведет. Драйв ради драйва, ради денег... Огонь ради зрелища, максимум по идее — человек приручил огонь и теперь его не боится. А я мечтал, когда учился... затронуть душу... Блин, да, высокопарно, не спорю! Уже кое на что себе заработал — четыре года без передышки! Шоу, шоу... А сейчас могу немного подумать о великом.

Гуля заметила за собой, что улыбается. Неважно то, что произошло сегодня! Глупости, недоразумения! Главное — она сидит сейчас рядом с Антоном, и он делится с ней

сокровенным. Как когда-то давно...

— Я иногда такое танцую на корпоративах...осторожненько, и после всегда что-нибудь веселое, — сказала она.

— Да, видел. Ты о восточном танце своем? Класс. Завидовал тебе, сидя в сторонке. Это здорово, когда у тебя искренне получается давать разные эмоции. А я, кажется, со всеми своими трюками разучился...

Слова поразили Гулю. Как ей может завидовать Антон? Чему? Эмоции — они и в Африке эмоции...

— Ты? Антон, ты что?

— Ничего удивительного, — Антон подлил Гуле кипятка в кружку, — издержки производства. Я поставил на зрелище, на огонь... Знаю людей, которые работают с серьезными идеями. Но это должно быть к месту на праздниках, не напрягать зрителей! Ведь не всякий танец просмотрится на корпоративе, где люди хотят легкости и веселья. И зрелища. Но нужно расти не только вверх, но и в глубину. Я эти четыре года деградировал, сам чувствую. Слишком много шоу и огня, и мало танцев с внутренним содержанием. Так нельзя. Я даю много драйва, но это почти единственное, что могу дать зрителям. А снова вытаскивать эмоции из себя, как оказалось, сложно. Мой новый номер танго, например...

— Я так и знала, Тоша, что ты это мне скажешь! — расхохоталась Гуля, — только не говори, что место твоей партнерши до сих пор вакантное! В жизни не поверю!

Прищур голубых глаз, мимолетная улыбка, от которой у Гули екнуло сердце. Целеустремленный Антон идет к цели вопреки обстоятельствам...

— Допустим, не совсем вакантное. Твоя Ира — сильная в техническом плане девочка. Но она, как бы это сказать...принцесса. А я хочу попробовать станцевать с королевой.

Брови Гули поползли вверх. Вот почему Антон многого добился — он не умел отступать.

— Тебе сколько раз говорили, что ты упертый, как баран?

— Тысячи. Ты согласна? Мы разберем этот танец и станцуем его здесь. Не для выступления — для себя. Это будет интересно! Я включил в него новые крутки, которые ты вряд ли знаешь. И еще хочу попробовать пару фишек на взаимодействие, которые я побаиваюсь делать с Ирой. Ты выучишь постановку за пару занятий, там нечего делать! Подождем в сквере около твоего дома и пройдем с горящим реквизитом, как делали сто лет назад...

— Что потом?

— До этого мы пока не дошли.

Гуля колебалась, но упоминание о новых крутках и фишках заинтриговало. Она выучит их и сможет вставить в свои танцы, тем самым разнообразив их еще больше! Ей выгодно подобное обучение!

А еще Тоша очень помог сегодня. Отказать ему невежливо...

— Л-ладно. Попробуем.

Глаза Антона будто полыхнули огнем, и радостная улыбка сделала его похожим на мальчишку.

— Забили! Завтра с утра начнем, пойдет? Я подъеду сюда, и мы начнем разводить номер. Или ты работаешь?

— Нет. Хорошо, завтра так завтра...

Настоящую причину, которая заставила ее согласиться на предложение Антона, Гуля

предпочла проигнорировать.

Звонок Гуля услышала не с первого раза. Не открывая глаз, протянула руку к сотовому.

— Алло, — произнесла сонно.

— Гуля! Гуля, где ты? — голос отца чуть дрожал от хорошо принятого вчера на грудь.

— Я в гостях ночевала.

— Когда ты придешь?

— Папа! Часа через два. Или три. Это для тебя так важно? Что-то ты меня вчера вечером не очень ждал...

— Не помню. Ничего не помню...

— Яс-но, — Гуля недовольно покрутила головой, открывая глаза, — я сказала — скоро буду. Часа через три.

Положив трубку, посмотрела на часы, и тут же подскочила с дивана. Одиннадцать! Ничего себе поспала!

Гуля встала, оделась и, убрав подушку с одеялом обратно в шкаф, открыла дверь, ожидая увидеть где-нибудь Антона: он же обещал приехать утром.

Ни в танцевальном зале, ни в раздевалке, ни в душевой Антона не отказалось. Гуля успокоилась: значит, утро у Антона начиналось поздно, и Гуля успеет в душ.

Вчера Антон, услышав, что Гуля согласна репетировать завтра с утра, быстро попрощался и уехал. «Завтра вечером выступление, надо выспаться», — сказал, будто извиняясь. Гуля пожала плечами: что ж, понимаем. Выступление — это святое.

После отъезда Антона она закрыла дверь танцевального центра и легла спать. Подушкой и одеялом Тошки пришлось все-таки воспользоваться: без них бы Гуля не заснула.

Сейчас же, при поиске полотенец, она заметила в шкафу не только гель для душа и сами полотенца, но и мыло, шампунь, бритву, зубную пасту и щетку — все это Антон оставил здесь на случай своего внезапного ночлега. Она позаимствовала у него, кроме геля для душа и полотенца, еще шампунь, и направилась в душевую.

Пока промывала волосы шампунем с очень резким свежим запахом, пока намыливала тело руками — мочалки она не нашла — соображала, как бы потактичнее отказаться от предложения. Потому что согласиться на подозрительную авантюру в два часа ночи в немного неадекватном состоянии и согласиться на нее с утра, на трезвую и расчетливую голову, — две большие разницы.

Антон пристал к ней, как репей, с новым номером! Танго — и чтобы непременно с Гулей. С королевой, ну-ну. Как будто сто раз не танцевали вместе на площадке четыре года назад. Обтанцевался с королевой Антон, если уж точно представить ситуацию. Перетанцевал даже.

Обычно на таких выступлениях — еще неумелых и непродуманных — Гуля находилась в одной части площадки с горящими веерами или веревками, а Антон крутил кометы — огромные пои, похожие в деле на ярчайшие световые шары — в другой ее части. Потом они менялись местами. Взаимодействия у них почти никогда не было, вот это — правда. Женька не парился по поводу композиции номеров и хореографии. Вышли, поработали с огнем, ушли. Поклонились, все похлопали, фаерщики получили деньги.

Как же отказаться-то, а?

Гуля выключила воду и тут же услышала музыку. Пока она мылась, приехал Антон.

Вытершись и просушив полотенцем волосы, принялась одеваться. Хорошо хоть с одеждой в душ зашла, повесила на дверной крючок, прежде чем шагнуть в душевую кабину. Не забыла захватить с собой сумочку: там большая косметичка со всем необходимым.

Если бы Гуля не уволилась вчера, сегодня она сидела бы в это время на работе и исподтишка наводила красоту. Теперь, повернувшись к зеркалу, Гуля красилась в Антоновском душе.

Зеркало помогло ей заметить фен: он висел на гвоздике, и его отражение Гуля заметила сразу. Высушив волосы, расчесавшись и заплетя волосы в косичку, наконец осмелилась открыть задвижку душевой и выйти из нее.

В танцевальном зале играла медленная плавная музыка. Антон стоял в центре зала и делал разминку. Гуля понимающе хмыкнула: вот что значит фанатик. Скрестив руки на груди, замерла в этой позе в дверях, наблюдая, как Антон наклоняется до пола и, слегка согнув колени, очень медленно разгибается. Гуля говорила в таких случаях девочкам (движение распространенное и полезнейшее, она сама использовала его каждую занятие по восточным танцам): «Поднимаемся позвонок за позвонком». Что сейчас и делал Антон, не торопясь, поднимая корпус наверх.

Гуля, расцепив руки, шагнула в зал.

— Привет, — обратился к ней Антон, заметив ее в зеркале, — как спалось?

— Замечательно, спасибо, — Гуля готовилась слинять как можно быстрее. Находиться рядом с улыбающимся бодрым Антошкой — это для нее слишком. Она начинала волноваться.

Вчера Гуле было как-то все равно на его несравненный видок в майке в обтяжечку — слишком много всего случилось. Сегодня же, выспавшись, Гуля постановила: не случилось ничего особенного. Из дома ушла сама, по своему капризу, а ситуация с тетей Лилей и дядей Расимом неприятна, конечно, но не так уж и повлияет на ее жизнь. Все-таки дядя Расим к ней ни разу не пристал, а слова тети Лили ничего не значат, и Гуле они не указ.

Но как только разобралась со всеми внутренними переживаниями, осталась одна большая проблема: Антон, к которому она уже давно неровно дышит.

Он включит музыку, и чувственное танго наполнит класс. Что, Гуля не слышала никогда, под какую музыку танцуют танго? Слышала, и не раз.

Этому фанатику — счастье: он добился наконец от Гули чего-то там, а что самой Гуле? Волнение усиливалось.

«Линять отсюда надо, линять... Мне переживаний и без Антошки хватает. С отцом непонятки, да и вообще — со всей жизнью. Еще из-за этого придурка я не плакала, и из-за его дурацких танцев!»

— Антон, я...

— Гуль, как насчет завтрака? Я от бабушки пирожков с картошкой привез. Конечно, не очень полезный завтрак, но бабуля с утра напекла целую гору. Позвонила мне, я уже у нее позавтракал, и тебе прихватил. Кушай. После начнем в полножки танцевать. Разбираем танец сегодня недолго, мне еще готовиться к выступлению, репетицию провести...

Гуля остолбенела и сразу не смогла подобрать нужные слова.

— Пирожки? Да ладно, Антон, не стоило!

— Иди, ешь! Они в тренерской на столе. Ставь чайник. А я пока разомнусь.

Гуля ушла в тренерскую, ощущая, что идет она туда через силу.

На столе лежал какой-то куль с одеждой. Гуля долго не понимала, что это, пока не

догадалась развернуть. Антошкина бабушка завернула пакет с пирожками в старую кофту, чтобы не остыли.

Так же делала и бабушка Гули много лет назад.

Гуля почувствовала, как в глазах начало щипать. О ней никто не заботился с тех пор, как умерла мама. Считалось, что Гуле шестнадцать, она уже взрослая. Даже добросердечная тетя Камилла ей говорила, и не раз: «Гуля, запомни: теперь ты отвечаешь за отца, и ты — глава семьи. Заботься о нем!» Гуля заботилась — как умела.

А для нее никто не пек пирожков...

«Антошка мог сам нахомячиться у бабушки, и мне ничего не привезти. Он попросил бабушку...она даже завернула...».

Гуля осторожно потерла глаза, помня о туши, которой накрашила ресницы. Если заплачет и тушь потечет, вот будет номер! Ушла кушать пирожки, а вернулась зареванной!

Тошка просто хороший парень. Добрый, внимательный к людям, привыкший заботиться о своем коллективе. Не фантазируй, Гуля, пожалуйста, что пирожки — это не просто так, а какой-то намек! Намек на то, что Антон относится к тебе по-особому...

Гуля заварила чай, попробовала пирожки бабушки Антона. Классные!

Пока завтракала, слушала музыку, доносящуюся из зала, и думала о том, каково ей было четыре года испытывать к Антошке черную зависть. И каково четыре года зависти ни к кому не испытывать, а просто тренироваться, стремиться к чему-то, бороться, может, в чем-то ошибаться, но исправлять свои ошибки...

«А ведь он не знает, как я к нему отношусь. Думает, у меня характер вредный, и я постоянно злюсь...»

Такие мысли расстроили Гулю.

Нужно было раньше вести себя по-другому, чтобы понравиться Антошке! Быть милой, разговорчивой, строить ему глазки, и тогда...

Гуля чуть не рассмеялась. Несомненно, так пробовали делать многие девочки, и ни у одной не вышло, раз Тошка вновь один.

Никому не известно, как влюбить в себя этого красавчика-танцора. А уж Гуле — и подавно. Для этого раньше было много времени, но она что сделала? Правильно, его «профукала».

Нечего здесь душу рвать, сделала вывод Гуля. Потренируется она часок, узнает секреты новых круток и пойдет домой с чистой совестью. Бросит завидовать Антону (тем более, после его рассказа завидовать резко расхотелось), начнет набор в свой коллектив, подумает, как можно изменить формат своих представлений, чтобы добиться новизны, а значит — и большего количества заказов. Перед ней сейчас открывались необозримые возможности, которые нужно было реализовать, пусть с трудом, с многочисленными тренировками и рекламными ухищрениями. Разговор с Антоном стал для нее словно глоток свежего воздуха. Все достижимо, было бы только желание, стремление и постоянный систематический труд — неперемные условия для поставленной цели!

Как у Антона...

— Готова? Или пирожки моей бабушки настолько вкусные, что тренировку придется перенести ввиду наевшегося до отвала исполнителя? — заглянул в тренерскую Антон.

— Я...сейчас... — Сердце заколотилось у Гули в груди. Антошка вытирал напульсниками лоб (майка тоже была мокрой — кажется, разминка у него нехилая) и немного насмешливо разглядывал сидящую за столом Гулю. Именно из-за этого взгляда

голубых глаз Гуля почувствовала вполне объяснимое беспокойство.

— Минуточку, чай допью. Надеюсь, мне не надо будет кувырнуться или делать сальто назад, — закончила Гуля с сарказмом, скрывая так свое волнение.

— Нет, — Антон, как обычно, хитро подмигнул Гуле, — я так над девочками не издеваюсь. На площадке...

Гуля чуть не поперхнулась чаем от такого ответа, но вида не подала, что Тошкины слова ее смутили.

— Боюсь спросить, где ты так развлекаешься, — парировала тем же саркастическим тоном. Антошка, протянув многозначительное «М-м-м», прошел во вторую часть комнаты, позабыв закрыть за собой дверь. Гуля очень захотелось туда заглянуть, но такого она себе не позволила.

— Все, пошли уже, — Антон вышел из комнаты в другой майке.

Гуля последовала за ним в танцевальный зал.

— Тренировочные пои там, — указал Антон на две пары шариков для тенниса, лежащих на полу. В их серединки были вставлены длинные цепочки, один конец которых был закреплен в шарах. Гуля не умела делать такие. Весь запас тренировочных поев в количестве четырех пар у нее остался от старого коллектива: Женька, Пашка и Юля подарили Гуле их на память, а также продали ей весь реквизит, который использовали раньше. Антону же пришлось заказывать реквизит для своего коллектива самому, он же сделал и эти пои.

— Лады, Антон, включай музон. Я га-атова, — с бравадой начала Гуля.

Антон будто не заметил ее кривляний.

— Слушай музыку. Счет по восьмеркам, это не ча-ча-ча или румба, — Антон нажал на пульт и сразу начал считать в такт музыке, — раз, два, три, четыре, паять, шесть, семь, восемь...

— Поняла, — кивнула Гуля.

Объясняет, как будто для начинашки. Она и без него про восьмерки прекрасно знала.

— Слушай теперь.

Гуля слушала, изобразив на лице задумчивую мину и изо всех сил скрывая, что находится рядом с Антоном ей очень не по себе.

Все так, как она и думала — страстная мелодия, где-то на грани. Композиция была из разряда «сильных», ее нужно было еще «вытянуть» — то есть станцевать так, чтобы можно было отразить своим телом и лицом все то, что заложено в музыке. Если же этого не сделать, танец будет смотреться негармонично, и музыка «забьет» танцора. Тогда качественного номера не выйдет, ничего не получится.

— Ну как? — поинтересовался Антон, выключая музыку.

— М-да... Ты, я смотрю, легких путей не ищешь. Сложная музыка!

— Именно, — радостно подхватил слова Гули Антон, — сильная, сложная... Но за счет огня и композиции танца я надеюсь, что ее получится отработать и раскрыть! Здесь надо отрепетировать все — движения поев, хореографию...ноги, тело... вплоть до поворотов головы и взглядов. Хочу этот танец исполнять поближе к зрителям, так что им будет все видно — кто посмотрел, куда посмотрел...

— Я не смогу за один урок выучить твой танец, Антон. Это нереально, сам понимаешь.

— Не за один, за несколько — мы же с тобой договаривались! И мне не нужно, чтобы ты слепо выполняла мои движения. Сегодня всего лишь первая репетиция, танец может поменяться. Мне нужно другое, если честно...

— И что же? — критично произнесла Гуля. Наклонившись, взяла в руки пои, начала крутить, изо всех сил изображая равнодушие.

— Мне важно состояние. Состояние танго. Это же драма, игра! Игра в соблазнение партнерами друг друга. Выражение самых крайних чувств, быстрая смена эмоций...

— Э-э-э, нет! Я на такое не подписывалась! Тоша, это не ко мне, иди ты на фиг! — замотала головой Гуля. Внутри что-то дрожало, словно тоненькая струнка, и ужасно хотелось поиграть в игру, предложенную Антоном.

Игра в страсть, в чувства, в любовь...

А потом ей со стыдом вспоминать, как напоказ вытащила из души то, на что Антону плевать?

— Ну, ты загнул, Антон! Воображение у тебя что надо, не спорю!

— Ты трусишь, что ли, Гуля? — усмехнулся Антон, подходя к ней ближе. Гуля начала быстрее крутить пои, чтобы тот не подошел совсем близко.

— Нет. В мыслях не было.

— Тогда перестань мучить пои, остановись.

Гуля так и сделала.

— Остановилась. Что дальше?

— Я давно не видел, чтобы Гуля боялась чего-то. Надо на видео записать. Буду просматривать и удивляться.

— Пошел ты! Ничего я не боюсь, — Гуля тут же обиделась на слова Антона, хотя прекрасно понимала, к чему он все ведет.

Но она не была трусливой!

— Давай хоть попробуем, что ли? Что мы болтаем ни о чем? Может, выучить постановку у тебя не получится, а я — эмоции, эмоции... — издевался Антон.

Гуля понемногу закипала. Теперь он сомневается в ее памяти и в танцевальных способностях! Ничего не ответив Антону, прошла на центр зала.

— Начинаем с точки? — обернулась к нему, хмуро воззрившись.

— Нет, конечно. Когда мы начинали с точки? Кто тебе даст выйти на площадку и встать в нужную позу? Начинаешь выход с технической площадки. Ты поджигаешь от дежурной чашки пои, я — от ближайшей ко мне чашки. С разных сторон выходим. Сначала — я, ты ждешь. Я представляю себя зрителям и ухожу на задний план. Выходишь ты. Показываешь себя зрителям... И, самое важное! Выходишь, имея в виду, что я есть на сцене, показываешь себя не только зрителям, но как бы и мне...

Антон подхватил с пола пои и показал Гуле несколько движений.

— Раз, два — шаг, захлест, три, четыре — шаг, захлест. Пять, шесть, семь, восемь — вокруг себя прокрутиться. Раз. Два, три, четыре — повторяешь шаги с захлестами, пять — ронд ногой по полу... (Ронд — круг — прим.)

Гуля с легкостью повторяла движения за Антоном. Подумаешь, сложные комбинации!

Но это было только начало.

За час пришлось Гуле порядком попотеть, зато она освоила несколько новых круток и выучила почти половину Антошкиного танца.

Она несколько раз протанцевала его почти без подсказок Антона, с крайне серьезным выражением лица: нужно было не забыть очередность движений, правильно их выполнить, успеть сделать все под нужную музыку, а еще — крутить все время пои.

— Замечательно. А теперь — расслабься, не будь такой зажатой. Работаем с эмоциями.

Я танцую с тобой свою партию. Объяснить, какие эмоции, или сама уже догадалась?

— Э-э-э, — протянула Гуля, едва заглушив нервный смешок. Добрались все-таки! А она обрадовалась, что Антон молчит про ее ничего не выражающее лицо.

— Если в двух словах — кто кого пересоблазняет. Соблазнение должно быть настолько тонкое...

— Я не понимаю, Антон, что тебе надо. Вообще не понимаю, — призналась Гуля.

Она лгала: прекрасно представляла задумку Антона. Просто реализовать ее не хватало духа.

— Помочь с эмоциональным наполнением танца? — Антон подошел к ней почти вплотную.

Гуля отступила назад.

— Не надо.

— Гуля, да что ты меня все пугаешься! Не съем я тебя, успокойся! Просто проведу такой же прием, который всегда хорошо работает на моих девочках из коллектива. Никто от него не заболел и не пострадал. Глаза закрой.

— Мечтай, ага, — проворчала Гуля, но все же послушалась. Какая-нибудь театральная практика на раскрытие «чего-нибудь» — Антон ей раньше рассказывал о таком. Например, что некоторые громко кричат перед выступлением, чтобы снять напряжение, или еще что-нибудь делают в том же духе.

— Не открывай глаза только, — предупредил Антон, и вдруг Гуля почувствовала его ладонь у себя на щеке. Сердце забилося еще быстрее, и словно головой накрыло горячей волной: Гуле стало очень жарко, а еще — неудобно стоять рядом с Антоном.

Но, как попросил Антон, глаза открывать не стала. Это же ее чувства, это она так реагирует на него!

Это не Тошкины проблемы.

— Просто представь: Аргентина, Буэнос-Айрес... Портовый город, девятнадцатый век, время «серебряной лихорадки». Бар на окраине города, огромное количество мужчин — сильных, красивых авантюристов, приехавших за деньгами и... — нежный шепот Антона обволакивал Гулю, рассказывая той красивую сказку о далекой стране, — И ты — прекрасная молодая аргентинка, которая знает себе цену. Она купается во внимании мужчин — женщин здесь крайне мало. И выбирает одного... — палец Антона осторожно коснулся губ Гули. Антон неспешно провел им по ее губам, продолжая говорить тихо и завораживающе, — Представь, что это ты, Гуля. Создай свою историю, придумай ее, погрузись в эту, совсем иную для тебя, жизнь! И эмоции пойдут, и будут такими, какими нужно, — Антон приобнял ее, но тут же отстранился.

— Поняла?

Голос его немного изменился, но Гуля не придавала этому значения. Она, открыв глаза, глядела, пораженная, на Антона.

— Ан... Антон... Это ты так со всеми своими девочками работаешь? Ну ни хр. на себе...

— Все для победы, — усмехнулся Антон, садясь на линолеум, — короче, походи с этим, Гуль. Перевари в себе, создай перед глазами картинку... А сейчас мы закончим тренировку — знаю по опыту, у тебя эмоций пока никаких не будет. Ни у кого сразу они не появляются. Сегодня вечером как, свободна? Я выступлю, и часов в одиннадцать вечера буду уже здесь. Работа будет недалеко отсюда, поэтому рано освобожусь. За день у тебя в голове и танец

уложится, и придумаешь что-нибудь...

«Я что, идиотка, с тобой ночами танцевать? Идиотка».

— В другое время никак, Гуль, — покаянно вздохнул Антон, будто прочитав ее мысли, — у меня с пяти до десяти вечера здесь тренировки, а по утрам и днем то репетиции, то дела... Я свободен только вечерами. Вечер после работы — мое личное время. Трачу его, как хочу. После домой отвезу, или оставайся ночевать здесь — как хочешь. До часу ночи потренируемся максимум. Ты не занята сегодня, не выступаешь?

— Нет.

— Согласна?

«Тебе это так важно?» — хотела спросить Гуля — и не сказала ни слова. Не важно, что танец значит для Антона.

Это важно для нее. Побывать с ним рядом еще одну ночь, ощутить, каково это, когда за окнами тьма, а в танцевальном зале играет танго.

Танцевать танго при дневном свете не так захватывающе. Танго требует темноты, хотя бы полумрака в зале. И ночи за окном.

— Да, — изобразив на лице недовольство пополам со смирением, ответила Гуля, — в одиннадцать вечера я буду здесь. Не опаздывай только, а то я могу заснуть во время репетиции.

— Не заснешь, — Антон поднялся с пола, — обещаю...

И Гуля, дрогнув, отвела взгляд. Она поверила.

Весь день Гуля воображала себя аргентинкой.

Не получалось.

Она оставалась просто Гулей, со своими несчастьями и маленькими радостями, с отцом, который сидел на крыльчке и, держа дрожащими руками алюминиевую кружку, прихлебывал из нее крепкий чай. С рыжим Пушкиком, разлегшимся на дорожке. И со своей никому не нужной влюбленностью в Антона, так хорошо от себя утаиваемой столько лет.

Ну, Антошка, ну, сволочуга, качала головой Гуля, поливая кусты роз, любимые мамой. После ее смерти умерли и ее розовые кусты. Гуля на их месте посадила другие.

Прием из разряда отпетого соблазнителя. С каждой своей девочкой он обнимается, и личико трогает. Пусть не врет Гуле! Может, и говорит что-то подобное, но не прикасается к своим девчонкам — Гуля бы поспорила на что угодно.

У нее самой не было проблем с парнями: ее коллектив изначально задумывался как чисто женский (техник Марат — не в счет, хотя поначалу Гуля хлебнула лиха от его ревнивой жены), но по опыту других коллективов знала, что в них романы случаются редко, а если случаются, то только с одной девушкой. И нонсенс, чтобы руководитель флиртовал с каждой девушкой из своего коллектива. Это же прямой путь к развалу! Где ты потом девушек других наберешь за короткое время? Нужно, чтобы они все постановки выучили, чтобы были ответственными! Терять влившихся в коллектив людей не выгодно ни самому коллективу, ни руководителю. Тяжело заработанную славу очень легко испортить гневными отзывами, а «сарафанное радио» страшнее всего. Твой коллектив покажется кому-то слабым и неорганизованным — значит, пригласят в следующий раз другой, и заказа у тебя не будет. Все просто.

И, несмотря на определенные договоренности между артистами и некоторыми ведущими, они в любой момент могут аннулировать. Так что лучше избегать влюбленностей в тебя твоих работников, текучки кадров и разборок между артистами.

Кроме того, Гуля внимательно собирала сплетни про коллектив Антона. Ей рассказывали, как девочки влюблялись в Антошку, и никогда — как Антошка влюблялся в своих девочек.

Так что...

Так что Тоша темнит. Все-таки сманить к себе ее хочет, потому и изображает заинтересованность, выделяет из всех прочих. Как сманить сильного исполнителя противоположного пола в свой коллектив, если не получилось договориться? Именно так. Не битьем, так катаньем.

Или... Гуля запуталась в рассуждениях.

А целоваться с ней было зачем? Да так, что все хлопали?

Вот именно. Чтобы все хлопали. Антошка же крутой мужик! Надо попонтоваться перед своими! И не кого-то там поцеловать, а конкурентку из другого фаер-шоу!

Обнимашки ночью устраивал он по старой памяти, наверное. Хочет быстрого результата от Гули, чтобы она эмоциональной была, вот и вошел в роль! Сейчас же Женька нет рядом, почему бы не приобнять хорошенькую Гулю?

Уж чего-чего, а страсти у Антона хоть отбавляй. Он сильно рискует, исполняя свои трюки, и разрядка ему нужна соответствующая, да и темперамент у Тошки, наверное, дает о

себе знать сейчас. Как и раньше.

Бешеный выброс адреналина на выступлениях у некоторых парней, как знала Гуля, обычно заканчивался постелью: страстными объятиями, гортанными вскриками, скомканными простынями. Во время совместной работы в старом коллективе, Гуля не раз, изображая на лице полнейшее равнодушие, боролась с едва скрываемой дрожью в теле, когда после выступления сидели все вместе — отмечая ли удачное представление, или просто так, чтобы пообщаться — и она ловила на себе жадный Тошкин взгляд с какой-то паволокой: смеси из расслабления от проделанной работы — и возбуждения. Что-то похожее она замечала после выступлений и у Женька, и у Пашки, но только глаза Антона смущали ее невероятно.

А на следующий день, на тренировке, было все по-прежнему. Антошка приходил после огненного шоу в себя (либо ему приходиться в себя активно помогали девочки, частенько звонившие ему во время вечерних посиделок после выступлений). Дружеская улыбка для Гули — и дружеский словесный «пинок», если она где-то косячила.

Гуля вконец запуталась. Проще к Антону подойти и спросить, что ему нужно. Если ответит, гад.

Антон придет на репетицию после выступления, и страсти в нем будет столько, что хватит для танго... Для ста танцев в стиле танго! Зато Гуле опять придется делать вид равнодушный и немного снисходительный, из разряда: «Не знаю, что я здесь делаю, меня очень-очень попросили». Страсть Антона оправдана, а если ее покажет Гуля...

Она не умеет врать и, если танцует с какой-то эмоцией, именно ее переживает в эту минуту.

Нельзя же по-другому! Попробуй изобразить то, чего у тебя нет в душе! Фальшь чувствуется сразу. Ни тебе, ни твоему танцу зрители просто не поверят.

Не аргентинка она! Не работает Тошкина практика! А свои искреннюю страсть Гуля в жизни Тошке не продемонстрирует. Зачем? Чтобы Антон ее пожалел, посочувствовал Гулиной безответной любви к нему, такому красавчику — и это в лучшем случае?

Да пошел он! Гуле уже одного раза с Русланом хватило! Другие девчонки унижались, бегая за парнями, но Гуля бегать за ними и даже ходить не будет! Гордость какую-то надо иметь?

Она заявит при встрече:

«Антон, короче, говори, что хочешь, но я не аргентинка, танго мне не нравится, это не мой танец, ничего не получается у меня. Оставим эту бредовую затею. Попробуем с тобой сложные взаимодействия, потому что они и мне интересны, как фаерщице, и я пойду домой».

Уверив себя, что так она и скажет, Гуля успокоилась. Отошла от роз, поднялась на крыльцо.

— Расим приезжал, Гуля, — отец наконец отошел от вчерашнего, и мутные глаза немного прояснились, — все спрашивал о тебе. Я сказал, что у тебя все хорошо. А потом мы с ним поругались, кажется...

— Поругались? Почему? — Гуля остановилась на крыльце.

— Я не помню... Помню, я кричал на него, но из-за чего...

— Папа! Ну сколько можно! Видишь, ты уже с людьми ругаешься сам не знаешь от чего! Давай, я тебя полечу, и ты пить не будешь? Аиша мне дала...

— Я не пьяница!!! — заорал отец так, что Гуля спешно ретировалась с крыльца, а

Пушок, подскочив и выгнув рыжую спину, убежал в кусты.

Переговоры с отцом вышли безрезультатными.

И Гуля вновь захотелось оказаться где-нибудь подальше от своего дома.

С отцом пререкаться не стала. Просто ушла на кухню, гремела там посудой, готовя ужин. Вечером она отсюда уйдет, и пусть отец делает что хочет, раз так на нее орет. Переночует вторую ночь у Тошки в танцевальном центре. Антону не жалко, он ее пустит.

Встречи с ним — единственное светлое пятно в жизни Гули сегодня, пусть и у Антошки и другая жизнь, и не любит он ее, и прочее... Но кто же отказывается от светлых пятен?

Он был опять таким, каким Гуля помнила его. С грацией сытой и довольной жизнью большой кошки — леопарда или тигра. Но настолько сильное притяжение и бешеную, сметающую все на своем пути энергетику Гуля чувствовала от него впервые. Паренек, держащийся в рамках отношений старого коллектива, четко регламентировавших ему быть скромнее и сдержаннее, вырос. Теперь он знал цену своему телу, движениям и взглядам, теперь он был профессионалом своего дела, почти звездой.

Гуля стояла около входа в танцевальный центр и оторопело смотрела, как Антон, издали приветственно махнув рукой, теперь, улыбаясь широко и немного нахально, подходит к ней.

Он только что выступил, совершая трюки на грани, искупавшись в аплодисментах и восторженных женских криках. Флер выступления он нес с собой, и Гуля его явственно ощущала, в это же время подмечая ленивую сексуальность каждого движения.

Тело Гули болезненно заныло, отзываясь на этот невидимый посыл.

— Привет, — Антон на несколько секунд коснулся ее локтя теплой ладонью. Легкое, ни к чему не обязывающее прикосновение, заставившее Гулю слегка покраснеть, — долго меня ждала? Мы чуть задержались с выступлением...

— Двадцать минут, Антон. Но я пережила это, — ворчливо отозвалась Гуля и отвернулась.

— Умничка, — пробормотал Антон, открывая дверь танцевального центра.

От одежды Антона резко пахло керосином. Родной и привычный для Гули запах. Но ей нужно было на что-то поругаться, чтобы скрыть свою растерянность и небольшой шок, поэтому она демонстративно сморщила нос:

— Керосин. Фу! Антон, ты решил весь свой танцевальный центр этим запахом испортить?

— Вообще не понял, что ты морщишься. Как будто в первый раз нюхаешь. Я в этой одежде замачивал реквизит, ничего необычного, — Антон открыл дверь и распахнул ее перед Гулей. — Заходи.

Антон быстрым шагом пересек темный танцевальный зал и зашел в тренерскую.

Сердце Гули продолжало бешено стучать, будто адреналин из крови Антона передался в ее кровь. Но это было всего лишь ее непрекращающееся волнение.

— Я сейчас помоюсь, а ты репетируй пока. Аргентинка, — хмыкнул Антон, пробегая мимо Гули с чистой одеждой и гелем для душа в руках. Остановился в раздевалке, обернулся к ней:

— Включи свет и танцуй! Под счет, без музыки повторяй! Пять минут!

Хлопнула дверь душевой, и Гуля, вздрогнув, очнулась и сумела выдохнуть. Тоша развил бурную деятельность, называется.

Гуля неуверенно взяла в руки тренировочные пои, лежащие в углу, походила по залу,

разглядывая окна, занавешенные жалюзи, линолеум и неаккуратно исполняя крутки. Почти неконтролируемое тело предательски горело. А к волнению Гули добавилось жесточайшее смущение.

Она еще никогда не оставалась с Антоном один на один после выступления. А если учесть, что прошло четыре года, и она уже не восемнадцатилетняя наивная девочка, да и Тошка стал старше...

«На что ты подписалась, Гуля? Вали отсюда, пока не поздно».

Гуля не сделала ни шага к входной двери.

Антон появился в рекордно короткие сроки.

— Дверь, точно, — вспомнил он и вновь выбежал в раздевалку. Щелчок замка заставил Гулю вздрогнуть.

Обратной дороги не будет. И станцевать танго с Тошей все же придется.

Гуля, дабы доказать, что она не аргентинка, не стала брать одежду для тренировок, решив позаниматься в любимом разноцветном платье до колена. Она не планировала долго что-то учить, да и ни в одной из придуманных Антоном комбинаций пока не было высоких махов ногами. Можно потренироваться и в сарафане. Гуля осознала, какую ошибку совершила, когда Антон, внимательно оглядев Гулин наряд, удивленно заметил:

— Ты так будешь репетировать? А-а... Класс! Это даже более аутентично!

— Я думаю, мы сегодня ненадолго, — все же высказалась Гуля, — знаешь, Тоша, твой прием с аргентинкой не прошел...

— Фигня вопрос. Попробуем другой, — Антона ничуть не смутили Гулины слова. Он подходил к ней, и Гуля смотрела на следы воды на майке: Антон натянул ее на мокрое тело. В горле у нее тут же пересохло. Майка облепила сильные мышцы груди и немного — мышцы рук. Гуля перевела взгляд на джинсы, также со следами воды, и на босые ноги Антона. С трудом сглотнув, прикусила нижнюю губу.

Сама виновата.

— Ну что, начинаем? — Антон держал пульт от музыкального центра.

Гуля посмотрела на крепкие загорелые руки Антона со светлыми волосками. Она их видела тысячу раз, зачем опять пялится?

— Да, — произнесла как можно тверже и бесстрастней, — немного репетируем, а потом, если можно, я еще одну ночьку здесь переночую. Пожалуйста.

Мимолетный, но цепкий взгляд Антона.

— Как скажешь. Я включаю музыку...

И вновь зазвучало танго.

— Этот отрывок пропускаешь, он мой... А сейчас пойдет твое. Пять, шесть, семь, восемь. Пошла!

Гуля исполнила все комбинации, которые выучила. Пару раз сбилась с ритма, забыла одно движение. Но Антон, выключив музыку, удовлетворенно кивнул:

— Нормально. Половина танца есть. Сейчас попробуем серединку. Гуля, помнишь, мы как-то придумывали фишку: подходили друг к другу вплотную и, касаясь друг друга, заводили пои за спину партнера и крутили их там?

— Конечно, — пожалала плечами Гуля, — я так обычно с Женьком делала.

— А мне Женек не давал такого делать с тобой, — вскользь заметил Антон, повергая Гулю в еще большее смущение и трепет, — Так вот, нужно делать то же самое. Только добавить вальсовый шаг. Одновременно мы вертим пои за спиной у партнера и, касаясь друг

друга, идем... Назовем это... что-то типа вальсового квадрата, но не совсем. Вот так. Ты прижимаешься ко мне... Шаг вперед. Шаг в сторону. Шаг назад. Шаг в сторону. Договоримся: наступаешь правой ногой, отступаешь левой? Самое легкое, что может быть. Пробуем?

— Да-а, — нерешительно ответила Гуля. Прикасаюсь к телу Антона, пусть и через майку... Для Гули это слишком.

— Как выступление, кстати? Все хотела спросить, — Гуля изо всех сил оттягивала момент взаимодействия.

— О-о! Супер! — Антон с наслаждением потянулся, и Гуля, покраснев, отвела взгляд, — мои даже не накосячили ни разу, девчонки вообще всех порвали. Зрители клевые... Мы тренируемся или болтаем? Поболтать можно попозже. Подходи ко мне, забрасывай пои за спину...

— Я...сейчас пойму вальсовый шаг, а потом... — Гулино тело горело от желания прикоснуться к Антону. Поздний вечер ли за окном, музыка, которая разбередила душу, опасная близость Антона, или же все эти три условия зажгли в теле Гули яркое пламя желания, такого сильного, какое она никогда не ощущала прежде. Она боялась прикоснуться к нему, боялась, что не сумеет сдержаться. Прижмется щекой к майке, или же, немного склонившись, проведет губами по обнаженной коже его руки...

— Гуля! Прижмись ко мне и все поймешь! Не будь врединой! — Антон без предупреждения притянул ее к себе, и Гуля врезалась в его стальное тело. Коротко вскрикнув, глубоко вздохнула.

— Я бы и сама прижалась, не надо меня дергать, — глухо прозвучал ее голос.

— Ну да. Через миллион лет. Пойдем. Шаг назад. Шаг в сторону. Шаг вперед... в сторону.

Соски, ставшие набухшими, неприятно терлись о ткань лифчика, а тело пульсировало от близости Антошкиного тела. Гуля еле-еле вертела пои за спиной Антона, ощущая сквозь свой сарафан и майку Антона тепло его тела и движения развитых мышц.

Антон был почти на голову выше Гули, и взгляда глаза в глаза она легко избежала. Напротив Гулиных глаз была майка Антона, и ничего больше. Зато она явственно ощущала кое-что другое, большое и твердое, иногда задевающее низ ее живота.

— Может...э-э... что-нибудь другое поделаем? Просто мне...э-э-э... — Гуля остановилась и попыталась высвободиться от этих объятий. Остановился и Тошка, придержал ее тело руками, не давая отодвинуться.

— Можешь забить на это. Я сегодня получил свою дозу адреналина, и не так давно. Еще не прошло, понимаешь? А еще красивая девушка прижимается ко мне, это уж ни в какие ворота для тела... Или это тебя настолько сильно беспокоит, что работать не можешь? Я вот могу.

— Нет. Мне все равно, — процедила Гуля, чувствуя, как кружится голова. Хотелось прижаться сильнее к Антону, потереться об его тело...

Гуля все-таки отступила назад, перестав обнимать Антона — эти объятия были необходимы для того, чтобы за его спиной вертеть пои. Антон тоже перестал вертеть тренировочные пои за ее спиной, убрал свои руки, немного отошел от Гули, взяв в руки пульт.

— Смотри: сейчас соединяем первую часть и ту, которую репетировали только что. Гуля, и, пожалуйста, в полную ногу. С осанкой, с нормальными крутками, с

соответствующими эмоциями. Ты же слышишь музыку? В ней все есть.

— Я все сделаю, Антон, но эмоции — как получатся. Я... Я же сказала, что твоя аргентинская фигня не действует! — Гуля обрадовалась возможности покритиковать Антона как никогда прежде. Внизу живота неприятно тянуло, и хотелось немного попрыгать, чтобы не чувствовать так явственно возбуждение и от него отвлечься.

— Гуля, нет! Тогда это уже будет не танго! Можно выучить любую сложную технику и комбинации движений, но только эмоции делают танец танцем! Давай так: ты не аргентинка. Ты — это ты, Гуля. Твои эмоции, твоя любовь, твоя страсть. Представь на моем месте парня, которого ты любишь, без которого ты не можешь жить. Если нет сейчас, наверное, что-то было раньше! Какие-то отношения... Вспомни их! Вспомни, что переживала в то время! Самое начало отношений, когда вы еще не перешли к постоянной постели, а только-только добирались до нее! — вдохновенно говорил Антон, и голубые глаза его словно полыхали изнутри бледно-голубым огнем, — передай свои чувства! Томление, ожидание, трепет, уверенность, что ты самая-самая для своего любимого, и нет никого, кто бы затмил тебя! И начинай танцевать...

Гуля, оглушенная, замерла там, где стояла, уставившись невидящими глазами на Антона.

— Сейчас, Антон, — произнесла безжизненным голосом, — я сейчас... вспомню.

Антон терпеливо ждал; он больше ничего не говорил, ожидая конца внутренней работы Гули с эмоциями.

А Гуля не знала, как ей быть. Ни в одних ее отношениях — ни с Женькой, ни с Русланом — не было ничего подобного. Никогда не было.

Сорок дней со смерти мамы. В тот день отец напился, как обычно, родственники растравили душу воспоминаниями, и Гуле казалось, что она — одна из самых одиноких девочек на земле. Она сидела, расстроенная, около палатки Женьки в парке. Юлька и Пашка только что ушли в магазин, а Женька остался в маленьком палаточном лагере вместе с Гулей.

— Ну, моя девочка, не переживай. У тебя же есть я... — прошептал он присев рядом и привлекая Гулю к себе, и та покорно подставила губы для поцелуя...

А вот Руслан: «Мамы сегодня нет, поехали ко мне, Гуля! Посмотрим фильм...» Она знала, что не фильм они будут смотреть у него дома, но боялась потерять красивого парня, который так нравился ей, если ответит отказом...

Не было чувств, описанных Антоном, у нее раньше. Ей нечего танцевать. Если только...

Если только показать, что испытывает она к Антону.

Именно сейчас она находится в такой ситуации, которую описал Антон. Испытывает трепет и желание. Желание соблазнить Антона и сделаться для него самой-самой. Неповторимой, единственной, любимой...

— Вспомнила, — сказал Антон утвердительно, — Я увидел. У тебя даже лицо изменилось, меня чуть не потрясло всего и к стенке не откинуло. Круто! Не отпускай эмоцию! Я включаю музыку!

И заиграла музыка танго, вовлекая Гулю в свой мир, не давая опомниться, начать сомневаться в себе и анализировать свои поступки.

Гуля глубоко вздохнула, смотря на начавшего исполнять комбинации Антона. Это казалось легкотней, детской забавой, но это только казалось на первый взгляд. Партия Антона была намного сложнее Гулиной.

Собственное танго она будет творить здесь и сейчас.

И она вступила в свою музыку, свободно повторяя выученные движения. Но эти движения были немного не похожи на то, что Гуля выучила ранее. Они теперь были наполнены эмоциями Гули, а значит, получили новые оттенки и акценты в исполнении. Расслабленная походка с зазывным покачиванием бедер, игра плеч, встряхивание волосами, изящные повороты головы...

Гуля воображала сперва, что на них смотрят зрители, потому косилась немного на зеркало, представляя, что они стоят там, и не забывая посылать на зеркало улыбки. Но это было лишь в самом начале, пока она не посмотрела в глаза Антона, поравнявшегося с ней, и не утонула в них. Гуля забыла тут же и о зеркале, и о фантомных зрителях. Из динамиков лилась музыка танго, и больше ничего не осталось в этот момент для Гули: ни своего коллектива, ни проблем, ни воспоминаний — ничего, кроме него.

На лице Антона была настоящая страсть, и его эмоции были сильнее Гулиных. Она не знала, как это поняла, но Антон перетанцовывал ее.

Он всегда был сильнее нее, и даже сейчас, в эмоциях! Это чуть укололо Гулину гордость, но не смогло заглушить желания, которое заставляло дышать лишь поверхностно, вдыхая воздух быстро часто, и почти падая от переполняющих ее чувств, которые нужно было сдерживать. Танец на грани, быстрая смена эмоций, разные оттенки чувств...

Они приблизились друг к другу как раз перед вальсовой комбинацией. Вдруг что — то дрогнуло в лице Антона, и он прервал танец. Притянул ее к себе, и Гуле показалось, что воздух вокруг воспламенился.

— Гуля, покажи мне страсть! Этого мало! — глаза Антона, находящиеся так близко, буравили ее. Такие живые, такие дерзкие, затянутые пеленой не до конца растраченного драйва. Они лишали Гулю рассудка, не давали мыслить, погружали во что-то манящее и запретное, но такое опасное для нее.

Гуля с трудом сглотнула, не имея возможности отвести взгляд. Собрав последние остатки хладнокровия, прошипела зло:

— Я тебе откуда ее возьму? Все, что есть, как ты просил...

— Я помогу. Хочешь? — Антон протянул к ней руку. Его пальцы легли на плечо Гули, медленно, осторожно спустили с плеча лямки лифчика и сарафана. Гуля стояла, не двигаясь.

Антон шагнул ближе, обнял одной рукой. Другой же, чуть надавив на затылок, запрокинул ее голову. Гуля не смогла бы шевельнуться, даже если бы и захотела. Она, словно загипнотизированная, не отрывала взгляд от лица Антона. Видела, как темнеют от переполняющих чувств его глаза, как играют желваки на скулах, а его лицо становится жажущим и напряженным.

— Хочешь? — прошептал Антон одними губами, почти беззвучно.

Он погладил ладонью щеку Гули, а рука, лежащая на талии, опустилась ниже, сжав ягодицы. Антон сильнее прижал ее к своему телу, и Гуля задохнулась: желание было настолько нестерпимым, что она, не раздумывая, скинула бы с себя одежду прямо здесь.

Музыка продолжала играть — никто ее не удосужился выключить. Волнующая томительная мелодия танго приближалась к кульминации. Она, как и близость Антона, гипнотизировала Гулю, заставляя ее разум отключиться.

— Да, — так же беззвучно произнесла она.

Все тело ныло от пронзительного, разгорающегося с каждой секундой все больше и больше желания. И на финальных аккордах мелодии Гуля сама потянулась к Антону, чуть

прикасаясь губами к губам.

Поцелуй Антона, жадный и дурманящий, лишил Гулю памяти.

Он сжал Гулю в объятиях, прижимая плотнее к себе.

Поцелуй все длился, став из невыразимо сладкого сминающим и неуправляемым. Антон, вжимая ее в себя, с силой надавил на поясницу Гули, заставляя почувствовать свою эрекцию.

Гуля, вскрикнув, вцепилась в майку Антона.

Его рука поползла вниз, задирая подол Гулиного сарафана, бесстыдно поглаживая ее обнаженные живот и бедра, задевая пальцами ткань ее трусиков. Снять с себя майку, откинув ее в сторону, стащить сарафан с Гули для него не составило никакого труда. Гуля со стоном прижалась к безволосой, немного загорелой груди Антона, сжала пальцами выпуклые мышцы на его груди.

— Тихо-тихо, Гуленька, подожди немного! — шепот Антона с ласковой усмешкой только подхлестнул Гулю. Она, потершись щекой об обнаженную кожу Антона, ощутила, как спиралью внизу живота раскручивается желание.

Гуля не заметила, как оказалась на полу. Щелкнула застежка, и лифчик отброшен Антоном в сторону. Он прижался губами к чувствительной точке на шее, там, где билась венка, и накрыл рукой правую грудь. Пальцы Антона сжали ее, в то время как рот накрыл ее второй сосок.

— Тоша... — выдохнула Гуля, чувствуя, что не может больше сдерживаться, — пожалуйста...

Рука Антона скользнула по животу, легла на ткань трусиков. Отодвинув их в сторону, Антон начал медленно водить кончиком пальца вокруг маленького бугорка. Гуля застонала, изгибаясь, когда его пальцы скользнули внутрь нее. Эти пальцы дразнили Гулю, одновременно усугубляя напряжение и сводя с ума.

— Ты такая влажная. Такая горячая... Гуля...

Снова массирующее поглаживание, заставившее Гулю раздвинуть ноги и, постанывая, закусить губу.

Антон двигал пальцами внутрь и наружу, каждый раз надавливая куда-то, что заставляло Гулю снова и снова вскрикивать и изгибаться. А потом вновь начал целовать Гулю в губы горячо и страстно, пока его рука творила что-то невероятное с Гулиным телом.

Такого она еще никогда не испытывала.

Мышцы внутри сжимались, и Гуля дрожала от возбуждения.

Антон, немного, отстранившись, легонько поцеловал Гулю в нос. Гуля, не открывая глаз, чуть не заплакала от разочарования, и замотала головой.

Потом она услышала шорох одежды и шелест фольги, и сама стянула с бедер мешающие стринги.

— Только не говори, что передумала, — Антон навис над ней, быстро целуя шею и грудь.

— Нет... — и Гуля выгнулась ему навстречу.

Антон резко и быстро вошел в нее, полностью заполнив собой. Гуля вскрикнула, изогнувшись, когда удары начали сотрясать ее тело. Она слышала свои стоны, когда поднимала бедра, чтобы лучше почувствовать его, и выгибалась снова и снова. Антон, опираясь на одну руку, просунул вторую под ягодицы Гули, поднимая и опуская ее в одном ритме со своими толчками, а иногда не давая Гуле раскачиваться вместе с ним, отчего

возбуждение Гули становилось еще острее. Внизу живота стало нестерпимо горячо, жар распространился по всему телу, в то время как он продолжал двигаться в ней с нарастающей силой и скоростью. Несколько самых жестких заключительных толчков, и хриплые крики Антона смешались с Гулиными всхлипами.

Антон оперся на руки, переводя дыхание. После он лег на пол, прижимая к себе Гулю.

— Не лежи так. Простудишься, — Антон, перевернув Гулю набок, прижал ее к себе, поцеловав в висок. И Гуля молча прильнула к нему, уткнувшись в сильную, блестящую от пота грудь.

Вздыхнув, Гуля прижалась к горячему и сильному телу, провела рукой по выпуклым мышцам обнаженной мужской груди... и проснулась. О, мама дорогая! Антон!

Задышала ровно и размеренно, дабы не палиться раньше времени и придумать, как встать и уйти с достоинством. Самый лучший вариант — если бы он ушел куда-нибудь. Например, в душ. Но Антон лежал рядом и вставать не собирался.

Рука Антона скользнула по голой Гулиной спине, и Гуля, что называется, вспомнила все произошедшее поздним вечером и далее — ночью.

Кошма-ар! Это ж надо...

— Ты так и будешь прикидываться, что не проснулась? — Рука Антона переместилась со спины Гули на ее грудь, — если не хочешь встать, почему бы нам еще...

— Мне хватило, Антон, спасибо, — отозвалась, покашливая, Гуля.

Он не давал ей спокойно заснуть добрую половину ночи. Как будто не устал после выступления и как будто не было того первого раза на полу в танцевальном зале. Краснеющая Гуля, убежавшая в душ, явилась оттуда с ясной целью: уехать домой как можно быстрее.

Но Антон всего лишь улыбнулся Гуле понимающей и какой-то беззащитной улыбкой, протянул ей руку, и она осталась, ничуть не пожалев об этом. Быть рядом с ним, чувствовать его в себе, растворяться в нем...

Антон, как оказалось, легко раздвигался.

— На диване удобнее, чем на полу, — заметила ночью Гуля. Антошка только посмеялся над ее заявлением:

— Какая Гуля неженка! А мне все равно, где с тобой этим заниматься, везде удобно, — и не дал произнести больше ни слова, закрыв ее рот требовательным поцелуем.

Ночь словно отворила все двери, выпустила наружу тайные желания. Или это сделала инерция музыки танго — Гуля не стала размышлять об этом. Страсть разгоралась ярким огнем, сокрушая стены отчужденности, непонимания и вражды.

Но утро вышло трезвым и безрадостным, как это всегда бывало у Гули. Случившееся показалось ей беспросветной глупостью.

Все здорово, конечно. Будет что вспомнить в жизни и прочее. Но что сейчас ей делать? Как выбраться из щекотливой ситуации?

Никаких официальных слов о начавшихся отношениях Гуля не услышала, они с Антоном почти не разговаривали. Ночь была полна нежности и потрясшей ее всю страсти. Но этого мало для начала отношений, тем более о них никто ей даже не намекнул, а самой спрашивать: «Антон, что у нас будет дальше?» Гуля посчитала верхом наивности и идиотизма.

Она решила понаблюдать за Антоном. Должен же он прокомментировать случившееся хоть как-то? И пусть слов «Я тебя люблю» от него никак не ждала, все же надеялась, что Антон обмолвится о новой встрече. Или хоть что-то ей скажет по делу, а уж Гуля сама выводы сделает.

— Сколько времени? — Гуля потянулась к сотовому, стараясь сохранить вид безмятежный и отчасти безразличный. Антон же не краснеет от случившегося. Хоть бы чуточку покраснел когда-нибудь! Значит, и Гуля не будет, а ее благоприобретенные

моральные принципы о том, что нельзя ложиться в постель без серьезных отношений, сегодня могут отправиться в топку.

— Половина десятого. Ты куда-то спешишь?

«Подальше от тебя», — подумала Гуля, но сказала вслух:

— Мне домой надо. Там отец и кот. Кот точно голодный, отец — не знаю.

Антон погладил ее по растрепанным волосам. Гуля тоскливо смотрела на его умиротворенное и расслабленное лицо. Вот счастливое свойство: как будто не замечает неоднозначной ситуации! Или она для Гули неоднозначная, а для Тошки — самая что ни на есть нормальная? Просыпаться рядом с девушкой, с которой ты ни разу не сходил на свидание? Они, конечно, знают друг друга давно, но совместные тренировки и даже давнишняя дружба — это ни о чем.

Так, видимо, и было.

Неизвестно откуда поднялась иссушающая душу ревность. Сколько здесь ночевало девушек, ради которых раскладывался этот диван? Скольким Тошка также улыбался по утрам?

Гуля не хотела знать.

Она, прикрываясь простыней, потянулась за сарафаном, висящим на спинке кровати, ощутив неслабый шлепок по попе. Ночью ей тоже так пару раз досталось, но тогда эти шлепки были так вовремя! Гуля почувствовала, как кровь прилила к щекам. В который раз. Не хотела краснеть, пыталась сохранить хотя бы остатки гордого вида. Непосильная задача.

— Может, не стоит торопиться? Пошли, попьем кофе. Ты голодная? Сходим в кафе, позавтракаем... Или здесь поедим — у меня блины с творогом в холодильнике. И с вареньем. От бабушки. Вчера днем привез.

— Тебя очень любит твоя бабушка! — сказала Гуля, очень радуясь, что Антон не так увлечен рассматриванием того, как она надевает платье. Одно дело было раздеваться ночью, другое же — одеваться с утра. Гуля изо всех сил старалась сохранить бесстрастное лицо, надевая лифчик и сарафан.

Как будто каждый день так от парней уходит, ну-ну.

Она в жизни не покажет, что ей стыдно здесь быть, и еще более стыдно оттого, что слишком много рассказала о себе Антону. Не словами — телом. Если он все правильно понял, дело ее труба. Ночью он был потрясающе нежным, и Гуля, забывшись, поверила, что по-настоящему любима.

Но кто ж знает этого Антошку! Недаром в него влюблялось столько девочек. Может, все дело в том, что он обалденный в постели и это известно в определенных кругах?

Гуля доверяла тому, что чувствовала, если это было подкреплено словами. Не сказал ничего — какой из тебя прок? Когда тебе важно — всегда слова найдешь. Другое дело, что люди хорошо умеют врать.

Зато тело и слова вместе лгать не смогут. Например, Женька с Русланом ей много чего наговорили в свое время, но по каким-то ей одной понятным шифрам Гуля определяла: ложь, преувеличение, несерьезно.

Антон же не спешил говорить Гуле ничего, исключая трепы «ни о чем».

— Бабушка у меня очень классная! Это ведь она заставила меня поступить в хореографическую школу. Я тогда занимался акробатикой и плаванием — родители водили. Но бабушке в голову втемяшилось, что внучок должен стать великим танцором, она взяла меня за ручку и отвела на хореографию...

— Ты мне этого не рассказывал раньше.

— Так ты же не спрашивала. Да и кое-кто иногда был не расположен со мной болтать, а?

— Случалось, — согласилась Гуля. Полностью одевшись и застегнув босоножки, она почувствовала себя увереннее. Антон натянул джинсы, перебросил майку через плечо.

— Я покажу, где что находится. Разогреешь в микроволновке? А я помоюсь.

— Хорошо, — Гуля решила быть покладистой и доброй.

— Может, ты со мной в душ? — многозначительно поднял бровь Антон.

— Давай хотя бы поедим! — Гуле не давало покоя неопределенность собственного будущего.

Допустим, станем считать, что та ночь была случайностью, досадным недоразумением. Танго, соответствующее настроение Антона после отличного выступления, стремление Гули уйти от проблем — и их поступок оправдать можно. Но когда говорят о продолжении банкета, старые оправдания не действуют.

— Так показать, где что лежит, или сама найдешь?

— Да иди уже, Антон! Разберусь сама!

Антон, усмехнувшись и весело насвистывая, вышел из тренерской, оставив Гулю самостоятельно искать продукты.

Она боялась подумать, что нравится Антону. Тогда фантазия занесет ее в непроходимые дебри надежд, которые питать вовсе не обязательно.

Еще момент. От слова «нравится» до слова «люблю» в сознании Гули был всего один шаг — это она прекрасно помнила за собой. Она нравилась Женьку, нравилась Руслану. Именно нравилась — ничего больше. А Гуля была раньше убеждена, дурочка, что Женька с Русланом любят ее. Потом было очень неприятно осознать, что ты просто ошиблась, подменив одно слово другим. Теперь Гуля не хотела себе давать ни малейшей надежды — во избежании разочарования. Слишком уж хотелось ей слово «любовь» хоть немного применить к Тошке.

Антон вернулся, когда Гуля разыскала — таки хитро спрятанный маленький холодильник, заварила чай и разогрела блины в микроволновке.

Завтрак с Тошей ее нисколько не смутил: они всем старым коллективом столько завтракали, обедали и ужинали вместе! А уж сколько литров выпили вместе чая и кофе!

Антон жевал, изредка кидая многозначительные взгляды на Гулю. Та взяла блин, запихнула в рот. Не будет ни о чем спрашивать. Вам все равно — нам все равно.

— Что делать сегодня будешь? Работаешь?

— Нет. Уволилась.

— Правильно. Давно тебе хотел сказать. Ты же прекрасно можешь заработать с помощью выступлений, Гуля! Ты же и восток преподаешь! Зачем тебе магазин? Только силы отнимает.

— Я тоже об этом подумала. Недавно ушла.

Разговор все не заходил о вещах, которые так хотела узнать Гуля. Антон, кажется, предпочел говорить о чем угодно, но не о самом важном для нее.

— Как тебе мой номер? — спросил вдруг Антон. Гуля засмушалась, но в руки себя взяла.

— Ты о самом номере или обо всем, что после?

— Обо всем, что было после, говорить надо долго, наверно. Я о самом номере.

— Классный. И фишки сложные. Ты...с кем его танцевать будешь? — Гуля не совсем поняла слова Антона про «долго». Обычное мужское «рассусоливание», когда не представляешь себе, как оправдаться перед девушкой? Она уже допила чай, есть больше не хотела, и собиралась в ближайшее время домой, ничего важного для себя так и не услышав.

— Не знаю пока. С Ирой, наверное...

— А поджигаться мы когда будем? Может, придешь к нам на тренировку в сквер и там подождемся? Будет только Юлька. Покажешь ей класс...

Выражение лица Антона резко изменилось, став замкнутым и скрытным, и Гулю это сильно испугало.

— Знаешь, Гуль. Я считаю, не надо этого делать. И, наверное, больше мы с тобой репетировать не будем...

У Гули потемнело в глазах. Она... она плохо танцует, ее техника ухудшилась и теперь никуда не годится? Или это намек на то, что с Антоном их больше ничего не связывает и Гуле пора убираться отсюда?

— Прости, что? — не поверила своим ушам Гуля, — то есть...

Внутри все оборвалось, рассыпалось, как карточный домик. Антон, опустив голову, рассматривал клеенку, расстеленную на столе.

Гуля резко вскочила. Схватив с соседнего стула свою сумку, за секунду выбежала в танцевальный зал. Обернулась на пороге тренерской:

— Ты добился, чего хотел, и уже не нужны со мной никакие танцы? Нужно было только затащить в постель Гулю? Да пошел ты, Тоша! Не провожай, не надо!

Громко стуча подошвами босоножек, выбежала из танцевального центра Антона, хлопнув дверью, остановившись лишь затем, чтобы открыть входную дверь танцевального центра.

Она не сразу направилась к остановке: если встанет там, ожидая маршрутку, ее догонит Антон. Если захочет.

Больше она не желала его видеть.

Гуля неслась по улице, забежала во дворы. Ей было все равно, где она, главное — от Антона подальше. Душили обида и злость на себя.

Небо словно падало, падало на нее.

Она остановилась в каком-то дворике. Схватила за дерево и долго стояла, держась за него, восстанавливая дыхание.

Ты, Гуля, себя ведешь неадекватно, прямо как маленькая девочка! Надо было просто уйти и хлопнуть дверью. Сказать на прощанье что-нибудь убийственно-презрительное...

Опять понадеялась, что после секса тебе на блюдечке преподнесут заветное «люблю»! Или — хотя бы «ты мне нравишься». Но намекнуть Гуле, что она отвратительно танцует и с ней танцевать больше Антон не будет...

Антону, может быть, она нравится, но не настолько, чтобы предложить ей встречаться — раз. В танцах она полный ноль с точки зрения во всем разбирающегося Антона. Два.

Гордость Гули была уязвлена сильнее некуда, сердце — разбито.

Он же уже нашел, с кем танцевать. Гуля, Гуля, почему ты такая дура? Неужели не разобралась, зачем это все было надо?

Ему нужно было просто тр. нуть тебя, и все. Доказать себе в который раз, что он крут! Или просто найти девушку на вечер. Гуля же старинная приятельница, почему бы не затусить с ней?

Гуля ненавидела себя сейчас за доверчивость и детскость. Ненависть помогла прийти в себя и сдержать слезы.

Это мир шоу, детка, мир вечных праздников. Веселье ради веселья, легкое и поверхностное, как и секс ради того, чтобы отлично провести время. Всех, кого затягивает этот мир, рано или поздно он делает такими же поверхностными. Прошлый Антон никогда бы не сказал такого Гуле, сегодняшний — с легкостью. Слава меняет людей, кто бы чего о себе не рассказывал.

Гуля посидела недолго на лавочке у незнакомого подъезда, после стремительным шагом направилась к остановке.

Дома ее ждет голодный Пушок. И папашка, будь он неладен, пусть и лежит в возможной алкогольной отключке.

У нее есть более серьезные проблемы в жизни, чем эта сволочь.

Гуля специально потерла — в который раз — заплаканные глаза. Своим ученицам долго жаловалась, что у нее конъюнктивит, потому ее глаза красные и опухшие. Ей, наверное, поверили — или деликатно сделали вид, что поверили. Проведя полуторачасовое занятие востока с элементами стрейчинга в конце, Гуля осталась в обшарпанном зале старенького дк наедине со своими новыми артистками фаер-шоу. Две из трех девочек, с которыми Гуля пообщалась после занятия, изъявили желание танцевать с огнем в коллективе Гули. Она хотела поговорить с ними о графике тренировок и о новых идеях.

Через полчаса к ним присоединилась Юля. Войдя в зал, снимаемый Гулей, поздоровалась со всеми, взяла из общей кучи для себя коврик для йоги. Села на него с готовым слушать все и вся видом.

— Юль, чай, печенье, — указала Гуля на чайник, одноразовые стаканчики и упаковки с печеньем и чаем — их принесли с собой Гуля и девочки, чайник же был местный, взятый напрокат у вахтера.

Больше не прерываясь на только что пришедшую Юлю, Гуля объясняла новеньким оставшиеся организационные моменты.

— А появились какие-то идеи? — спросила Юля после того, как Гуля закончила свои объяснения, — Я думала, Гуль, но мне ничего не приходит в голову. Только горящая веревка Антона...

Гулю словно ударили.

— Не говорим про Антона и его фишки. Нам нужны другие! — произнесла неожиданнс холодно и жестко, да так, что Юля с подозрением взглянула на заплаканные Гулины глаза.

— У меня кое-что есть для вас, девочки! — возвестила белокурая красавица Ася.

Шикарные внешние данные, хорошая пластика — Ася занималась, кроме востока, еще и стрипом, и уже не раз выступала. Гуля была очень рада, что эта девочка согласилась работать с огнем в ее коллективе. Отличная растяжка, прекрасная гибкость, но главное — Ася не волновалась на выступлениях, и улыбка никогда не сходила с ее губ. Нерешительность, робость — эти слова никак не вязались с Асей. Красивая, очень уверенная в себе девушка.

Гуля снова потерла глаз.

— То, о чем я говорила? Привнести что-нибудь новое?

— Да! Как насчет того, чтобы соединить огонь и стриптиз?

Настя, еще одна талантливая Гулина ученица, издала непонимающее «о-о-о», Юлька же просто рот разинула:

— Огонь и стриптиз? Это как? Нам раздеваться нужно будет, что ли, как стриптизершам? Я не буду!!!

— И я, — поддакнула скромная Настя.

— Не обязательно всем, — не сдавалась Ася, — могу раздеваться только я. Вы в подтанцовке будете. Сделаем программу стрип с огнем! Гуля, это будет шок для нашего города! У нас есть стрип, но пока никто его не танцует с огнем, насколько мне известно... Мальчишники, корпоративы — нас будут приглашать на разные мужские мероприятия! Ну, как тебе моя идея?

На Гулю напряженно смотрели Настю и Юля.

— Гуля, лично мне что-то не очень, — подала голос Юля, но Гуля отмахнулась от нее.

— Стой, Юль. Я думаю...

Значит, солисткой будет Ася. Гуля посмотрела на девушку, прикидывая, как создать нужный образ. Распустить волосы, в руки дать чашки. Никаких вееров, горящих веревок или, упаси Боже, поев! Или надеть на ладони торчи — тонкие горящие палочки, стоящие вертикально на некоем подобии обрезанных перчаток... Нет, с чашками больше огня. Допустим, будут они.

Гуля уже рисовала себе картину этого выступления. Сначала танцуют девочки, Ася выйдет в середине номера в одних стрингах: раздеваться с чашками в руках невозможно, их никуда не положишь. Несколько комбинаций, глубокий прогиб боком к гостям, во время которого стоит эффектно провести горящими чашками рядом с обнаженным телом. Огонь эротично осветит грудь и тонкую талию Аси, подчеркнет волнующие изгибы, оттенит наготу идеального тела.

Танцевать с чашками — легче легкого, хоть со стороны кажется, что несколько сложно. Ася не сможет обжечься и случайно ткнуть горящим реквизитом в свое обнаженное тело, как это может произойти в случае, если она возьмет в руки горящие веера или пои. Она сможет для себя определить удобное расстояние от огня, когда огонь будет ее греть, но никак не жечь, и ее распущенные волосы тоже не пострадают.

В принципе, этот номер можно поставить за эту неделю, а на следующей активно рекламировать его знакомым ведущим и танцевальным агентствам.

Гуля была готова сказать Асе «да», но что-то ее остановило. Для чего этот номер ей, Гуле, кроме денег и сомнительной славы? Что он ей даст, исполнительнице и руководителю коллектива?

Почему-то подумалось сразу о зрителях. Кто они, эта будущая зрительная аудитория? Такой номер закажут, скорее всего, сытенькие пузатые дядьки с набитыми деньгами карманами, пресыщенные обычным стриптизом. Или действительно — парни, собравшиеся на мальчишник! Пьяные выкрики, аплодисменты, в которых нет ничего приятного для танцовщиц. А какие ситуации могут произойти после выступления, Гуле даже не хотелось вообразить.

Если же номер закажут на обычный праздник (случается и такое!), она же от стыда сгорит! Там же могут быть дети, пожилые женщины, а Ася выйдет на площадку почти голой! Какой номер вызовет отклик в их душах? Какой отклик он вызовет в душе любого из зрителей?

Вспомнились слова Антона о серьезных номерах и ответственности исполнителя за идею своего танца. Да, нужны деньги, да, хочется быть по городу одним из известнейших фаер-коллективов. Но неужели именно такой ценой стоит приобретать себе славу? У артиста всегда должны быть определенные моральные границы, за которые нельзя переступать. Конечно, есть коллективы и танцоры, исполняющие стриптиз профессионально, но это — совершенно другой, далекий от Гули, вид искусства.

В примерках она иногда пересекалась со стриптизершами. Нормальные девчонки, Гуля не могла сказать о них ничего плохого, и работали они качественно, заводя толпу. Но связываться со стриптизом... Огонь и стрип...

Не потеряет ли она больше от этого номера, чем приобретет?

И что скажет Антон, ее главный конкурент, когда увидит? «Гуля ничего больше придумать толкового не может, поэтому девочки у нее раздеваются?»

Хотя Гуля сейчас и дико ненавидела Антона и проклинала себя, не согласиться с этими, пусть и чисто иллюзорными и придуманными, словами она не могла.

— Мне кажется, это не очень хорошая идея, — медленно, но весомо сказала Гуля, — то есть нет, идея классная, Ася, суперская... Но лично я не хотела бы связываться со стрипом. Фаер и стрип — это два разных танца, но если мы берем в фаер-шоу стриптиз, то именно он становится главным, понимаешь? А огонь — всего лишь дополнение. Ну, как стул, с которым танцует стриптизерши, или любой другой аксессуар. У нас же огонь — это главное...

— Я поняла, — заносчиво произнесла Ася. Гуля и Юля переглянулись.

— Ася, танцевать просто с огнем очень интересно, — высказалась Юля, пытаясь смягчить удар Гулиного отказа, — Ты не думай, Гуле очень понравилось твое предложение, но она права. Мы не стриптизерши. Мы танцуем с огнем, просто танцуем — и только!

— Ладно, девочки, как скажете, — ответила Ася, откинув с лица прядь волос, — огонь так огонь.

Гуля явственно почувствовала в голосе Аси разочарование. «Пойдет в другой фаер-коллектив, предложит свою идею. И скоро у кого-то из фаерщиков будет номер со стриптизом. Если Антон согласится на стриптиз, я его убью», — мрачно решила Гуля, ощущая одновременно и неприятное предчувствие, что Ася скоро от нее уйдет, и злость на себя, что отказала подающей надежде исполнительнице в ее очень денежном предложении, и некоторую долю облегчения.

Уйдет — и уйдет. Пусть другие фаерщики связываются с обнаженкой, может, они не такие щепетильные, как Гуля. А ей подобное претит. И Антон, скорее всего, тоже откажет Асе. Он слишком известен, у него имя. Ему не нужны такие танцы. Но Гуля, увы, не была в этом уверена на сто процентов. Время покажет, были ли разговоры о великом пустой брехней, рассчитанной на наивную Гулю, чтобы ее очаровать, или нет.

Любое воспоминание об Антоне приносило боль. Прошел день с того момента, как он сказал Гуле, что танцевать вместе с ней он вряд ли будет. Гуля металась от одного предположения к другому. Почему же он отказался с ней танцевать? Она стала хуже делать крутки, и Антон слишком тактичен, чтобы напрямую ей сказать об этом? Казалось бы, все должно быть наоборот, они же переспали, и не раз... тьфу, вспомнить гадко!

Гуля врала себе и отдавала отчет в этом. Близость с Антоном была самым лучшим из того, что она испытывала. И от этого не менее горькими становились воспоминания и мысли о нем. Может, Антону с ней было плохо? А он по доброте душевной не признался ей, устранив Гулю вот такими словами. Тоша же знал, как это ее сильно заденет, он даже слишком хорошо ее знает...

— Еще предложения есть? — поинтересовалась Гуля у девочек. Те отрицательно покачали головами.

— Тогда собираемся завтра в шесть, как я и говорила раньше, в сквере около моего дома. Если будет дождик, пересидим немного у меня дома, как закончится — выйдем в сквер. Окей?

— Да, Гуля, мы будем, — ответила за всех Юля.

Гуля отметила про себя, как Ася приподняла брови и как капризно изогнула уголок рта, и мысленно вычеркнула ее из списка своих артистов. Придет, чтобы заниматься — хорошо, но Гуля не на нее, а на Юлю и Настю будет делать основную ставку. Ася же будет залетной птичкой. Возможно, подучится немного у Гули, повыступает в составе ее коллектива, а

после уйдет туда, куда ей будет выгодно. Гуля была морально готова и к этому. «Только бы не к Антону ушла Аська, только бы Антон не согласился, — внутренне молилась она, — если Антон возьмет ее к себе и будет делать номер со стрипом, не знаю, что будет со мной... Рухнет все, во что я верила. Человеческая порядочность, профессиональные принципы будут пустым звуком. И я буду знать, что влюбилась в бездушного подонка, который просто запудрил мне мозги своими сказками...»

— Гуля, срочно! В субботу свободна? Нужно фаер-шоу! Ваша программа, как она там... где вы танцуете с поясами...

— Восток, — подсказала Гуля, усмехнувшись про себя. Артем не утруждал себя выучиванием названий ее программ, хотя она с ним как с ведущим работала давно и ему вроде бы как нравился «Леди фаер».

Вот они, известнейшие пояса. А если еще и обнаженка...

— Во-во! Давай ее! Работаешь?

— Да. Во сколько и где?

— Одиннадцать тридцать вечера. Набережная, кафе «Бриз».

— Почему одиннадцать тридцать? Поздновато, — сморщила лоб Гуля, прикидывая, разрешат ли в это время включать там музыку. Все ее шоу проходили в городе строго до одиннадцати, послабления были лишь для загородных ресторанов и гостиниц.

— Там можно, я узнавал. Набережная, дома далеко. Кому на нас жаловаться? Для справки: около кафе «Парус» где-то около одиннадцати рядом с вами выступает «Фристайл», прямо в метрах ста от вас у них площадка — Гуля чуть не вскрикнула от неожиданности. Вовремя опомнилась, промолчала, — и я решил вас близко по времени не ставить. Разные программы, костюмы... Нечего другим гостям смотреть на чужих фаерщиков на халяву! И чтобы никто никому не мешал. Сама понимаешь...

— Ну, — не слишком вежливо отозвалась Гуля, хотя Артема следовало даже поблагодарить за такую предусмотрительность. Разница — полчаса минимум. За это время коллектив Антона соберется и уйдет с соседней площадки, и мельтешение чужих артистов не будет отвлекать ни их гостей, ни Юлю с Гулей. Пока они выступали вдвоем, и Гуля очень надеялась, что Настя скоро присоединится к ним.

Ася на тренировку к Гуле в сквер не пришла, перестала ходить на занятия по востоку. Гуле было немного неприятно, но не очень. Асю она знала около полугода. Не успела привязаться, не научила ничему в фаере, а за занятия по беллиденсу Ася платила ей деньги, как любая другая ученица.

Конечно, ее беспокоило близкое присутствие коллектива Антона. Тот ей звонил пару раз, но Гуля послала ему смс с текстом: «Не трать на меня деньги», и звонки прекратились.

— Артем, спасибо за заказ преогромное! У меня вопросик имеется: почему ты Антона не позвал на свое выступление? Он же там, рядом, ему удобно...

— Сначала гости говорили об Антоне. Я связался с ним. Тот сказал, что у них забито все. Один состав отправился аж в Казахстан с гастролями, а Антон остался в городе. У него две площадки в субботу, они физически не успевают, а подводить вторых заказчиков он не намерен: там дача за городом, до нее доехать надо. Так что я звоню тебе...

Всегда вторая после Антона. Ничего нового.

Однако деньги терять не следовало: на неделе это выступление будет у Гули единственным. Негусто, если учесть, что идет летняя, самая денежная, пора. Зимой, весной и поздней осенью фаер-шоу заказывали намного реже. Гуля работала тогда в более закрытых

костюмах, естественно. Надевала термобелье под костюм, зимние сапоги на каблуках вместо танцевальных туфель. С огнем танцевать было комфортно, холодно же было ждать на площадке, когда соберутся зрители, и замачивать реквизит, разумеется. Марату приходилось в это время несладко, и Гуля доплачивала ему за мороз.

— Спасибо за доверие, Артем. Буду за час до выступления, как обычно. Может, даже больше.

— Заметано. Если что — звони. И не подведи меня!

— Что ты!

Настроение Гули от подобного заказа не улучшилось. Работать — замечательно. Работать рядом с коллективом Антона — отвратительно! Снова встретишься с ним, случайно — или не очень случайно — столкнувшись на площадке.

И все равно увидеть Тошку Гуле хотелось до дрожи, до темноты в глазах. Странное желание, если вспомнить, как сильно он ее обидел недавно.

В глубине души надежда не оставляла Гулю, не собиралась захлопывать дверь навсегда.

Антон имел в виду другое...

Надежды Гули были призрачными и жалкими.

— И можешь ничего мне не доказывать, Гульмира. Антон просто слил тебе свой заказ. Что он, не мог договориться, чтобы ему то же самое показать минут через десять? Перезалить реквизит его парням пять минут. Ладно, предметы должны чуть остыть... Ну, пятнадцать минут на все про все! Два раза отработать на одной и той же площадке. Ему чашки передвинуть сложно? Даже можно их не двигать! «Парус» от «Бриза» в двух шагах!

Гуля только зубами не скрипела от уверенной речи Марата.

— Странно он поступает. Зазвездился, поди. Выбирает, на каких заказах он работает, а на каких — нет...

— Мне фиолетово, Марат, на Антона! Скажи спасибо, что он отказался от этого выступления! Иначе бы мы сегодня сидели без денег, каждый по своим домам! — взорвалась Гуля, устав слушать рассуждения Марата.

Возможно, Тоша отдал ей заказ. Возможно, нет. Когда много выступаешь, сильно устаешь, и уже не нужны «лишние» заказы. Тем более, второй состав в Казахстане. Можно позволить себе чуть расслабиться.

Он гребет деньги уже лопатой, наверное.

Юля благоразумно занимала нейтралитет, за долгую дорогу рта не раскрыв рта ни разу, за что Гуля была ей премного благодарна. Марат же не уставал язвить по поводу Антона, строя предположения одно другого фантастичнее, и громкий окрик Гули не заставил его замолчать:

— Это все понятно, что по домам. Но сегодня мы выступаем, и я никак не пойму...

— О-о-о! — Гуля, закатив глаза, вжалась в спинку сидения автомобиля, — Да что ж такое! Марат, сколько можно? И так работать рядом с Антоном мне не в кайф! Хочешь меня до ручки довести своей болтовней?

— Да, Марат, хватит, — отозвалась Юля, наконец, вмешавшись в разговор, — нам и так не очень танцевать почти в одно время с «Фристайлом». Давай о чем-нибудь другом, а?

Марат, еще немного поворчав, умолк. Гуля с безнадежностью во взгляде смотрела в окно машины. Пока еще светло; они подъезжают к кафе. Минут через пятнадцать стемнеет...

Задора для выступления не было. Из-за будущего соседства с Антоном, и не только из-за этого. Батяня опять напился. Мало того, решил прогуляться в таком виде по соседям. Гуля его вернула домой, но какой ценой! Прибегнув к помощи мужа тети Камиллы и самой тети Камиллы.

Сейчас дома у Гули дежурила Аишка, наблюдая за спящим отцом. Прямо как за ребенком следить за папаней надо! А ведь каким был человеком лет восемь назад...

Гуля не уставала ругать себя. Почему она такая слабачка? Ни с чем справиться не может! Еще пытается с Антоном поспорить за первое место среди фаерщиков! Да она собственного отца не может успокоить! Даже Марату толком рот не закроет, когда тот ворчит не по делу!

— Гулечка, все будет хорошо! Не переживай! — сочувственно сказала Юля с заднего сидения, — мы нормально выступим! Не первый раз...

Гуля, кисло улыбнувшись в ответ, все же приободрилась. Ребята остаются ее коллективом, ее командой, а Марат ворчит, потому что он больше, чем просто наемный

рабочий. Марат — человек, прошедший с ней огонь и воду. Будущее их коллектива ему небезразлично, как и Юле.

— Я не нервничаю, Юль. Скорее бы отработать и домой.

Полной темноты на набережной не было: огромное количество фонарей давало всего лишь полумрак. Зато заливать реквизит в таком освещении очень удобно: не нужно включать фонарь, чтобы увидеть, как ты пропитываешь керосином те части реквизита, которые в процессе выступления будут гореть.

Мало керосина — и твои веера или пои тухнут во время выступления. Косяк.

По площадке перед входом в кафе «Парус» давно уже бегали парни из «Фристайла» в сценических костюмах. Устанавливали декорации (два больших сердца на заднем фоне), перетаскивали реквизит на техническую площадку. В процессе представления сердца подожгут, и будет еще больше огня. Такие декорации обычно заказывали на свадьбу, после выступления молодожены фотографировались на фоне горящих сердец.

Гулин взгляд метался от одного парня к другому. Они были одеты одинаково: черные штаны, жилетки красного цвета, головы повязаны красными сценическими банданами.

Антон она заметила недалеко от сердец: паренек в таком же, как у самого Антона, костюме, что-то говорил ему, широко размахивая руками.

Широкоплечая фигура Антона отличалась присущим одному ему изяществом в движениях и жестах. Каждый взмах руки, любая поза исполнены хореографической четкости и точности. Идеальная осанка, гордо поднятый подбородок настоящего танцора, ни одного лишнего движения. И в то же время тело Антона кажется гибким, относительно расслабленным, но готовым к любому сложному прыжку или движению.

Лоб Гули покрылся испариной, сердце чуть не выскочило из груди. Тоша-тренированный красавчик, с этим не поспоришь!

Она наблюдала за ним под прикрытием угла кафе: в любую минуту могла сделать два шага назад и полностью укрыться от конкурента за углом.

Вот Антон скупым жестом коснулся локтя парня и что-то сказал, немного наклонившись к нему. Оба рассмеялись, а Гуля чуть не застонала, вспомнив пресловутое танго и все, что последовало за ним.

«Мы все забыли, забыли, забыли... Он красиво двигается, потому что это его работа! Хватит Антона разглядывать!»

Веселье было недолгим: через несколько секунд Антон был вновь собран и серьезен. Он развернулся, чтобы оглядеть техническую площадку и разложенный на ней реквизит. Гуля шагнула за спасительный угол кафе. Встретаться с Антоном — даже взглядом — ей ни к чему.

Лишь когда Антон отправился в гримерку, Гуля вышла из укрытия и пошла инспектировать собственную площадку, расположенную в метрах пятидесяти от площадки «Фристайла». Ревизию ей устраивать, впрочем, было не так уж важно: Гуля не раз выступала около «Бриза», так что площадку смотрела лишь номинально. Въедливый Марат, игнорируя последние приготовления вражеского коллектива к выступлению, начал приготовления собственные: вытащил и перенес из машины реквизит, расставил чашки.

— Марат, не стоит, — с сомнением сказала Гуля, — перетащи весь реквизит подальше от обзора, лучше замачивайся за «Бризом», чтобы тебя не было видно. Реквизита у нас немного, перетащим за... — случайно повернув голову в сторону «Паруса», осеклась. Антон, не вовремя вышедший из кафе, смотрел со ступенек крыльца «Паруса» на них с Маратом.

Дрожь пробежала по телу Гули. Даже голос ее чуть дрожал, когда она выговаривала дальше Марату:

— Говорю тебе, Марат, убирай реквизит. Антон заметил нас с тобой. Это нехорошо! У них выступление, а ты на заднем плане бегаешь! Будешь отвлекать внимание их зрителей на себя!

Гуля заметила, как Антон жестом подозвал к себе того самого парня, с которым недавно разговаривал. Сказав тому несколько слов, указал на нее с Маратом, и в следующее мгновение парень уже несся в их сторону.

— А самому сбегать слабо? — процедила Гуля через сжатые зубы. Парень добежал до них и, немного задыхаясь, вежливо произнес:

— Гуля, перенесите, пожалуйста, весь свой реквизит. Мы выступим, а вы после разложитесь. Иначе некрасиво. Антон очень просил...

Гуля машинально поглядела в сторону Антона. Тот продолжал стоять на ступеньках, засунув руки в карманы джинсов, и, чуть наклонив голову, рассматривал всю их разговаривающую компанию.

— Передай начальнику: мы все уберем сейчас. Сама понимаю, не маленькая, — ответила Гуля с удивившим даже ее саму спокойствием. Когда парень, кивнув, пошел обратно, свирепо зашипела на Марата:

— Я тебе что говорила? Марат, ты че как маленький? Мешать выступать другим коллективам непрофессионально, вообще-то, сто раз тебе повторяла! Хочешь, чтобы они нам в отместку какую-нибудь пакость устроили? Я — нет. Собирай реквизит! Где Юлька?

— Мотается где-то, — неопределенно ответил Марат. Изобразив на лице недовольную гримасу, он начал понемногу оттаскивать реквизит за стену кафе. Гуля, подхватив сумку с бутылками, наполненными керосином, напоследок обернулась. Антон продолжал стоять на крыльце кафе и смотреть на нее.

Гуля чуть ли не бегом кинулась за угол, не обращая внимания на тяжеленную сумку в руках.

Там Марат разложил металлические блюдца для заливки реквизита и, забрав у Гули из рук сумку, вытащил одну бутылку. Сразу же приступил к делу. Гуля, посмотрев на часы, достала вторую бутылку, подвинула к себе металлическую плоскую и устроилась на корточках рядом с Маратом.

— Лучше фонарик держи, — кивнул Марат на лежащий около чашек фонарь.

— Марат, куда Юлька ушла? Сколько можно болтаться?

— Здесь я! — прозвучал извиняющийся голос, — я возьму сама фонарик, Гуль...

— Ты где была?

— Я... я Иру встретила. Она выступает в коллективе Антона.

Руки Гули задрожали так, что она поставила бутылку с керосином обратно на землю. «Не знаю, как буду выступать сегодня», — подумала она с ужасом.

— То есть? — Гуля изо всех сил старалась, чтобы тон ее голоса был очень равнодушным.

Обмануть друзей не получилось. Ира потупилась.

— Не хотела говорить тебе, Гуль. Ты расстроишься...

— Юля!

— Да в принципе, чего здесь... Он ее взял в один номер. У него второй состав уехал в Казахстан, так получилось, что на одну постоянную девочку больше. А здесь не хватает. Она

танцует с веерами у него...

— Вот дрянь! — грубо выразился Марат, косясь на замершую Гуля, — Ты, Гуль, давай себя в руки бери. Тебе выступать еще. Какое тебе дело до этой дуры? Ей просто повезло, понимаешь? И все! Ничего особенного! Подумаешь, танцует у Антона... Он взял ее из-за острой необходимости, а не потому, что она такая вся клевая...

Гуля сглотнула комок в горле. Никогда нельзя показывать своей слабости, никогда. А своим — особенно.

Гуле нет никакого дела, что Ира танцует у Антона.

«Ты один раз ошиблась, так уж вышло. Неужели из-за этого нужно переживать столько дней?»

Может, Ира просто танцует. И только.

— Я в порядке.

— Ты смотреть их выступление будешь? — дотошный Марат очень хотел прояснить данный момент.

Гуля замотала головой.

— Нет. И тебе не советую. Нам с Юлей надо на наше настроиться. Тем более, пока переодеваться, пока что... времени не будет.

— А я посмотрю, — завредничал Марат, — потом скажу, что увидел.

— Марат, твое право. Только залей все нормально для начала. Не хватало того, чтобы из-за твоих просмотров наши веера, шест, чашки и конструкции плохо горели. И пои...

— Скажешь тоже, Гульмира! Я свое дело знаю! Юлька, клади фонарь! Идите переодеваться! Справлюсь один!

— Пойдем, Гуль, — потянула ее за рукав Юля, — пойдем, правда. Сейчас без пятнадцати. Пока оденемся, пока залачимся... Костюмы я уже занесла в гардероб: мы там сегодня переодеваемся.

— Пошли, — Гуля еле встала на ноги: они затекли от неудобной позы. Чтобы зайти в «Бриз», Гуле нужно было завернуть за угол, и не бросить беглого взгляда на площадку Антона она не смогла, хотя искренне верила, что удастся пройти мимо и не повернуть в ту сторону головы.

Артисты «Фристайла» — и парни, и девушки — в полном составе стояли на площадке. Антон тоже там был. Все они готовились к выступлению. Десятиминутная готовность, как поняла Гуля. Зрители еще не выходят из кафе, но выступающие должны быть в сборе. Реквизит каждого относится на заранее выбранное место, чтобы его не перепутать с чужим, досконально проверяется то, что может внезапно подвести во время выступления: реквизит, костюм, туфли, прическа...

Иру Гуля тоже увидела. Та в коротком облегающем платье стояла рядом с двумя девочками Антона и, кажется, чувствовала себя рядом с ними прекрасно.

Больше у порога кафе Гуля задерживаться не стала, шагнула внутрь. Юля последовала за ней.

— Готово! — Гуля в последний раз провела рукой по щедро набрызганным лаком волосам Юли.

— Спасибо, Гуль. Идем на площадку?

Они уже переоделись, подкрасились, привели в порядок прически. Гуля еще раз взглянула на себя в небольшое зеркало, висящее в гардеробе кафе: лифчик, пояс с цепочками. Вытащила сотовый: ровно одиннадцать. Если «Фристайл» должен был работать

где-то до одиннадцати, то они уже выступили и спешно складываются, торопясь на второй заказ. Пока Гуле выходить на улицу не стоит, чтобы ни с кем не столкнуться, хотя проверить, все ли в порядке на собственной площадке, надо обязательно.

— Юль, иди, а я через пять минут буду. Чуть подкрашусь еще. Проверь там, как у Марата...

— Да, окей.

Оставшись одна, Гуля походила от одного угла гардероба до другого, еще раз подкрасила губы, немного потянулась и помахала ногами. Ждать здесь было скучно, были неотложные дела: реквизит она всегда проверяла сама перед выступлением, чтобы потом не обвинять ни в чем Марата.

Гуля вышла из гардероба, кутаясь в тонкую длинную кофту из тонкой шерсти. Так теплее плюс сценический костюм не привлекает внимания. Юля тоже ходила в подобной кофте, скидывая ее перед выступлением. Оказавшись в холле несколько гостей посмотрели сейчас, конечно, на девушку в длинной кофте почти до колен и колготках в крупную сеточку, но останавливать на ней свое внимание надолго не стали. Вот если бы Гуля вышла в своем провокационном костюме, ажиотажа было бы намного больше.

Гуля открыла дверь кафе, вышла на улицу. Остановившись на крыльце, огляделась по сторонам.

Артисты «Фристайла» суетились всюду: девочки складывали реквизит в пакеты, парни разбирали сердца. Гуля знала, что танцоры Тошки не будут заходить в гримерку: сядут в машины в сценических костюмах и в таком виде поедут на следующее выступление, сэкономив время на переодевании. Гулин коллектив делал также.

Она спустилась со ступенек, оценивая собственную техническую площадку, на которой раскладывали уже замоченный реквизит Марат и Юля. Чашки Марат расставил, а флешку с музыкой Гуля заранее отдала ведущему. Оставалось только ждать «своего» времени.

— Привет, Гуля, — раздалось сзади: Гуля неразумно повернулась к площадке «Фристайла» спиной.

Она вытаращила глаза, задержала дыхание.

— И тебе привет, раз не шутишь, — развернувшись, с презрением уставилась в глаза Антона, без предупреждения подошедшего к ней, — пришел поздороваться? Ну-ну, здравствуй...

От Антона сильно пахло гарью и керосином, а в глазах светился все тот же «послевыступательный» драйв. Но выражение лица Антона было, кроме прочего, немного сомневающимся и даже где-то робким.

— Гуля, пять секунд? Отойдем подальше. На пару слов.

— Мне вообще не о чем с тобой разговаривать, Антон. У меня выступление через минут двадцать. Надо подготовиться, — отрезала Гуля.

Ее отказ Антона не убедил.

— Кому ты рассказываешь? Марат все разложит без тебя. Десять минут у нас с тобой есть...

— А если я не хочу с тобой общаться? — пробормотала Гуля, но, увлекаемая Антоном, забежала за небольшую беседку с мангалом, находящуюся недалеко от «Бриза». Теперь их с Антоном было сложно увидеть и с площадки, занимаемой «Фристайлом», и с той, другой, на которой сейчас осматривали реквизит Марат и Юля.

— Ладно, хорошо. Говори, только быстро, — Гуля выдернула свою ладонь из ладони

Антон. Если бы он не схватил ее за руку, она бы в жизни не побежала за ним.

— Гуля, скажи, мы можем поговорить по-нормальному, без твоих закидонов?

— Ты считаешь, оно нам надо? — Гулю сильно обидело слово «закидоны».

Ничего себе! Закидоны у нее, значит?

«А у вас, Антон, их не имеется? Один, самый крутой, напомнить? Приглашаете баб к себе в танцевальный центр и предлагаете станцевать с вами танго, а дальше танго плавно переходит в...? Каково, а? Вот уж правда — всем закидонам закидон!»

— Я уверен, что надо.

— А я — нет.

— Скажи, когда ты будешь дома. Я приеду к тебе и все обсудим.

— Обсудим. Что? — с издевкой осведомилась Гуля.

Антон, резко выдохнув, закусил губу, и голубые глаза полыхнули от злости, хотя голоса он не повысил:

— Время скажи. И день недели. Нам надо поговорить. О многом...

Гуля опустила голову. Она готова поговорить когда угодно и сколько угодно...

Лишь один вопрос не давал покоя.

— Зачем ты это сделал, Антон? Ира лучше меня танцует, так, что ли? Почему со мной танцевать невозможно?

— Гуля, ты... ты мне очень нравишься, поэтому... Блин, давай потом, а?

— Я бы хотела для себя выяснить это сейчас.

— Ты задолбала, Гульмира! Трубки не берешь, на смс не отвечаешь. Если я говорю «нам надо долго говорить», значит, разговор не на пять минут...

— Антон! Антоша! Мы все собрали, поехали уже, время... — Ира звала Антона из-за беседки, специально не подходя близко.

Гуля сузила глаза. «Антоша»? Да мать его... Не одна она, наверное, в танцевальном центре ночевала. Быстренько же он нашел ей замену...

— Слышишь, Антон! Тебя зовут, ты нужен. Иди к своей... к своей будущей партнерше. Со мной же ты танцевать не хочешь! Все, типа, баста! Гуля не тянет танго, блин!

— Гуля, ты меня не слышала, что я тебе говорил минуту назад? Подожди...

— Анто-ш!

— Да что мне ждать! Засунь себе в задницу свое «нравишься», понял, придурок? Мне ты никогда не нравился, ясно? Не знаю, зачем Женек тебя взял в свой коллектив! Лучше бы ты так и занимался своими танцульками!

Гуля ненавидяще посмотрела на Антона, с радостью разглядев растерянность в его глазах. Еще бы, красавчик не ожидал такого! Привык, что девушки стелются перед ним...

Она вышла из — за беседки, почувствовав, что не сможет простоять рядом с Антоном больше ни секунды. Все разглагольствования, глупые разговоры ей ни к чему. Переливания из пустого в порожнее. Потому что или ты хочешь быть с человеком рядом — или нет.

А сказать об этом можно в двух предложениях, не болтая о «чем-то там» часами.

Гуля, расправив плечи, шла к Юле и Марату настолько быстро, насколько могла это делать на высоких каблуках. Она была уверена, что Антон за ней не побежит и не окликнет. Так и вышло.

Радостного запала и чувства превосходства ей хватило ровно на несколько секунд. Дальше слезы выступили на глазах, и в груди слишком болезненно что-то сжалось.

Вот и все.

Прощай, мечты-надежды об Антоне!

Зато Гуля в кои-то веки сумела сохранить лицо. Хотя бы перед собой.

Она не девочка, с которой можно разочек переспать и забыть! Нет, не забыть, а пользоваться по нужде, наравне с другими наивными девушками.

Больше такой фигней страдать не желает: от пресловутого слова «нравится» у Гули аж в глазах помутилось. Ира, видимо, тоже ему нравится, раз он позволяет ей себя так звать... Кто там еще, по списку...

Ее всю трясло, воздух, казалось, обрел плотность воды: вдыхался он с трудом.

Она подходила к технической площадке, прекрасно отдавая себе отчет в том, что сегодня «плевать» ей нельзя. В подобном состоянии легко перенервничать, и капли керосина могут попасть не ее лицо, а это грозит ожогами, так как она рискует эти капли на лице поджечь. Она извинится и отдаст заказчикам деньги по прејскуранту.

Теперь Антон должен оставить ее в покое. Гуля же сообщила Тошке, что никогда его не уважала, все эти годы испытывая к нему неприязнь. Ира расскажет ему больше: Гуля когда-то делилась с ней своими не очень лестными высказываниями о коллективе Антона, наполненных едкой завистью.

Все мосты сожжены, контакты потеряны. Пусть Ирка теперь утешает Тошу, она же из-за него ушла из «Леди фаер»!

Гуля готова была забиться в машину Марата и рыдать во весь голос.

Вместо этого она подошла к технической площадке, проверила реквизит.

За пять минут до выступления развернуться и поехать домой? Глупость высшей пробы.

«Соберись, Гульмира! Ты же не станешь подводить заказчиков и Юлю с Маратом!»

— Все готово. Зажигалка у меня, — Марат подбежал к ней, ожидая возможных указаний.

— Ждем, Марат, — выговорила Гуля ровно и бесстрастно, но на имени Марата ее голос все же дрогнул.

Глубокий вдох, задержка дыхания, медленный выдох.

«Это всего лишь Антон. Ты ему типа нравилась. Как и Женьке с Русланом. Ничего, не впервые. Еще здесь пореви, перед Маратом и Юлькой. А можно и перед гостями. Зареванная фаерщица — смертельный номер!»

Время выступления подошло: на улицу начали выходить зрители. Из дверей кафе выплыла девушка в белом платье. Свадьба, значит.

Душа саднила, болела, горела, будто в нее ворвался огонь и начал жечь все живое. Марат ходил вокруг замоченного реквизита, Юля же, заметив что-то, вопросительно подняла брови:

— Гуль?

— Ведущий машет, — перебил Марат Юлю, — кофты, быстро! Гуля, где перчатки твои?

— О, блин! В раздевалке оставила...

Марат тупо посмотрел на Гулю.

— Ты что, совсем уже?

— Я справлюсь и без перчаток, Марат! Они нужны Ире, и то — из-за чашек. Мне они без разницы, у меня шест, пой, конструкция и веера...

— У тебя они всегда с собой были! Как ты могла их не взять?

— Марат, время! — повысила голос Гуля. Они вместе с Юлей сдирали с себя кофты. Большинство гостей уже вышло и встало на приличном расстоянии от пока не подожженных

чашек, — Работаем!

Через минуту зазвучала музыка. Гуля все же вышла «плеваться». Зрители помогли сосредоточиться на главном, а главным в ближайшие десять минут было хорошо выступить. Все испытанные недавно эмоции отступили, отошли на задний план, ненадолго скрылись за огнем, вспыхнувшим в ночи.

Сейчас он был важнее всего. Важнее переживаний Гули, важнее обид и ссор. Одурманивающий, подчиняющий себе. Прошедший сквозь тысячи лет, несущий свет и тепло, обманчиво ласковый — и смертельно опасный.

Где-то на периферии сознания Гуля понимала: ей придется сильно пожалеть о том, что она сказала Антону недавно.

Но огонь не любил быть на вторых ролях. Он всегда был первым, и его красота и угроза смогли затмить воспоминания, будоражащие Гулю в эти минуты.

С характерным звуком неслись вокруг нее горящие веера и пои, и только от него у неподготовленного человека сердце могло уйти в пятки. Для Гули же это был самый чудесный звук на свете.

Она набирала скорость в крутках, иногда даже опережая ритм музыки. Горящий реквизит летел, с шумом рассекая воздух, и ее немного отпускало.

Огонь — везде, везде. Прищурить глаза, на секунду представив, что ты танцуешь, окруженная со всех сторон огнем, и нет, кроме него, ничего на земле — ни неприятностей, ни праздников, ни потерь...

Медленно, но упорно Гуля продвигала «Леди фаер» в самый заказываемый коллектив фаерщиков в городе.

Если ты не блещешь трюками, и техника твоего коллектива хуже техники конкурента, надо делать что? Правильно, договариваться с нужными людьми.

С одним таким человечком Гуле удалось наладить общение. Рустам Алеев — знаменитый по городу ведущий. Обычно он работал с Антоном, но протекция Пашки Демина сделала чудеса. Гуля с Пашкой случайно встретила в торговом центре, где она бродила в поисках нарядов, пытаясь успокоить ноющее сердце и развеяться. Посидели в кафе, поболтали о вечном. «Гуленька, Рустам работает с Антоном, хотя в последнее время говорил мне, что хочет иметь контакты какого-нибудь другого коллектива. Например, твоего. Все наслышаны, как ты огнем плюешься. Как тебе через Пашу договориться с Рустамом?»

Гуля утвердительно закивала. Естественно, Рустам знал о ее коллективе, она оставляла ему сто лет назад свою визитку и прейскурант. Но он так ей не перезвонил. Мир артистов замкнут и иерархичен, ведущие и тамады сами выбирают людей, с которыми работают, игнорируя всех прочих, хоть ты сто визиток оставь.

— Сколько он накручивает сверх? — поинтересовалась Гуля. За программу любого коллектива все ведущие получают «откаты».

— Десять процентов, как у всех. Человек надежный. Если ты ему понравишься, заказами завалит. У него на подхвате несколько ведущих, так что вы с Антоном не подеретесь за заказы...

Гуля чуть не взвыла прямо в закуской. Всюду Антон, не забыть о нем ни на минуту! А как забудешь, тебе услужливо напомнят. Сколько переживаний у нее из-за этого гада, уму непостижимо!

— Я согласна, Паш. Помощь свою насколько оценишь?

— Ну-у... Гульмира... Позвольте поцеловать ручку-с!

— Давай без ручек. Сколько?

— Если все выгорит, купишь мне новый холодильник. Ничего замудренного, обычный холодильничек. Это если у тебя будет много заказов от Рустама. Если нет — обойдусь хорошим мартини или пылесосом для машины — в зависимости от того, сколько заработаешь... Надеюсь на твою порядочность, Гуленька.

— За мной не заржавеет, Паш!

И Пашка все устроил. Гуля поняла из разговора с Рустамом, что тот был готов напрямую обратиться к ней, а Пашка его опередил. Что ж, Гуля позже расплатится с Пашей, раз обещала.

В следующую пятницу Рустам работал в загородном ресторане-ранчо «Дикий запад», куда пригласил выступить Гулин коллектив.

«Это очень важный заказ для нас», — заявила Гуля Насте и Юле, и они тренировались вечером каждый день всю неделю, несколько раз поджигались в сквере, чтобы Настя привыкла к огню. В сквере присутствовал Марат: снимал тренировочные выступления на видео, когда просила Гуля, отпускал комментарии — лестные и не очень.

Наступила долгожданная пятница. Настя, Гуля, Юля и Марат отправились в «Дикий

запад». До ранчо, по расчетам Марата, ехать было полтора часа на машине.

Они тщательно проверили, все ли загрузили, раза два просмотрев необходимые для выступления предметы. Выехали заблаговременно, чтобы миновать пробки, которые всегда случались в пятницу летом на выезде из города.

Гуля смеялась с девочками над очередной шуткой Марата, которую он отпустил по поводу «вон того ненормального водителя синей хонды», как в ее сумочке зазвонил телефон. Гуля звякнула молнией сумки, вытащила его, взгляделась в небольшой экран. Тетя Камилла.

— Бли-ин! — прошептала она, не решаясь взять трубку.

Не ответить Гуля не могла. Девочки с Маратом замолчали: не стали мешать Гулиному разговору.

— Да, тетя Камилла, — обреченно проговорила Гуля. Та никогда ей не звонила просто так.

— Гуля, Гуля! — Тетя Камилла кричала как никогда прежде, — отца твоего кто-то избил в сквере! Кровищи! Приехала скорая, где у него полис с паспортом? Гуля, приезжай, все лицо у Пети в крови!

Гулю затрясло.

— Паспорт в папином столе, в его комнате, полис — не знаю где... Тетя Камилла, что с ним? Скажите мне, я далеко...

— Да какой далеко? У тебя отец избит! Не знаю я, что с ним, скорая его сейчас увезет, а он без полиса, без паспорта! Без тебя! Беги домой со всех ног! По голове его били, крови везде... Бегом! — тетя Камилла в сердцах бросила трубку.

Гуля зажмурилась, потом закрыла лицо руками.

Марат, заподозрив плохое, машину остановил.

— Что, Гуль?

— С отцом что-то случилось. Это серьезно. Марат, тормози. Мне надо домой.

— Ты обалдела? Домой! Мы от города отъехали прилично уже!

— Поезжайте одни в «Дикий запад». Юль, как хочешь, вытягивай программу, — жестко обратилась Гуля к побледневшей Юле, у которой даже губы побелели от волнения, — все равно, что ты будешь делать. Крутить пои умеешь, с конструкцией работала, с веерами — тоже. Веревки не бери и шест мой не бери. Разберетесь с Настей...

— Э-э, Гуля, стой! — прервал ее Марат, — Ты что собралась делать, объясни? Пешком пойдешь домой?

— Сейчас машину поймаю...

— Твою мать, Гуля! Какую ты машину ловить собралась? Да здесь машины ходят обратно через час по чайной ложке! К кому ты сядешь? Я тебя не отпущу одну, я еще из ума не выжил...

— Марат! — рывкнула Гуля так, что девочки, сидящие сзади, вздрогнули, — Это серьезный заказ! От него зависят дальнейшие заказы. Ты хоть понимаешь это? Мне уже перечислили предоплату! Нельзя подводить Рустама и его праздничное агентство!

— Давай хоть сам на машину тебя посажу, — заупрямился Марат, — посмотрю на водилу, с которым поедешь... Девчонки, ждите. Вылазь, Гуль!

— Все поняла, Юля? — Гуля обернулась с переднего сидения назад.

— Да, Гуль, я что-нибудь придумаю. Поезжай к отцу, не беспокойся за нас...

Настя согласно закивала.

— Я позвоню, — бросила через плечо Гуля, выбираясь из машины.

Камаз остановился минут через двадцать бесполезного голосования Марата на трассе. Марат поговорил с водителем о цене, сунул ему деньги, потом посадил в кабину Гулю.

— Как приедешь, дай знать, — крикнул ей и отошел назад: посмотреть номера машины.

— Хороший у тебя парень, — с одобрением сказал водитель лет пятидесяти в клетчатой безрукавке.

Гуля не ответила. Ее до сих пор трясло, в голове проносились мысли одна другой хуже. Звонить тете Камилле она уже побаивалась: та совсем на взводе, наговорит Гуле много лишнего и ненужного. Гуля позвонила Аише, но та ничего не знала об отце.

Все-таки с тетей Камиллой ей пришлось еще раз переговорить.

— Тетя Камилла, я еду домой, буду через час. Скажите, что с папой? — вежливо спросила Гуля, готовая не обращать внимания на крики и попреки соседки.

— Не знаю ничего! Скорая увезла! Приезжай и дуй в центральную больницу! Паспорт я нашла, полис — нет! Искать сама будешь!

Легче от разговора Гуле не стало.

— С отцом плохо? — участливо спросил водитель камаза.

— Да, — не стала вдаваться в подробности Гуля, — мне бы быстрее...он в больнице, я не знаю, что с ним...

— Слишком быстро не получится, — огорчил ее водитель, — но маленько да... прибавим газку...

Гуля, замерев на сиденье, думала обо всем, что произошло сегодня. Ее мечты о большом количестве заказов снова потерпели крах! И с отцом... Что с отцом? Кошмар, а если не успеет?

Она оставила вместо себя слабенькую Юльку. Вытянет ли та программу почти одна, ведь Настя только-только начинает выступать и у нее почти нет опыта? В программе была пара номеров, где солировала Гуля: шесты, горящие веревки, да и остальные выходы были построены таким образом, что основной акцент номера делался на Гулю. Без нее программа не покажется зрелищной, а ведущий обязательно сделает выводы и о Гуле, и об ее коллективе, после чего репутация «Леди фаер» будет значительно подмочена.

Скорее всего, заказов от Рустама больше не будет.

Всем неважно, горе у артистов, не горе. Они обслуживают праздник. Деньги получены. Выступай — или найди себе достойную замену.

«Кроме папы у меня никого нет. Осталась бы на выступление, а вдруг с ним... Потеряю драгоценные часы, минуты. Если он умрет там, в больнице? Не вернется оттуда, как мама с инфарктом?»

Гуля не великая артистка, чтобы танцевать даже тогда, когда в ее семье беда.

Она сидела, дергаясь и строя предположения одно другого хуже, в кабине изо всех сил ревущего камаза, мечтая как можно быстрее оказаться в городе и узнать, что с отцом.

Водитель изредка поглядывал на нее, хмурил брови.

— Отец-то в какой больнице?

— В центральной.

— Довезу. Мне по пути.

— Спасибо, — с благодарностью сказала Гуля, еле сдерживая слезы.

Водитель нахмурился еще больше. Гуля опять вытащила телефон: придется звонить Рустаму, предупредить о том, что она не приедет. Подобрать нужные слова, чтобы извиниться...

Гуле давно не было одновременно настолько неудобно и противно.

Третьесортные фаер-танцовщики «Фаер ской» гремели по всем праздничным агентствам со стрип-номером Аси и еще одной девушки. Не одна — две обнаженные девушки... Гуле оставалось только, пожав плечами и сделав снисходительно-презрительный вид перед своими девочками, подвинуться на рынке артистов. Новинка имела успех: количество клиентов у «Леди фаер» сократилось.

Заказы от Рустама они тоже потеряли. Гуля честно купила Паше мартини, но соблезновения по поводу потери ведущего (тот очень разозлился на Гулю, так как зрители попались разбирающиеся в фаере) выслушивать отказалась.

«Паша, мне отца следовало бросить одного, что ли? По фигу, что там Рустам говорит! Я не смогла бы выступить физически, переживала, что у меня дома творится! Не мои проблемы, что Рустам такой тупой и не понимает ничего!»

Рустам, остыв, с ней через недельку связался, поговорил, даже извинившись. Но доверие было потеряно безвозвратно.

Гуля пока смирилась с тем, что она не выведет свой коллектив в лидеры — другого пути не было. И продолжила заниматься тем, что делала.

Лето шло полным ходом; были всякие заказы. Они танцевали на территории богатых особняков, перед недорогими кафешками, на футбольных площадках во дворах под окнами любимых, чьи мужья решили сделать своим ненаглядным подобные роскошные подарки. Однажды даже переправлялись на другой берег реки, чтобы выступить на острове, где отмечался юбилей состоятельного мужчины...

Зато нигде Гуля не испытывала чувства стыда ни перед одним из зрителей. Жить с чистой совестью — вот главное в жизни, поняла она. Нужно просто наслаждаться тем, что делаешь. А еще — не забывать в погоне за своими мечтами о тех, кто рядом.

Отца в реабилитационном центре навещала каждый день. Сначала, правда, он полежал в обычной больнице со сломанными ребрами и сильным сотрясением мозга, а потом Гуля сразу перевела его на реабилитацию, лишившись части отложенных на мечту денег — и ничуть не пожалев об этом. Деньги всегда можно заработать, без мечты можно прожить, и очень долго, только близких не вернуть. Гуля слишком хорошо усвоила этот урок однажды и, не дрогнув, заплатила требуемую сумму за лечение отца от алкогольной зависимости, на которое тот с трудом, но согласился.

Она наконец встретила с дядей Расимом, сумела с ним уважительно поговорить и забрать свои документы. Дядя Расим даже заплатил ей за полмесяца работы и позвал обратно. Гуля, покачав головой, ушла под шумок: дяде Расиму позвонили. Он расцвел, назвал собеседника «лапушка» и замахал Гуле, мол, подожди! Гуля, скрывая грустную понимающую улыбку, помахала дяде Расиму и отправилась восвояси.

Она не стала искать работу. Сидела дома, раздумывала, как обновить программу, занималась сайтом и рекламой шоу.

Антон старалась забыть, даже больше — выкинуть из головы прошлое, не думать и не анализировать то, что было. Прошлое исполнилось и исчезло, к нему не было возврата. От некоторых ведущих, с которыми успевала поболтать перед выступлениями, она слышала новости об Антоне, и каждый раз сердце сжималось с неопишуемой болью, Гуле не хватало воздуха... Постепенно она свыклась и с этим, и имя «Антон» перестало вызывать настолько

сильные эмоции. Было обидно, больно, плохо, но, в общем, терпимо.

Он не звонил ей, не писал. Как и она ему. Их коллективы больше не пересеклись на заказах ни разу. Антошка тоже был гордым, Гуля понимала.

После случая с отцом ей до смерти захотелось его увидеть. Гуля посмотрела в интернете на сайте танцевального центра Антона расписание занятий «Фристайла». Ближайшее танцевальное занятие по модерну, который преподавал в своем центре Антон, было в шесть вечера, в понедельник.

Гуля не собиралась идти на само занятие. Но просто пройти будто по делам, мимо, случайно заглянуть в окно... Может, оно не будет завешено жалюзи, ведь Антон не любит включать кондиционер не занятиях.

В половине седьмого в понедельник Гуля прошла мимо заветных окон. Как она и думала, Тошка открыл окно, чтобы его ученики дышали свежим вечерним воздухом, а не простужались под прохладными воздушными струями кондиционеров. И, конечно, в классе громко играла музыка: ее Гуля услышала еще на подходе к танцевальному центру. Биты отбивали ритм, играла знакомая мелодия — в стиле Антошки:

Ровно дыши, капитан моей распушенной души,
В этом городе так странно звучит
Безвоздушная тревога.

Гуля встала на цыпочки, заглянула в полуоткрытое окно.

Жить не спеши, не сдавайся, не меняй на гроши.
Разгорится и погаснет в ночи безвоздушная тревога. [\[1\]](#)

В танцевальном зале, стоя лицом к зеркалам, за Антоном повторяли движения танца человек пятнадцать. Парни и девушки двигались, не отрывая взгляд от преподавателя. Антон был в тренировочных штанах и синей майке с надписью «Фристайл» на спине, босиком, с вечными напульсниками и повязкой на голове. Сердце застучало, Гуля еще сильнее приподнялась на полупальцах, чтобы лучше его разглядеть, не заботясь даже о том, что в зеркале ее могут увидеть.

В первой линии Гуля заметила Иру. В обтягивающих черных лосинах, которые подчеркивали стройные ноги Иры, и в легкомысленной розовой кофточке, задуманной вечно спадать с одного плеча, она с легкостью повторяла комбинации, придуманные Антоном.

Гуля тут же отошла от окна, подавившись внезапным всхлипом. Изо всех сил прикрывая себе рот, постояла среди растущего кустарника вне видимости окон центра.

Встречаются ли Ира и Антон сейчас, какие у них отношения и как продвигается номер с танго, она не имела понятия. Зато сейчас ее бывшая подруга может спокойно находиться около Антона, разговаривать с ним, улыбаться ему. А Гуля — нет.

Чувствуя себя постаревшей лет на пятьдесят, Гуля, ссутулясь, шла на остановку.

Надеяться не на что. Антон вычеркнул ее из своей жизни.

Незаменимых людей не бывает, а уж незаменимых девушек — тем более.

И ее, заваривавшую чай поздним воскресным утром, совсем не взволновал звонок с

чужого номера. Ей часто звонили потенциальные заказчики, интересующиеся расценками номеров.

— Алло, — Гуля наклонила голову, удерживая трубку между ухом и приподнятым плечом, и продолжила лить кипяток в чайник. Скоро к ней должна была зайти Юля: они вместе хотели съездить в магазин, чтобы посмотреть там ткань для новых костюмов.

— Гуля? — обращение по имени немного удивило Гулю. Она поставила чайник на стол, перехватила трубку поудобнее. Клиенты так никогда не начинали разговор.

— Да, — произнесла осторожно.

— Это бабушка Антона, Любовь Николаевна. У вас есть свободная минутка, чтобы со мной поговорить?

— Конечно, — Гуля сказала это не задумываясь. Непонимающе уставилась на стол. Почему ей звонит именно его бабушка? Ей, Гуле...

— Гуля, Антон сейчас в больнице.

— Что с ним? Испугалась Гуля. Сердце заколотилось быстро-быстро.

— О-о, нет, нет, не думайте плохого... он повредил колено, и ему очень... не очень хорошо. Возможно, Антон не сможет долго ходить. Вы бы... Вы бы не могли к нему зайти как-нибудь в больницу? Когда у вас будет свободное время? Антон вас хотел видеть. Просил меня позвонить вам через недельку, но я это сделала сегодня. Я же не знаю, может, вы слишком заняты, заранее выберете удобное время и придете...

— Где он лежит? — перебила немного несвязную речь бабушки Антона Гуля, незаметно выдохнув с облегчением. Плевать, что колено. Он живой!

Выслушав название больницы, номер отделения и палаты, спросив, что нужно принести Антону («Да вы что, Гуля! Не надо ничего, мы к нему каждый день ходим!») она поблагодарила бабушку Антона и уверила ее, что обязательно посетит ее внука. Закончив разговор, посмотрела на чайник, морщась от нахлынувших чувств.

Без сомнения, она выберет время! Сегодня же. Сейчас.

Ее обиды — ничто по сравнению с тем, что случилось с Тошей, как сказала Любовь Николаевна, три дня назад. Стать обездвиженным, сильно травмироваться — величайшая беда для артиста! А для танцора это вдвойне страшнее.

Гуля представила травмированной себя и, ужаснувшись, ушла в комнату, чтобы собраться в больницу.

Да, Антон сильно обидел Гулю, причинил ей боль, хотя и она наговорила ему в свое время изрядное количество гадостей. Какой же она была дурой! — На сегодня отбой с тканью, мне надо срочно уйти! До созвона! — пробормотала Гуля, набрав Юлин номер. Схватила сумку с кресла, ключи и, закрыв дом и калитку, бегом бросилась к остановке.

Гуля стояла около двери палаты Антона — палаты платной, рассчитанной на одного человека — и боялась войти в нее. А в остальном все вышло удачно: пустили в отделение свободно (она как раз попала в часы посещения), объяснили, куда пройти, и даже выдали бахилы.

Гуля переложила в другую руку бутылку с минералкой, поправила на плече сумку, провела ладонями по любимому оранжевому сарафану. Раз пришла, надо зайти.

Решимость ее покинула именно у двери палаты, в то время как в больницу Гуля приехала с нерушимой уверенностью, что ей нужно здесь быть. Теперь уверенность таяла на глазах.

Предупредить заранее, спросить, можно ли сегодня — это были бы правильные шаги. Но она уже приехала, минералку купила, которую четыре года назад всегда пил на тренировках Антон — чисто символически, потому как не знала, что ему привезти, а еще — боясь показаться навязчивой. Неужели уезжать обратно?

Он может сказать Гуле совершенно справедливо: «Приходи через неделю, как сказала моя бабушка. Сегодня я тебя не звал».

Ей нужно увидеть Тошу именно сегодня, чтобы успокоиться. И извиниться.

Гуля готова была услышать, как Тошка ее пошлет куда-нибудь всерьез и надолго.

Она стукнула по двери раз, другой. Не выдержав, открыла дверь, заглянула в палату.

Комната была небольшой, очень светлой и уютной. Кровать, стул, тумбочка, холодильник, телевизор напротив кровати на подставке.

Задержав дыхание, Гуля шагнула в палату и прикрыла за собой дверь.

Антон никак не отреагировал на ее приход, даже головы не повернул. Подойдя ближе, Гуля поняла, почему: он слушал музыку в наушниках, закрыв глаза.

Она, остановившись напротив кровати Антона, всмотрелась в его изменившееся лицо, измученное и печальное. Черты лица стали острее и жестче; он был небрит, и хотя трехдневная щетина на подбородке даже шла ему, Гуля никогда не видела Тошу небритым. Для него это было несвойственно.

Гуля не стала дотрагиваться до Антона. Подвинув стул и поставив бутылку на подоконник, села у окна. Оперлась щекой о кулак, смотрела на неподвижно лежащего Тошку и была готова была плакать навзрыд от безысходности и сострадания: настолько странно было видеть Антона, лежащего на больничной койке. Он был весь — движение, весь — танец, весь — свобода! А теперь лежит на постели, прикрытый беленькой простынкой...

Антон пошевелился, открыл глаза. Увидев Гулю, посмотрел на нее с недоумением. Он явно не ожидал ее здесь увидеть.

— Антон, привет... — Гуля, встав со стула, не спеша подходила к кровати Антона. Недоумение на его лице тут же сменилось замкнутостью и отчужденностью.

— Привет, — ответил Антон и, вытащив из ушей наушники, отвернулся. Уставился в стену, закусив нижнюю губу.

Сердце Гули обливалось кровью. Кому, как не ей, представлять, чего он лишился! Танцы и огонь были его жизнью, его любовью, его страстью — его всем. И в одну секунду это потерять...

Гуля приблизилась к его кровати, присела на краешек. Наверно, такое было наглостью с

ее стороны — прийти сюда без приглашения. Антон рассматривал стену, после — простыню, прикрывающую его тело, и не поднимал на Гулю глаз. Полное, совершенное отчуждение.

— Как дела? — аккуратно спросила Гуля.

— Нормально. Как видишь, — сказал Антон без выражения. Он был не здесь — в своих мыслях. И последние были далеко не веселыми.

Гуля не знала, как утешить Антона, что говорить дальше.

— Я надеюсь, это ненадолго? Когда вернешься? Без тебя, Антон, без твоего «Фристайла»...

— Перестань, Гуля! Ты типа хочешь меня поддержать? Ты поддержала. Спасибо, что пришла. Свободна. Дверь сама знаешь где, — Антон смотрел в окно. Гуля взгляделась в его напряженное лицо, полные горя голубые глаза и проигнорировала обидные слова.

Слишком долго она завидовала Антону, обижалась, злилась на него. Конкурент повержен, сошел с дистанции, ему тяжело и плохо... Тот человек, который обидел ее, причинил боль, теперь страдает.

Надо было радоваться. Только Гуля чувствовала его боль как свою. И ничего приятного здесь для нее не было и быть не могло.

— Это моя бабушка тебя попросила навестить меня? — Антон все-таки нарушил молчание. Скользнув по Гуле ничего не выражающим взглядом, вновь опустил взгляд на простыню, — никому, кроме своих, не афишировал, что так вышло. Думал, за недельку приду в себя, оклемаюсь... Я сегодня не в лучшей моральной форме, так что не особо хочется принимать гостей. И я сейчас не самый замечательный собеседник, Гуль, — Антон оставался собой: сильным духом человеком, привыкшим к трудностям и научившимся преодолевать их, никого не осуждая.

Боль выворачивала Гулю изнутри. Слезы выступили на глазах, и Гуля заморгала часто-часто: если Антон их увидит, они обидят его. Жалость всегда унижает таких, как Тошка.

— Она мне позвонила, да. Сказала, чтобы я когда-нибудь навестила тебя. Я пришла сразу же. Что значит — «когда-нибудь навестить»? — возмутилась Гуля.

— Ясно. Спасибо, Гуль, — и вновь молчание.

Гуле хотелось сказать ему так много! Только нужных слов не находилось. Как сказать, что она его любит? Выпалить сию секунду? «Антон, я давно тебе хочу сказать, что тебя люблю, и мне все равно, что у тебя с ногой!» Глупо. Она бы сама в жизни не поверила, если бы ей так сказали.

— Как это произошло? — тихо спросила Гуля.

Антон хмыкнул, немного оживившись:

— Не поверишь. Не на выступлении и не на трюке! На тренировке у меня в танцевальном центре. Объяснял начинашкам легкий прыжок из модерна. И вот — дообъяснялся. Прыгнул неудачно. Вдвойне обидно... Я бы понял, если бы сложный трюк. А здесь — на ровном месте...

Гуля сочувственно покачала головой, хотела дотронуться участливо до Антошкиной руки. Вовремя спохватилась, отдернула уже было протянувшуюся к его руке свою ладонь. Вдруг не так поймет?

— Ничего, Тош, все же будет нормально, правда? Ты скоро опять будешь танцевать. Ничего, немного подлечишься, опять в огонь...

Болезненная гримаса на лице Антона заставила Гулю умолкнуть и проклясть себя за то,

что начала говорить дурацкие общие фразы, всегда тягостные для людей, которым их говорят. Гуля будто со стороны услышала в них скрытое злорадство и ужаснулась себе. Иногда действительно лучше жевать, чем говорить. Или стоит просто молчать.

— Я не знаю, Гуля, когда вернусь. Мне ничего не обещали врачи. Ничего. Либо повезет, либо я так и останусь хромым на всю жизнь. Или еще чего хуже. Так что в ближайшее время я не вернусь. Ни в танцы, ни в огонь. Никуда...

Гуля широко раскрыла глаза. Не может быть! Она не представляла артистический мир без Антона. Без кого угодно, даже без своего коллектива, но только не без Антона.

— Антон... Нет! Ты что говоришь?!

— Наверно, мне пора взрослеть, Гуля, — горько усмехнулся Антон, — взрослеть... Скакать до тридцати лет через горящую веревочку — это слишком. Жизнь намекает: иди, Антон, работай. Как все. Ладно, ничего, — Антон отвернулся, прищурившись, и немигающим взглядом уставился в стену.

— Нет, Антон! Ты что? Огонь — это же твое! Блин, да ты... да ты лучший фаерщик из тех, кого я видела! Ты... ты суперский! Что значит — «как все»? Антон, у тебя талант, зачем тебе быть как все? — воскликнула Гуля, ошарашенно мотая головой, — Антон...

— Ладно, остынь, Гуля, — Антошкины губы чуть скривились в невеселой улыбке. Глаза же остались такими же скорбными, — зачем ты мне душу рвешь? Если даже все, что ты сказала, правда, то это в прошлом. Я был таким, Гуля. Был. Теперь я — никто. Калека, — последнее слово он произнес с потрясшей Гулю интонацией, от которой она сама уставилась на Тошкину простыню.

Гуля не могла сообразить, что сказать еще ему в утешение. Что она в школе читала «Повесть о настоящем человеке», главный герой которой научился танцевать на протезах? Это вряд ли успокоит Антона, а из уст Гули такой факт будет звучать как откровенная издевка. У нее-то все отлично, она-то танцевать может.

— Раз пришла, давай поговорим об одной вещи, — неожиданно проговорил Антон, уставившись на Гулю холодно и отстраненно.

— Давай, — Гуля готова была выслушать сейчас что угодно. О себе — в том числе.

— Мне придется уйти, Гуля, — еле заметная судорога пробежала по лицу Антона, — уйти... из фаера. Мой коллектив остается без руководителя. Я хочу отдать...отдать его тебе.

— Что? — Гуля не поняла, что произнес Антон. Он бредит?

— Теперь ты станешь руководителем моего коллектива. Основным танцором, хореографом... Всем, чем раньше занимался я, займешься ты. Конечно, ты не сможешь исполнять некоторые трюки, которые делал я, и какие-то номера придется убрать из репертуара навсегда. Но, я думаю, ты придумаешь другое, заменишь мои номера своими... Поначалу я помогу тебе: посоветую, кого из парней поставить в главные исполнители и прочее. Ребята тебе слова поперек не скажут. Ни они, ни девочки. У меня хороший сплоченный коллектив, кроме того, я проведу с ними разъяснительную беседу, да и ты, думаю, сможешь их удержать и направить как руководитель. Имя «Фристайла» хорошо раскручено, при умелом управлении ты сможешь добиться еще большей известности коллектива.

— Антон, что...

Гуля хотела перебить Антона, но тот, казалось, не слышал ее:

— Нужно занимать освободившуюся нишу скорее, Гуля. Пока ее не занял кто-то другой, тот же «Фаер дрим», например. Тем более, ты же всегда мечтала быть первой, не так ли?

Гордая Гуля всегда хотела обойти всех, — скривил губы Антон, и глаза стали еще более печальными, а Гуле захотелось кричать, — Ты же всегда хотела кому-то что-то доказать? Давай начистоту. Даже не кому-то — мне. Я не знаю, зачем тебе это было надо. Как будто я кто-то уж... я даже слова не подберу... Короче. Забирай мой «Фристайл» себе. Теперь ты первая фаерщица в городе, даже мои сильные парни — не в счет. Они всего лишь исполнители, не больше. Люди, которые слепо делают то, что им скажешь. И ни одна девочка не переплюнет тебя, Гуля. Ты — первая на пьедестала. Виват, королева! Только поспеши. В нашем деле остановка равна падению...

Гуле было невыразимо стыдно. Он знает, что Гуля завидовала ему. Откуда?

— Это тебе Ира сказала?

— Она в том числе. Я долго не верил, все смеялся, говорил себе: «Зачем это Гуле?» Ведь я — это я, ты — это ты. Каждый из нас интересен по-своему. На мой коллектив тоже постоянно смотреть устанешь, нужно разнообразие... Конкуренция всегда должна быть, коллективы развиваются, соревнуясь друг с другом! Я не могу полностью монополизировать шоу огня. То есть не мог...

По щеке Гули потекла слеза. Королева. Как беспощадно это звучало для Гули!

А вся зависть и постоянное стремление стать лучше Антона были лишь из-за того, что Гуле хотелось дотянуться до Антона, быть к нему ближе, пусть и таким странным и непонятным способом. Тогда Тоша наконец заметил бы ее. Заметил так, что не смог бы отмахнуться. Она была бы всегда на глазах, и он помнил о ней — постоянно, неизменно.

— Мне параллельно, что тебе сказала Ира, Антон, и что говорили другие обо мне, — твердо произнесла Гуля, честно глядя Антону прямо в глаза, — но вот что скажу тебе я сейчас. Антон будет снова танцевать в своем «Фристайле». Это не обсуждается, это такая же истина, как и то, что я сейчас сижу рядом с тобой. Я так сказала. И пока не танцует Антон, не танцует Гуля. Вообще не танцует. Никакие танцы. Ни огонь, ни любимый восток — ничего! Это тоже не обсуждается. Я пойду работать в магазин и буду ждать, пока ты не выздоровеешь, ясно? Пока ты танцевать не начнешь, не начну и я. Пусть забывают мой коллектив и возникает много-много новых фаерщиков, пусть я потеряю море денег и море заказов — все равно! Тебе больно, ты страдаешь — значит, я страдаю вместе с тобой. Потому что... потому что... — спазм сдавил горло Гули. Она задыхалась, не имея возможности закончить свою пламенную речь, которая так хорошо начиналась. Антон, встрепенувшись, резко сел на кровати, схватил Гулину ладонь и сильно сжал.

— Гуля...

— Да потому что, если не танцуешь ты, если нет тебя, мне какая в этом надобность! Дурак! — Гуля уже редела, размазывая слезы ладонью по лицу, — Отвали, Антон, я все сказала! Я не буду танцевать тоже! Мне не нужен твой дурацкий коллектив и не был нужен никогда! И не нужно мне быть первой, мне вообще не это нужно! — всхлипывала Гуля. Она попыталась было убежать, но Антон крепко держал Гулину руку. Вырвать ее из железной ладони Антона не получалось.

— Пусти меня! — попыталась в который раз выдернуть руку Гуля, как подвинувшийся Антон притянул ее к себе и крепко обнял.

— Гулечка, не плачь, — прошептал он, и Гуля слышала дрожь в его голосе, которая заставила насторожиться и замереть в его объятьях. А еще — вспомнить, что он страдает, и устыдиться своих криков, — не плачь, пожалуйста...

Антон целовал ее волосы, гладил пальцами ее лицо:

— Не плачь! Мне все равно, что о тебе говорили, правда. Ты самая лучшая, самая красивая. Я.. Гуля, у меня... у меня столько с тобой связано.

Гуля отстранилась от Антона. «Связано» у него с ней. Она его любит, а «связано» — это все-таки не любовь, так! Погладить по головке малую девочку.

— Зашибись, — пробормотала, всхлипнув, — ладно, все нормально, Антон. Я выполню, что обещала. А ты быстрее выздоравливай, понял? Я без танцев сдохну. Пошла я, наверно. Извини за...

Глаза Антона вспыхнули.

— Ты когда-нибудь дашь мне сказать, мисс гордячка? Или мне опять придумывать, как сделать так, чтобы вы меня послушали, королевна?

— Я не королевна!

— Бл. дь, — прошептал Антон, не дав закончить Гуле, притянул к себе, накрывая ее губы своими, целуя настойчиво, но нежно.

— Вот так лучше? Ты помолчишь, пока я все не скажу? — поинтересовался Антон, глядя в затуманившиеся глаза Гули.

— Да- а...

Антон вновь взял ее за руку, и, чуть улыбнувшись, заглянул в ее глаза открыто и искренне.

— Я давно хотел поговорить с тобой, Гуль. Давно хотел предложить тебе встречаться, быть моей девушкой... ладно, по порядку. Расскажу с самого начала. Теперь мне плевать, как ты отреагируешь. Я понял для себя: надо о наблевшем рассказать, а дальше — отпустить все и жить с чистым сердцем...

Гуля сидела рядом с Антоном, почти не дыша.

Тошка оперся на спинку кровати, в эти мгновения превратившись в себя прежнего: из глаз ушла затравленность и боль, а выражение лица стало дружелюбным, даже немного радостным.

— Несколько лет назад я был очень многообещающим танцором — так говорили мне мои преподаватели, руководители коллектива... Речь не об этом. Однажды я пошел на День рождения к своему приятелю и впервые увидел там фаер-шоу. Конечно, я слышал о том, что танцуют с огнем и раньше, но... Но слышать и видеть — разные вещи. И я впервые увидел тебя.

Гуля затеребила краешек простыни. О, эту встречу она отлично помнила!

— Ты тогда подошла близко-близко. Такая молоденькая, такая милая. Улыбалась чуть испуганно, помню, и я подумал: «Девочка только недавно начала выступать». Огонь меня потряс. Это было захватывающе, и в то же время так опасно! Я почувствовал его опасность, когда ты нечаянно попала горящим поем себе в голову. Никогда не забуду. Я и сам не раз жегся после, и видел, как жгутся на выступлениях мои девочки, но тогда я испугался за тебя о-очень сильно.

А потом ты улыбнулась, — глаза Антона стали мечтательными, — улыбнулась так... так по-настоящему. И почему-то посмотрела на меня. А у меня сердце екнуло, правда! Никогда такого не испытывал! Не люблю косяков, Гуля, ни своих, ни чужих, ты в курсе. Не любил никогда. У тебя был на том вступлении крупный косяк, если уж мерить нашими сегодняшними мерками. Но ты собралась тогда и достойно из него вышла. И эти яркие, живые эмоции! Вредная такая улыбочка, едкая — и отчаянная, потому что ты понимала, что накосячила, и что я увидел. Тот вечер навсегда перечеркнул мою танцевальную карьеру: я

понял, чему посвящу себя. Я влюбился. Влюбился в огонь и еще в кое-кого...

«Тошка прикалывается», — успокоила себя Гуля. Быть не может, что он говорит про нее!

— Я попросился к вам в коллектив, — с легкой улыбкой, не отводя взгляд от удивленного лица Гули и держа ее за руку, рассказывал Антон, — мне очень повезло, что я именно хореограф, иначе бы меня не взял Женек: почему-то он заикнулся, что ему нужны хореографы. А так он меня принял, и я смог познакомиться с тобой поближе. Помню, ты не очень обрадовалась, когда я пришел в коллектив. Вернее, очень не обрадовалась. Потом вроде бы оттаяла, объяснять стала. Тем более, на меня много времени никто не тратил, все занимались собой. Кроме тебя. Я было надеялся, думал, подружиться, все такое... А потом узнал, что вы с Женьком встречаетесь. Он сам ко мне как-то подошел и сказал об этом. Чтобы я не лез к тебе.

— Я не встречалась тогда с Женьком. Уже не встречалась, — не смогла не ответить Гуля.

Антон кивнул:

— Я тогда не понял. Если мне говорят: «Не лезь в наши отношения», я не лезу. Тем более, ты ко мне никакого особого внимания не проявляла, кроме дружеского. Ну, что дальше? Я привык, что мы с тобой друзья, общался с другими девочками, искал любовь — все, как надо. Налаживал отношения и с тобой, как-то мне даже удалось проводить тебя до дома... В меня твой отец тогда пульнул бутылкой, помню.

Гуля нахмурилась, но промолчала. Все так и было, здесь не оправдаешься, не она же в Тошу бутылкой швыряла.

— А на следующий день Женек отозвал меня в сторонку и сказал, что если случится ещё одно провожание, я вылету из коллектива. А я прикипел к огню, прикипел ко всему... К тебе... И ты была чужой девушкой... Я пообещал, что больше этого делать не буду. Извинился перед Женьком за то, что тебя проводил. Он меня вроде бы простил тогда и обрадовал, что скоро ты с ним в Москву уедешь. Колеблешься вроде бы, но уедешь. Я тоже так думал. Если с парнем своим, почему бы не уехать?

Гуля задыхалась чаще, еле сдерживаясь, чтобы вслух не выругаться. Женек — урод! Сволочь! Отомстил за отказы ей, вот...! «Гулечка, пойдём ко мне... Я придумал новые комбинации!», «Гулечка, нам стоит опять быть вместе, как считаешь, крошка?», «Гулечка, мы едем в Москву, покорять столицу! Надо быстрее покупать билеты!».

— А потом ты осталась, и я предложил тебе работать вместе со мной. Ты сказала: хочешь одна. Тогда я понял, что тебе не нужен. И никогда особо не был нужен. Я повернулся и ушел. Зачем унижаться? Набрал людей, начал тренировать их, придумал зрелищные номера. Зарабатывал деньги, зарабатывал имя для коллектива... Вырвался вперед, стал одним из лучших фаерщиков по городу, но каково мне было! Тренировки с огнем, занятия в танцевальном центре... Я вел много групп, чтобы заработать, чтобы отдать долги, расплатиться с бабушкой. Жил тут же, на работе: с родителями не хотел, большой мальчик. Встречался с девушками, но мало кто из них задержался надолго. Им казалось, что я слишком люблю выступления, огонь, и на них не обращаю внимания. Может, они были правы... Кое-кто смог примириться с моими увлечениями, только я их не любил... Да ладно, это все лишнее. Периодически я смотрел, что делаешь ты. На расстоянии, не подходя близко. Слышал о тебе от ведущих, иногда мне показывали записи твоих выступлений. Так, болтали ни о чем, и я спрашивал типа ради любопытства. Я знал, что ты тоже с кем-то встречаешься,

Аишка говорила как-то, ну... Жизнь есть жизнь. А потом я раздал долги, купил квартиру, сделал ремонт. Машина, квартира — то, ради чего я пахал, ради чего ударился в шоу, позабыв обо всем на свете. Было как прозрение. Я остановился и оглянулся назад. И не увидел около себя никого. Никого, по большому счету. Стал вновь уделять больше внимания модерну — и осознал, что здесь все плохо, с эмоциями отстой. И везде плохо. Тут мне пришла в голову идея с танго, и я понял, с кем хочу его станцевать. С тобой.

Гуля вздрогнула. Антон же продолжал улыбаться, не отрывая взгляда от ее лица.

— Я еще посмотрел тогда твою программу а — ля восток, где у вас костюмки ну очень открытые. Слышала мудрую фразу: «Чем больше женщина раздета, тем хуже у нее с танцем»? Конечно, не всегда хуже, если в реальности. Но фраза в чем-то верна — трудно объяснить... Когда нечего показать уже, и нет идей, обычно раздеваются. Я понимаю эту фразу как-то так. Тем более, ты понизила цены выступлений своего коллектива — это тоже о чем-то говорит! Не надо было, не стоило, так бизнес не ведут... Я тебе сказал об этом раньше. Решил вновь тебе предложить станцевать со мной, поработать вместе, хотя был уверен, что ты мне откажешь. А вдруг, думал, получится? Не получилось.

Антон рассказывал Гуле вещи, казавшиеся ей необыкновенными. Никогда бы подобное не пришло ей в голову! Хотя...

— При встрече с тобой в «Мае» я понял две вещи. Первая: тебе была интересна моя задумка. И второе: что-то у тебя произошло, и ты ко мне стала относиться по-другому, или я чего-то раньше не догонял... Я хореограф, Гуля, умею подмечать чужие движения. Твое лицо, твоё тело кричало, что я смущаю тебя. Как раньше. Лет пять назад я не понимал этого, списывал на Женьку, на твою молодость — на что угодно! Прошло четыре года, а ты все смущалась, и смотрела на меня...блин, я не могу объяснить, что я понял. Но тогда я решил, что от тебя не отстану, и добьюсь, чтобы мы станцевали вместе. А уж когда я твой восток увидел...Блин, несколько ночей уснуть не мог, все представлял тебя... А кастинг — для отвода глаз. Хотел прийти к тебе после него и пожаловаться, что нет хороших девчонок, танцевать не с кем, Гуля, давай попробуем. Неожиданно на кастинг пришла твоя Ира. Думал, мне повезло. Я мог предугадать, как ты психанешь, и не глядя выбрал ее, чтобы ты пришла, и мы решили насущный вопрос. Я бы уговорил тебя станцевать со мной. Думал, ты придешь и попросишь... поменяться на нее, например. Но я не учел, какая ты гордая. Ты просто меня послала, и Иру ты тоже послала. Как ты меня не расстреляла из чего-нибудь прямо на благотворительной площадке, до сих пор удивляюсь, но я специально вышел на сцену. Чтобы проверить кое-что. И парням сказал заранее, что орать, — Антон усмехнулся, провел по лицу рукой, взъерошил волосы и вновь прямо глянул на Гулю.

— Аише ты предложил, чтобы я вышла на сцену, так? — перебила Антона Гуля.

Антон издал тихий смешок.

— Допустим. Она раскололась, что ли? Я только намекнул: «Разве Гуля не танцует? Почему она не занята в благотворительном вечере? Пусть хотя бы целуется с кем-нибудь, потому что это неправильно: мы работаем, а Гуля отдыхает...» Аишке только намекни! Ты мне опять не даешь говорить. Понимаешь, наверно, что я хочу сказать?

— Нет, — замотала головой Гуля, — нет... Антон, я даже...

— Рот закрой, все испортишь. Ты хотела меня. И не просто хотела. Я тебе нравлюсь, Гуля. Верно? Без влюбленности так не целуются, или я не прав?

Гуля почувствовала, как щеки и лоб горят огнем.

— Краснеешь? Да, Гуля? Но ты опять убежала, и меня опять послала, когда я тебя

предложил подвезти. Твою мать, подумал я тогда, мы с тобой все равно станцуем, и ты мне за все ответишь. За то время, пока я сох по тебе, малолетке... За мою необъяснимую влюбленность в тебя. За то, что заставила меня влюбиться в огонь и бросить народный коллектив... короче, за все. Я уже строил планы, как это сделать, и вдруг встретил тебя в ночном клубе. Ты попросилась ко мне переночевать... Я бы отвез тебя к себе домой, дома у меня намного лучше условия, но отлично представлял, что ты откажешься, и не стал предлагать. Когда тебя в клубе увидел... маленькая, съезжившаяся... — ладонь Антона нежно погладила руку Гули, — Было просто... не могу сказать как! Но я не мог не намекнуть о танце. И ты согласилась! Блин, я еле сдержался, чтобы не расцеловать и раздеть тебя той ночью! Настолько податливая была, беззащитная... А утром Гуля стала собой, как обычно. Упрямая и вредная. Почему я в тебя влюбился, не могу объяснить себе никак. Никогда не мог... Я сообразил, что с утра ничего от тебя не добьюсь. Только вечером, когда выступлю, когда будет темно. Ночь расслабляет, делает ближе, пусть она и только за окном... Я надеялся, что что-то будет, и одновременно уже ни на что не надеялся.

Эта ночь многое изменила для меня. Во-первых, я понял, что у нас взаимные чувства, и то, как ты прижималась ко мне, какой была в постели, говорило, что я тебе очень нужен. И еще я осознал, что это танго с тобой я вряд ли смогу танцевать для зрителей. Слишком личным для меня оно стало, а я, видно, не такой уж профессионал... или просто не хочу в данный момент показывать другим, кого люблю. Кое-что в жизни должно быть не для всех, тем более, когда у нас с тобой ничего не понятно. Я это и хотел сказать тебе тем утром, когда ты убежала от меня. Понимаю, что ты подумала, Гуль. Но я тогда не был готов тебе вывалить всю правду. Не мог. Как сказать, когда сказать, как ты воспримешь... Сердце открывать перед другим человеком, говорить о самом главном — сложнее всего, — глаза Антона блестели, как голубые озера, освещенные солнцем, — а дальше ты мне еще добавила, и я нормально психанул... Ладно, опустим остальное. Главное ты слышала. Мне кажется, ты похожа на огонь. Такая же гордая, непокорная, обжигающая... и можешь быть мягкой и теплой. Никогда не забуду, как ты мне сочувствовала, как носила пирожки и компоты в больницу лет пять назад, когда я болел. Помнишь? Как помогала и объясняла, хотя и зыркала параллельно не слишком добро. Я многое взял на себя: организационные вопросы, рекламу; ты мне благодарна вовсе не была, кажется, даже обижалась. А я просто хотел тебе помочь...

Слезы лились из глаз Гули, просто лились. От того, что слова Тошки были такими любящими и добрыми, но больше — от того, что она была совершенно счастлива.

— Я люблю тебя. Что угодно делай с моими словами, кому угодно говори. Можешь насмеяться, пересказывать всем, какой Антон дурак. Теперь я никто в артистическом мире, я ухожу. Могу себе позволить быть предельно честным. Но, мне кажется, ты не будешь смеяться. Я хотел напоследок подарить тебе самое дорогое, что у меня есть — мой «Фристайл», мое дело... Все-таки я ухожу не с пустыми руками. Ну вот, я тебе всю душу раскрыл...

— А Ира? — Гуля пристально посмотрела на Антошку.

— Ира? Она танцует у меня. Когда не хватает девочек. Своих я не могу обидеть, они выступают всегда, а если кого-то не хватает в легких постановках — болеют или еще что — замещает Ира. Недавно на модерн ко мне пришла. Я с ней поговорил почти сразу, чтобы не питала ненужных надежд. Намекнул, что люблю другую, и с ней все сложно. Я многим такое говорил. Истина, между прочим! Мой модерн... э-эх... — погрустнел Антон, пошевелив ногой. Второй двигать не стал, лишь прикоснувшись к ней, сразу же отнял руку.

— Ты будешь танцевать! — убежденно воскликнула Гуля, сжав ладонь Антона своими ладонями, — Пусть не сейчас, попозже. Сейчас просто поставишь вместо себя людей, изменишь номера... Ты немного травмировался, но твой коллектив остался. Ты же не просто танцор, ты хореограф-постановщик! И всегда был им, если мне не изменяет память! Ты остаешься, а я буду с тобой! Мне плевать, хромой, кривой... Это же ты, Тошка! Я буду рядом, если ты захочешь...

— Я придурок, что ли, чтобы от такого отказываться? Особенно после того, как тебе все на духу выложил? Только нужен ли я такой тебе? Калека... — поморщился Антон, кинув взгляд на больное колено.

— Отвали! Ты не калека! Слово это забудь!

— Я слово «отвали» от вас, Гульмира, слышал раз миллион за все время нашего знакомства. Может, заменишь его другим? — ворчливо откликнулся Антон, — и что-нибудь душевное мне скажешь наконец?

— Что я тебя давно люблю? Это же и так понятно! Я бы в жизни не стала спать с парнем из-за какого-то там танца! — да уж, говорить сокровенное было трудновато, и растрогавшаяся от слов Антона Гуля никак не могла озвучить свои чувства. Они были для нее настолько привычными, что, казалось, Тошка о них должен точно знать, — Я люблю тебя, Тош. Тоже давно, еще со старого коллектива. Мне не хотелось показывать, что ты мне нравишься. Если бы я сказала тебе пять лет назад об этом, а ты бы меня послал с моей влюбленностью, было бы ужасно!

— Иди ко мне, — прошептал Антон, раскрыв объятия. Гуля прильнула к нему. Оно поможет и поддержит. Всегда будет рядом — она точно знала.

— Я готова потанцевать в твоём коллективе, но с условием — ты ставишь номера!

— Ну их на фиг, Гуль! Я сейчас так счастлив, что не хочу ни о чем думать, тем более — о номерах! А вот от продолжения танго я бы не отказался...

— Тошка! — шутливо пихнула его в бок Гуля, — уже выздоравливаем?

— Ага, что-то вроде того...

Гуля, радостно смеясь, обвила руками шею Антона и прижалась к его губам.

Год спустя.

Ведь что-то да значит,

Раз зрители плачут,

Рыдают и плачут,

Сраженные игрой...

Группа «Пикник»

Пашка Демин, неторопливо везя свой незаменимый чемоданчик на колесиках, направлялся в гримерку. Гулю, стоящую в холле ресторана около ее входа, разобрал смех.

— Демин, ты куда-нибудь когда-нибудь приезжаешь вовремя? Мы с огнем выступили, уже без пятнадцати одиннадцать вечера. Кто на твои фокусы смотреть будет? Гости пьяные...

— Главное, чтобы заплатили, — невозмутимо парировал Демин, ничуть не убыстря шаг.

— Ты пропадал, что ли, где-то, или болел? Сто лет тебя не видела, — Гуля продолжала посмеиваться.

— Год. В Японии по контракту работал.

— Ого!

— Неделю назад как приехал. Гуля! Я так рад тебя видеть при боевом духе и в бодром здравии. Я тебя обниму, если позволишь...

— Да пожалуйста, — Гуле было не жалко. Медвежьи объятия Демина закончились внимательным ее осмотром.

— Ох, соскучился по русским девчонкам! Везде были одни узкоглазые — ужас! А это что у тебя? — Пашка бесцеремонно схватил ее за руку, — Да ты никак замуж вышла! Тьфу, черт! Уедешь надолго — сразу всех симпатичных девчонок уведут. Невезуха...

— А ты на мне жениться хотел? Жаль, раньше не знала! — Гуля весело смеялась вновь: ей можно расслабиться, она уже отработала свою программу.

— Когда вы молчите, Гульмира, вы просто чудо. Чуть только рот открываете — немного хуже. Но, думаю, муж ваш об этом хорошо осведомлен и как-то с этим борется, не так ли?

— Возможно, — загадочно улыбнулась Гуля.

— А он здесь, с тобой? Познакомишь?

— Э-э-э... Да, здесь.

— Антон, говорят, тоже женился, — без перехода объявил Пашка — на ком, не сказал никому, он знатный партизан. Но кольцо обручальное у него видали. Что это с фаерщиками, мода, что ли? Я вот до смерти не женюсь. А там — посмотрим.

— Ну...

— Ладно, Бог с ним, с Антоном. Душечка, вы в сто раз лучше него, хотя бы потому, что женщина! Мужа показывай.

— Да вон он, — Гуля протянула руку к двери, в которую только что зашел Антон.

Он еще немного прихрамывал и постоянно носил эластичный бинт на коленке, но уже два месяца назад начал выступать. Вернул в программу и номер с веревкой, правда, временно его сделав намного легче в плане трюков.

Демин застыл, округлил глаза.

— Да ла-адно... Врешь! Хотя...никогда вас вместе не видел! Анто-он! — заорал он на весь коридор, благо, на этот момент пустой: гостям недавно подали горячее, и все они сидели за столами в зале.

Антон, кивнув со входа, подошел к ним с Пашей. Хромому со стороны никто бы не заметил, но только не внимательный взгляд Гули.

Надо ему запретить пока делать этот номер с веревкой. Но разве ее Антошке что-то запретишь? Именно оно, упрямое стремление к танцам, помогло ему быстрее встать на ноги.

— Пашка не верит, что ты на мне женился, Антон, — произнесла Гуля с наигранной обидой.

— Я тоже иногда своему счастью не верю, — Антон потрепал Гулю по волосам, и растрепал-таки хорошо залаченные пряди, — Привет, Паш. Сколько лет, — протянул фокуснику руку.

Тот пожал ее, дико вращая глазами.

— Да... Умеете удивить. Оба. Я ведь знал, Гуля тебя ненавидела просто до смерти...

— Она переменила свое отношение ко мне. Правда, Гуль? — Рука Антона по-хозяйски легла на ягодицы Гули и чуть сжала их. Гуля незаметно толкнула его локтем:

— То-оша... — посмотрела многозначительно, — конечно, переменила, Паш.

— И теперь нет «Леди фаер»?

— Почему? Есть. «Фристайл», «Леди фаер»... У нас реклама на одном сайте. Программы разные, есть возможность выбора. А так жена и с «Фристайлом» танцует, тс есть со мной... — ответил за Гулю Антон. Рука его переместилась на Гулину талию и теперь легко ее поглаживала.

— Вы женаты сколько?

— Скоро будет год. Месяца через три.

— Да ешкин кот! Уехал, значит, я в Японию! Ничего себе перемены в мире... А ребетёнка что, скоро? — допытывался любопытный Пашка. Осмотрел еще раз Гулю. — Ты вроде бы поправилась чуток, Гульмира? Маленького не ждешь?

— Как только — так сразу сообщим, Паш. Тебе первому, — Антон неизменно оставался в рамках приличий и дружелюбного общения.

Гулю же вопрос Пашки напрям. Неужели видно со стороны?

И ничего она не поправилась, Пашка-болтун!

Она сама-то узнала случайно об этом несколько дней назад. Долго размышляла, какой выбрать момент и как создать красивую обстановку, чтобы рассказать. Такое событие — праздник!

В двери ресторана просунулся отец. Заходить не стал, показал Гуле знаками, что реквизит собран. Гуля кивнула в ответ, и отец ушел на улицу.

Его взяли техником в коллектив скорее номинально, чем для настоящей работы, и у него были совсем несложные обязанности. Марат же, приставленный Гулей к ничего не подозревающему отцу «вторым техником», незаметно присматривал за ним и рассказывал Гуле, как тот выполняет поручения. Деньги Гуля отцу за работу платила, как и другим работникам коллектива, только в руки не давала. Переводила на карту или покупала что-то из вещей и еды по его просьбе: привыкла страховаться с ним. Чьи-то побои (так и не нашли виноватых) отца вроде бы вразумили, но Гуля не расслаблялась.

— Пошел я, — возвестил Демин, вновь хватаясь за ручку чемоданчика, — счастья вам, благополучия... А-то я сегодня не выступлю.

— Пока, Паш! — сказал Антон, Гуля же помахала вслед рукой.

— Гуля, я чего-то не знаю? — обратился к Гуле Антон, лишь за Пашей закрылась дверь гримерки.

— Да ничего...

— Не ври мне. У тебя спина чуть ли не окаменела.

— Ну...может, Паша и прав. Я капельку потолстела за последний месяц... Хотела рассказать об этом в красивой обстановке...

— Гуля, ты беременная? Обалдела совсем? Дышишь керосином, ненормальная! Почему я самое главное узнаю в последнюю очередь? Офигеть!

— Я сама узнала недавно, — она постаралась честно посмотреть Антону в глаза.

— Давно?

Гуля зашептала быстро и извиняюще:

— Вот дня два назад... Пятая неделя. Хотела тебе рассказать после этого выступления. Антон, я больше не буду в ближайший год танцевать с вами, правда-правда! Я крайний раз выступила, честно! И керосин не нюхала почти, я не замачивала реквизит и стояла от него далеко! Антон! Мне так хотелось с тобой еще раз станцевать танго, тем более, эту программу давно не заказывали!

Она сама понимала, что поступила по-детски. А что делать? Тошка ее бы отстранил от выступлений быстро, кричи ли Гуля, умоляй или обижайся.

— Гуля, я просто слов не найду...

— Не надо ругать меня, я беременная. Вот! — успокаивающе сказала она, обнимая Антона. В коридоре появилась пара гостей, потом вышла невеста с женихом по своим делам. Гуля прижималась к Антону и покаянно смотрела в его напряженное лицо.

— Я больше не буду, Тоша! Напоследок хотела выступить, еще разик с тобой... Не злись, пожалуйста...

— Я же говорила! Вы тоже муж и жена? — девушка в шикарном платье невесты, ведя за руку своего новоиспеченного мужа, подходила к Гуле и Антону. На ее лице Гуля увидела радость и восхищение:

— Так красиво было, спасибо вам огромное! Все здорово, но когда вы вдвоем танцевали...прямо до мурашек! И я сказала Славе, а ты мне не верил! — обратилась она к парню в серебристо-черном костюме, — Те, кто выступает, очень любят друг друга! А мама даже заплакала! Так было приятно смотреть!

Гуля и Антон кивали, улыбались, благодарили. Благодарности от зрителей они выслушивали не первый раз, но всегда было приятно их слышать вновь и вновь. После того, как невеста — вернее, уже жена — утянула Славу за собой (ведущий пригласил всех гостей, а также молодоженов, в зал) Гуля и Антон остались в опустевшем холле ресторана.

— Когда я еще раз с тобой так станцую, Антон... С огнем... — грустно заметила Гуля. Она была очень рада ребенку, но жизнь артистов — это череда выступлений, постоянные разъезды, встречи с новыми людьми. Гуля не знала, как она пока будет жить без всего этого.

Без всполохов огня, рвущихся к небу, черной копоти, остающейся на коже, которая с трудом отмывается, но она обязательна как метка, как напоминание о прошедшем счастье. Без ощущения восторга и малой доли страха, всегда присутствующем, когда работаешь с огнем. Без этого пьянящего чувства, когда вокруг тебя огонь, и ты танцуешь...Танцуешь в огне.

— Не знаю, когда еще с тобой выступим. Теперь вот буду сидеть дома, беременная, а

потом- с ребенком... А ты будешь танцевать танго со своими девочками...

Антон, фыркнув, ласково поправил прядку волос, которые сам растрепал недавно.

— Ревнючая Гулька. Я тебе дома скажу пару ласковых...наверное. Любимая, я так рад! Только надо было сразу сказать...

— И ты бы меня дома сидеть обязал, а у нас выступление на носу? Я нормально себя чувствую, Тош! Кого бы ты поставил вместо меня? Кого ты вообще поставишь?

Гуле было все равно, кто будет танцевать партии за нее в других постановках. Но только не в этой. Слишком дорога она была Гуле, слишком любима.

Антон понимающе улыбнулся Гуле. Прикоснувшись пальцами к ее лицу, провел по скуле, задержал их на губах.

— Я уберу этот номер из программы, Гуля. Так, как с тобой, я все равно ни с кем не станцюю. По-другому не хочу. А со мной ты всегда можешь станцевать танго. Когда захочешь, в любое время. Я всегда твой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Лучше один раз увидеть татарский танец. Видео солистки из образцово-показательного коллектива, Моя Гуля танцует попроще, но под эту же музыку. Чтобы у вас образ сложился полный)) <http://www.youtube.com/watch?v=5j8kPqZieuQ>

А вот это — музыка беллиденса Гули.

Первая — обычный трек, под который танцует героиня <http://www.youtube.com/watch?v=KoQ-TeJBZFg>

А второе видео — (та же песня) небольшое видео с концерта самого певца. Посмотрите, не пожалеее, как он поет. Тама все тааак переживают, чуть не плачуть!!! и усе подпевають! жгуть, короча Laughing Laughing настоящие арабские эмоции! <http://www.youtube.com/watch?v=U3dxY5CcURk>

---

notes

Би-2 «Безвоздушная тревога»